

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Том 17, № 4 (2018)

**Научный журнал
Издается с 2002 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOLUME 17, № 4 (2018)

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-4

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

4 выпуска в год. Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ. Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, Directory of Open Access Journals (DOAJ).

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать – 18232.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» представляет собой периодическое международное рецензируемое научное издание. Тематическая направленность журнала отражена в его названии, которое предполагает публикацию материалов по истории России от древней до современной эпохи. Цель журнала – способствовать международному сотрудничеству, научному обмену и культурному диалогу исследователей разных стран. В задачи журнала входит ознакомление читателей с новейшими достижениями исторической науки, проведение дискуссий по спорным и малоизученным проблемам отечественной истории, освещение современных методологий и методов исторических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом. Подборка статей в номер определяется тематическими спецрубриками, которые формируются в соответствии с уровнем актуальности проблемы и интересом, вызываемым в международном научном сообществе. Варьирование рубрикаций предоставляет возможность оперативно реагировать на различные волнующие исследователей проблемы российской истории и освещать личные, зачастую взаимоисключающие точки зрения авторитетных и молодых ученых всего мира.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.university.

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

Published four times a year. Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

“RUDN Journal of Russian History” is an international peer-reviewed scientific serial. The thematic focus of the journal is reflected in its title, which involves the publication of materials on the history of Russia from the ancient to the modern era. The purpose of the journal is to promote international cooperation, scientific exchange and cultural dialogue of researchers from different countries. The journal is aimed at familiarizing readers with the latest achievements of the historical studies, conducting discussions on controversial and understudied problems of Russian history, covering modern methodologies and methods of historical researches, developed both in Russia and abroad. Topical sections are formed in accordance with the relevance of a problem and the interest caused in the international scientific community. Varying the topical sections enables reacting promptly to various problems of Russian history that are of concern to researchers and covering personal, often mutually exclusive, viewpoints of distinguished and young scientists from all over the world.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.university.

Подписано в печать 23.11.2018. Выход в свет 30.11.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 17,71. Тираж 500 экз. Заказ № 1653. Цена свободная

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419

Printed at the RUDN Publishing House: 3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

+7 (495) 952-04-41; E-mail: ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Кемпер Михаэль, *Амстердамский университет, Нидерланды (M.Kemper@uva.nl)*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадила Гизатуллаевна, *РУДН, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Республика Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии
Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, США*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Великобритания*

Коэн Стивен Ф., *Принстонский университет и Нью-Йоркский университет, США*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет*

имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Схиммпельпэнник ван дер Ойе Давид, *Брокский университет, Канада*

Хеслер Джули, *Орегонский университет, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «История России»:

ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Москва, Россия, 117198

Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Michael Kemper, *University of Amsterdam, Netherlands (M.Kemper@uva.nl)*

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Stephen F. Cohen, *Princeton University and New York University, USA*

Michael David-Fox, *Georgetown University, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, USA*

Catriona Kelly, *University of Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, Notre Dame, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia*

David Schimmelpenninck van der Oye, *Brock University, Canada*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan*

Irena Vladimirska, *Academic College of Ahva, Israel*

Copy Editor K.V. Zenkin

Computer Design: Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia

3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10/2 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

В ЭТОМ НОМЕРЕ	749
ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ	
Сухомлинова К.Ю. Регулирование торговых отношений между казаками и горцами в первой половине XIX в.	752
Гатагова Л.С. Этническая матрица в контексте Гражданской войны на Северном Кавказе	769
Федина И.М. Отношения земледельцев кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти в 1920-е гг.	792
Осмаев М.К. Организация трудовой мобилизации в Чечено-Ингушской АССР в годы Великой Отечественной войны	812
Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Цивилизационная роль русского народа в развитии регионов Юга России через призму этнодемографической динамики	834
СТАТЬИ	
Кузнецов А.А. Этнополитическая ситуация в регионе устья Оки накануне Батыева нашествия	863
Ерохина О.В., Фурман Е.Л. Организации трудовых иммигрантов Чехословакии на территории Фроловского района Нижне-Волжского края в 1920–1930-е гг.	890
Алмаев Р.З. Обеспечение кадрами советских школ Южного Урала в послевоенный период (1945–1956 гг.)	914
РЕЦЕНЗИИ	
Линькова Е.В. Michel Vergé-Franceschi, <i>Pozzo di Borgo. L'ennemi juré de Napoléon</i> . Paris: Editions Payot et Rivages, 2016, 412 p.	942
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Зверев В.В. Р.А. Арсланову, ученому и педагогу, 70 лет!	946
ИНФОРМАЦИЯ	
Наши авторы	954
Тематический портфель журнала на 2019 г.	958
Правила оформления статей	959

CONTENTS

IN THIS ISSUE	749
HISTORY OF THE PEOPLES OF SOUTHERN RUSSIA	
Kseniya Y. Sukhomlinova , Regulations for trade between Cossacks and highlanders in the first half of the 19 th century	752
Lyudmila S. Gatagova , The ethnic matrix in the the Civil war in the North Caucasus	769
Irina M. Fedina , Kuban farmers' attitudes toward Soviet agrarian transformations in the 1920s	792
Movla K. Osmaev , Labor mobilization in the Chechen-Ingush ASSR during the Great Patriotic War	812
Vardan E. Bagdasaryan and Sergey I. Resnyansky , The civilizational role of Russian people in the development of the Russia's southern regions through the prism of ethno-demographic dynamics	834
ARTICLES	
Andrey A. Kuznetsov , Ethno-political situation in the Oka estuary region on the eve of the Mongol invasion	863
Olga V. Erokhina, Ekaterina L. Furman , The organization of labor immigrants from Czechoslovakia in Frolov district of the Lower-Volga region in the 1920 and 1930's	890
Rustam Z. Almaev , Finding teachers for schools in the Southern Urals: training and cadre assignment policies after the Great Patriotic War (1945–1956)	914
REVIEW	
Elena V. Linkova (reviewer), Michel Vergé-Franceschi, <i>Pozzo di Borgo. L'ennemi juré de Napoléon</i> . Paris: Editions Payot et Rivages, 2016, 412 p.	942
SCHOLARLY LIFE	
Vasiliy V. Zverev , Researcher and professor Rafael A. Arslanov is 70 years old!	946
INFORMATION	
Contributors to this issue	954
Call for papers for the 2018 annual program	958
Submission guidelines	959

Редакторская статья / Editorial

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Михаэль Кемпер

Амстердамский университет

Нидерланды, 1012 СХ, Амстердам, Кловенирбургвал 48

M.Kemper@uva.nl

IN THIS ISSUE

Michael Kemper

University of Amsterdam

48 Kloveniersburgwal, Amsterdam, 1012CX, Netherlands

M.Kemper@uva.nl

In this issue we bring the history of the peoples of Southern Russia to your attention. The study of the region's ethno-confessional history and cultural diversity reveals very complex and contradictory patterns of interaction. Such research raises questions about the distinct features of the peoples inhabiting the region, but also about what these groups have in common, what that unites them on Russian soil, and what makes the region so significant in terms of its geopolitical position at a crossroads of civilizations.

Separate chapters in the history of the peoples of Southern Russia deserve new attention, both from a new methodological standpoint and as a result of our expanding source base. The articles united in this issue focus on turning points and on the most tragic periods in Russia's history, in particular the Civil War, the social and economic transformations of the 1920s and 1930s, and the Great Patriotic War. Historiography is a field where different and mutually exclusive interpretations can be discussed; this is particularly true when it comes to the relations between the Russians and the native peoples of the North Caucasus. We hope that the present contributions stimulate our scholarly discourse, and pave the way for a more nuanced picture of the region's history.

Particular pages of South Russia's history are linked to the Cossacks, whose settlements on the banks of the Terek and the Don Rivers as well as in the Kuban and the Stavropol regions appeared as early as the 18th century. Kseniya Y. Sukhomlinova (Academy of Marketing and Social Information Technologies, Krasnodar) presents archival material on the measures that

the Tsarist government and the Black Sea Cossack Host took to promote trade between the Cossacks and the mountain peoples of the North Caucasus in the first half of the 19th century. The author provides new data on the history of barter trade regulations as well as on the functions of exchange yards that existed in the region from the early 1800s to the mid-nineteenth century. The author describes the regulation of commodity exchange with reference to the prices of basic goods, and shows the pricing mechanisms used at the exchange yards over time.

Lyudmila S. Gatagova (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow) analyses the complex and contradictory processes that unfolded in the region at the start of the Civil War. Using the works of Russian researchers and bringing in new archival materials, the author problematizes the ethnic factor in the Civil War and the ways it was employed by the opposing political forces in the North Caucasus. As the author argues, the ethnic matrix becomes the basis for the transformation of unresolved social problems into irreconcilable intergroup conflicts.

Proceeding with the topic of the post-revolutionary history of Russia, Irina M. Fedina (Kuban State University, Krasnodar) studies how, in the first decade of Soviet power, the inhabitants of the Kuban villages looked at the agrarian transformations that the Bolsheviks introduced. In particular land and tax policies influenced the mood of the villagers, and impacted on the relations between the Cossacks and the newcomers during the land use reorganization campaign. On the basis of archival documents, Fedina discusses the social, economic, and cultural changes in the Kuban villages that led to the loss of that society's Cossack features. The massive ideological campaigns of the Bolsheviks introduced a Soviet pattern of mentality into the consciousness of the Kuban population.

Movla K. Osmaev (Chechen State University, Grozny) discusses the Soviets' mobilization measures in Chechnya-Ingushetia during the Great Patriotic War. The author pays special attention to the evacuation of industrial enterprises and their subsequent restoration, as well as to the construction of a complex system of defense lines. The researcher shows the efficient mechanisms used to mobilize the human resources available in the republic for the dismantling of industrial enterprises for evacuation, and for the restoration of the oil industry. The article features statistical materials indicating the scale of mobilization in the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic in the autumn and winter of 1942, and also the use of local conscripts to the labor army (*trudarmeitsy*) for work outside of the republic. According to the author, the decline of mobilization

measures in 1944 can be explained by the deportation of the native peoples, resulting in the need to import labor force into the newly formed Grozny region.

The joint article by Vardan E. Bagdasaryan (Moscow State Regional University) and Sergey I. Resnyansky (RUDN University, Moscow) is certainly the most provocative piece in the present collection. The two authors study the civilizational role of the Russian people in South Russia's development through the lens of ethnic and demographic processes. On the basis of a wide range of statistical materials (including population censuses and reports from the Russian Empire, the USSR, and the Russian Federation), the authors illustrate the changing representation of ethnic Russians in the demographic structure of Southern Russia in relation to the respective titular nations. The authors put forward the controversial hypothesis that the civilizational peaks and valleys in the history of Russia over the past centuries can be correlated with the dynamics of Russian migration; the authors argue that a strong presence of Russians, as Russia's 'civilization-forming people', pushes forward the development of the territories otherwise inhabited by non-Russian titular nations. From this perspective, the share of Russians in the demographic make-up, over time, indicates to what extent the region in question has been included into the Russian civilizational system. The authors conclude that ethnic and demographic processes must be managed to ensure Russia's territorial integrity in the future.

In their entirety, the publications of this thematic issue address a wide range of readers interested in the life of the peoples of Southern Russia, their interrelations at various stages of Russia's history, and also the region's prospects for development. The articles raise a number of important issues that deserve further discussion in academic publications.

RUDN Journal of Russian History is meant to serve as such a platform also in the future.

© Michael Kemper, 2018

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-752-768>

Научная статья / Research article

Регулирование торговых отношений между казаками и горцами в первой половине XIX в.

К.Ю. Сухомлинова

Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ
350010, Россия, Краснодар, ул. Зиповская, 5
sukhomlinova0206@gmail.com

Аннотация: В статье на основе новых архивных материалов выявляются меры, предпринятые царским правительством и администрацией Черноморского казачьего войска, для развития торговли между казаками и горскими народами в первой половине XIX в. В работе отмечены основные этапы существования меновых дворов – от их появления в начале XIX в. до их упразднения в 50-х гг. XIX в. Автор анализирует основные проблемы, возникавшие в процессе работы меновых дворов, в том числе развитие регулирования товарообмена между ними с помощью таксы на основные товары. Показана значимость документов, регламентировавших меновую торговлю, для развития торговых отношений между соседствующими народами. В статье рассматриваются конкретные примеры, позволяющие раскрыть основные принципы, по которым работали меновые двory. Показаны механизмы ценообразования, применявшиеся на меновых дворах в различные периоды их деятельности, варьировавшиеся от цен, которые определялись индивидуально и фиксировались на определенный промежуток времени, до порядка коллегиального определения цен, применявшегося позже. Автор приходит к выводу, что осознание необходимости регулировать деятельность меновых дворов с целью получения дополнительных доходов появляется в конце 30-х гг. XIX в. К середине 1840-х гг. возникла необходимость регламентации меновой торговли на государственном уровне, в связи с чем было утверждено «Положение о меновой торговле с горцами по Кавказской линии».

Ключевые слова: Кубань, меновые двory, меновая торговля, казаки, горские народы, армянские купцы, такса

Для цитирования: Сухомлинова К.Ю. Регулирование торговых отношений между казаками и горцами в первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 4. С. 752–768. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-752-768>

Введение

В последние годы наблюдается возрождение интереса к экономической истории отдельных регионов России. История казачества и горских народов юга России вызывает большой научный интерес. Переселение казаков на Кубань и освоение ими новых территорий в конце XVIII – начале

XIX в. было сопряжено с определенными трудностями. Создание кордонной линии и охрана границ Российской империи являлись основными задачами казачества. В свою очередь, соседство с горским населением давало возможность построения новых взаимовыгодных торговых отношений, которое происходило постепенно, и на начальном этапе оно выражалось в создании меновых дворов на линии соприкосновения соседствующих народов. Данный процесс требовал регламентации и документирования. Механизмы функционирования меновых дворов и инструменты регулирования их деятельности представляются нам малоисследованными.

Отдельные вопросы, связанные с функционированием меновых дворов на Кавказской линии, были исследованы в работах дореволюционных историков И.Д. Попко¹ и А.С. Собриевского². Ф.А. Щербина в своем фундаментальном труде «История Кубанского казачьего войска» отмечал высокую значимость меновой торговли для Черноморского казачьего войска на этапе расселения казаков в регионе³. Значимую роль деятельности Т.Т. Котляревского в становлении меновой торговли отмечает П.П. Короленко в своей работе «Атаманы бывшего Черноморского казачьего войска»⁴. Богатый материал, извлеченный из Кубанского войскового архива и Владикавказского центрального архива, использовал В.С. Шамрай в своей работе «Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами»⁵.

В советской историографии процесс функционирования меновых дворов и их значение для горцев рассматривались в работе М.В. Покровского «Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX в.: Социально-экономические очерки»⁶. А.Л. Нарочницкий противопоставлял раз-

¹ Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы в двух частях. Краснодар: Советская Кубань, [1858] 1998.

² Собриевский А.С. Торговое общество казаков в Черноморском (Кубанском) казачьем войске. 1897 г. (списки членов общества за 1843–1862 гг.) // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1898. Т. 4. С. 3–116.

³ Щербина Ф.А. История края // История Кубанского Казачьего Войска: В 2-х т. Советская Кубань, [1910] 1992. Т. 1. С. 600; *Он же*. История войны казаков с закубанскими горцами: с военно-исторической картой Кубанской области за время с 1800 по 1860 годы // История Кубанского Казачьего Войска. В 2-х т. Советская Кубань, [1913] 1992. Т. 2. С. 580.

⁴ Короленко П.П. Атаманы бывшего Черноморского казачьего войска // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891 г. Т. 2. С. 16.

⁵ Шамрай В.С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами // Кубанский сборник. Т. 8. Екатеринодар, 1902. С. 353–522.

⁶ Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки / Под ред. В. Н. Черникова. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1989.

витие торговых отношений методом военного противодействия и отмечал, что именно заинтересованность горских народов Закубанья в торговых связях с Россией вызывала опасения турецких правителей⁷.

Вопросы, связанные с функционированием меновых дворов в XIX в., поднимаются и в работах современных историков. Б.А. Трехбратов отмечает, что в первые годы заселения казаков важное место занимал обмен хлеба у горцев на войсковую соль. Бартер, происходивший по установленным правилам и расценкам, способствовал развитию экономики региона в исследуемый период⁸. Ряд историков подчеркивают значение меновых дворов как инструмента политического и экономического давления на закубанских горцев⁹. При этом некоторые исследователи выделяют политических деятелей, таких как А.П. Ермолов и Н.Н. Раевский, игравших значимую роль в налаживании мирных отношений с горскими племенами¹⁰. Меновая торговля между казаками и горскими народами рассматривается как естественный процесс развития экономики региона на этапе его освоения¹¹. Некоторые нормативно-правовые акты, использовавшиеся царским правительством и разрабатывавшиеся с целью осуществления протекционистской тарифной политики для подавления конкуренции со стороны иностранного товарного транзита и контрабанды, рассматривает в своих

⁷ Нарочницкий А.Л. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. С. 26.

⁸ Трехбратов Б.А. История и культура народов Прикубанья с древнейших времен до начала XX века. Краснодар: Традиция, 2011. С. 204.

⁹ Шигабуудинов Д.М. «Торговая политика» России на северо-восточном Кавказе в период Кавказской войны // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 4 (ч. 2). С. 494–498. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840) / Под ред. Виноградова В.Б. Пятигорск. ПГЛУ, 2002; Великая Е.В. Мероприятия российского правительства по развитию торговли на Северо-восточном Кавказе в первой половине XIX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 9. Ч. 1. С. 47–50; Герман Р.Э. Меновая торговля в центральном Предкавказье в конце XVIII – начале XIX века в системе мер по «замирению Кавказа» // *Вестник Ставропольского государственного педагогического института*. 2016. Вып. 16. С. 234–241.

¹⁰ Басиева З.М. Деятельность Н.Н. Раевского в должности начальника Черноморской береговой линии (1839–1841 гг.) // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки*. 2012. № 3. С. 26–31; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004.

¹¹ Триус Л. И. О современных подходах к изучению вопросов межкультурного взаимодействия на Северном Кавказе // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2002. № 77. С. 186–192; Федосеева Л. Д. Меновая торговля с горским населением на восточном берегу Черного моря в первой половине XIX в. // *Вестник Адыгейского государственного университета*, 2005. С. 40–42.

работах Ю.Ю. Гранкин¹². В статье Д.С. Кидирниязова «Развитие торговли у Северокавказских народов в 30–50-е гг. XIX в.» сделан акцент на значении торговли между Россией и народами Дагестана¹³. Как отмечает ряд историков, выстраивание экономических отношений было неотъемлемым элементом политики Российских властей на Кавказе, что часто позволяло найти компромисс в решении национального вопроса на присоединенных территориях¹⁴. Исследователи подчеркивают, что для правительства Российской империи было важно установить контакты с лояльно настроенными по отношению к ним представителями черкесской аристократии¹⁵.

В зарубежной литературе меновая торговля считается неотъемлемой частью соседских отношений, складывавшихся в XIX в. между закубанскими племенами горцев и казачьим войском¹⁶. Известный английский путешественник Э.Д. Кларк, описывая торговые отношения между горцами и казаками, отмечал то, насколько высоко закубанские племена ценили соль, которую они меняли у черноморских казаков на свои изделия очень хорошего качества¹⁷. По мнению Т.М. Баретта, несмотря на конфликты, возникавшие между соседствующими казаками и горскими народами, торговля была важным и неотъемлемым элементом их взаимоотношений¹⁸.

В данной статье уделяется особое внимание сложностям, возникавшим в процессе регулирования торговых отношений между казаками и горцами, анализируются основные меры, предпринятые руководством Черноморского казачьего войска для их преодоления.

¹² Гранкин Ю.Ю. Закавказская торговля в системе политико-экономических приоритетов российских властей в регионе (первая половина XIX века) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2017. № 2. С. 13–18.

¹³ Кидирниязов Д.С. Развитие торговли у Северокавказских народов В 30–50-е гг. XIX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Отечественная история. 2016. № 2 (47). С. 19–25.

¹⁴ Иванцов В.Г., Макаров Ю.Н., Зимовец Л.Г., Шевченко Н.А. Политика царских властей по вовлечению Мингрелии в политико-правовое пространство Российской империи (1774–1857 гг.) // Былые годы. 2018. Т. 49. № 3. С. 1019–1027.

¹⁵ Черкасов А.А., Шмигель М., Братановский С., Валлоу А. Черкесская аристократия в конце XVIII – первой половине XIX вв.: социальная структура общества // Былые годы. 2018. Т. 47. № 1. С. 88–96.

¹⁶ A. Bashqawi, *Circassia: Born to Be Free* (N.p.: Xlibris Corporation, 2017).

¹⁷ E.D. Clarke, *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa: Russia, Tartary, and Turkey* (N.p.: T. Cadell and W. Davies, 1817).

¹⁸ T.M. Barrett, “Crossing Bondaries: The Trading Frontiers of the Terek Cossacks,” in *Russia’s Orient: imperial borderlands and peoples, 1700–1917* (N.p.: Indiana University Press. 1997), 230.

Принятие таксы на 1837 г.

На первом этапе развития торговых отношений между казаками и горцами регулирование товарообмена происходило при помощи меновых дворов. В правление Павла I известны случаи, когда на нападение горских народов на казачьи селения казаки с позволения императора возвращали или планировали возвратить утраченное путем «взятия репрессалии», что в международном праве понимается как принятие принудительных мер политического и экономического характера, применяющихся одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства¹⁹. С 1801 г. в переписке начальства Кавказской линии и императора Александра I акцент переносится на налаживание экономических связей с горскими народами. Александр I настоятельно рекомендует «во всех случаях ласковостью и справедливыми поступками стараться приобретать доверенность и почтение соседственных народов», если же противозаконные действия их требовали наказания их «репрезалью, то оную учинить таким образом, чтобы явно видели оное, что сами тому причиной»²⁰. Поэтому развитие торговли на меновых дворах и регулирование этих процессов стало важным аспектом политики царской России на Кубани.

Первые меновые дворы, или «сатовки», были основаны на правом берегу реки Кубани по Высочайшему соизволению государя Павла Петровича в ответ на прошение кошевого атамана войска Черноморского Т.Т. Котляревского от 21 июля 1799 г. В нем говорилось о фактах грабежа казачьих поселений горскими народами и необходимости основать места для обмена товаров, особенно соли, так нужной горцам, во избежание дальнейших конфликтов. Российское правительство считало, что налаживание меновой торговли между казаками и горскими народами станет одной из самых действенных мер к умиротворению горцев²¹.

В 1811 г. меновой торг осуществлялся, в частности, при Усть-Лабинском карантине, о чем свидетельствует переписка между Кавказским гражданским губернатором М.Л. Малинским и смотрителем менового двора при Усть-Лабинском карантине прапорщиком Братчиновым. Наставления, полученные от губернатора, регламентировали перечень товаров, на которые можно было обменивать соль. Известен случай, когда соль была обменена на товары горцев, не входившие в данный перечень, в том числе скот, черкески, башлыки, бурки и др. Узнав о данном злоупотреблении,

¹⁹ Акты Кавказской археологической комиссии (далее – АКАК). Тифлис. 1866. С. 726.

²⁰ Там же. С. 739.

²¹ Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту... В двух частях. Краснодар: Советская Кубань, 1998 [1858]. С. 80.

М.Л. Малинский потребовал возместить расходы, понесенные казной на приобретение и доставку товаров, путем их перепродажи²².

Меновые дворы Черноморского казачьего войска состояли в распоряжении Войсковой канцелярии. Смотрители меновых дворов были обязаны вести учет прихода и расхода соли, хлеба, дерева и прочих товаров, подлежащих обмену. Прошнурованные книги учета с подписью смотрителей ежегодно представлялись на рассмотрение в Экономическую экспедицию Войсковой канцелярии. Наказному атаману также предоставлялся отчет о деятельности меновых дворов по делам, касающимся закубанцев, проживавших на приграничных территориях. Эти вопросы, наряду с секретной перепиской, карантинными дворами и другими вопросами безопасности, находились в подчинении войскового атамана²³.

В 30-е – 40-е гг. XIX в. на землях Черноморского казачьего войска функционировали следующие меновые дворы: Редутский с пунктами Совиный и Подмогильный, Александровский с пунктами Антоновский и Мало-Лагерный, Екатеринодарский с пунктами Павловский, Велико-Марьинский и Подгородный. Меновые дворы Великолагерный и Екатериновский пунктов не имели²⁴.

Товарообмен на данных меновых дворах должен был регулироваться определенными нормативными актами, иначе возникала опасность для появления коррупционных элементов. С этой целью по указу Канцелярии Черноморского казачьего войска подполковником Я.Г. Кухаренко была составлена такса, определявшая правила мена на этих дворах для всех черкесских продуктов и ремесленных изделий²⁵.

По мнению подполковника Якова Герасимовича Кухаренко, существование меновых дворов для войска было малоэффективным, так как их вклад в положение войска был незначительным. На первый взгляд войско должно было иметь большие выгоды от торговли с многочисленными племенами горцев Закубанья. Однако обмен давал только лес, и то в небольших количествах. Основной причиной неэффективности меновых дворов считалась нелегальная торговая деятельность, осуществлявшаяся черкесскими и нахичеванскими армянами. Стоит отметить тот факт, что администрация Черноморского войска считала необходимым развитие торговых связей казаков с горскими народами для улучшения дружеских отношений горцев с черноморскими казаками, поэтому предоставляла возможность

²² Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 687. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

²³ Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 710. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 266.

²⁵ Там же. Л. 261.

осуществлять меновую торговлю на меновых дворах всем желающим, стараясь не допустить чьей-либо монополии в ее осуществлении. Для допуска к торговле нужно было получить разрешение от начальства. В июне 1829 г. смотрителю Усть-Лабинского менового двора поступило распоряжение допустить таганрогского мещанина греческого происхождения Петра Найтаки к меновой торговле с горскими народами. Данное прошение было подано на том основании, что подобное разрешение было предоставлено армянскому торговцу Григорию Артунову. Разрешение на осуществление торговли при Усть-Лабинском карантине было дано по рекомендации Усть-Лабинского коменданта подполковника графа Юро. Более того, Петр Найтаки обязывался торговать по ценам, которые были зафиксированы на период с января 1829 г. до января 1830 г.²⁶

Однако никаких привилегий в торговле никому не предоставлялось. В 1829 г. к главнокомандующему на Кавказе графу Паскевичу поступило прошение о награждении нахичеванского учителя Аксения Авганова за предоставление полезных сведений о «закубанских хищниках» и выполнение функции проводника. В качестве поощрения А. Авганов просил дать ему привилегию торговать при Усть-Лабинской пристани с закубанскими народами. В ответ на данное прошение А. Авганова было решено наградить серебряной медалью, однако в предоставлении ему исключительного права на торговлю с горцами было отказано. В предписании пояснялось, что подобной привилегии на Кавказской Линии не существовало и она не могла быть допущена во избежание явной монополии.²⁷

Однако, по мнению подполковника Кухаренко, предоставляемыми возможностями «умели воспользоваться только одни армяне совершенно»²⁸. Основной причиной неэффективности меновых дворов считалась нелегальная торговая деятельность, осуществлявшаяся черкесскими и нахичеванскими армянскими купцами, расселенными по землям Черноморского и Линейного казачьих войск, а также за Кубанью и по всем горам Кавказа, которые вели торговлю с «явными для себя выгодами и всеми мерами, которые им предоставляло начальство»²⁹.

До 1830 г. на меновых дворах Кубани обмену подлежали в основном лес и соль. Торговлю продуктами и пушными товарами вели преимущественно армянские торговцы. Они тайно, с помощью горцев, живущих в хуторах на войсковой земле, переправляли соль за Кубань и, используя

²⁶ ГАКК. Ф. 687. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 25. Л. 2.

²⁸ Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 710. Л. 261.

²⁹ Там же. Л. 261.

черкесов как посредников, вели торговлю с горскими народами, не желавшими торговать с Российской Империей. Торговля между армянскими купцами и горцами осуществлялась по принятым у них нормам и правилам. Согласно этим правилам пуд войсковой соли при обмене приравнялся к одному рублю серебром в прежнем четырехрублевом курсе. Мерой исчисления товара были топы. При этом один топ равнялся двум рублям ассигнациями или половине рубля серебром, двойной топ был равен четырем рублям или одному рублю серебром. Указанный топ в товаре считался так: 8 аршин миткаля (бумажной ткани, изготовленной для обивки), «самой последней руки», т.е. низкого качества, стоивший на земле Черноморского казачьего войска 25 коп. за аршин, равнялся одному топу, т.е. в ценности один рубль серебром, тогда как по ценам, принятым в войске, топ миткаля бы продавался за 2 руб. ассигнациями. Один топ был эквивалентен только двум аршинам коленкора (тонкой хлопчатой ткани), стоившего по 1 рублю ассигнациями.

Деньги, вырученные при продаже товаров горцев, армянские купцы предпочитали тратить там же на покупку местных товаров, так как армянин, привезя деньги серебром на территорию казачьего войска, при покупке товаров у войска на сумму 3 руб. 50 коп. по курсу потерял бы 50 коп. Обмен товаров за Кубанью на изделия горцев был гораздо выгоднее продажи их на деньги. Черкесы имели возможность приезжать в Екатеринодар и покупать нужные им товары по ценам, существующим у казаков, поэтому ознакомившись с выгодами меновой торговли, они сами начали обменивать свои товары на товары тех горских народов, которые не были лояльно настроены по отношению к России и не имели с ней торговых связей³⁰.

По данным, имевшимся у Я.Г. Кухаренко, стоимость леса, полученного на всех меновых дворах через смотрителей за 1838, 1839 и 1840 гг., составила 16 880 руб. 86 коп. Количество проданной соли в стоимостном исчислении составило 5 059 руб. 90 коп., а всего на 21 940 руб. 76 коп. ассигнациями. На каждый рубль, полученный от обмена и продажи товаров на меновых дворах, войсковая казна получала пошлину в размере 20 копеек. За три года (1838–1840 гг.) чистая прибыль войска составила 1 504 руб. ассигнациями. Как полагал сам Я.Г. Кухаренко, если бы смотрители меновых дворов, писари, переводчики и другие служащие меновых дворов, назначенные на эти должности от войска, получали бы жалование из дохода, получаемого на меновых дворах, то войсковая прибыль от меновых дворов даже не позволила бы их содержать³¹.

³⁰ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 710. Л. 264.

³¹ Там же. Л. 262.

Ведение бухгалтерского учета, да и сами торговые операции для казаков, было занятием обременительным, поэтому уже в 1811 г. Екатеринодарский и Редутский меновые дворы были сданы на откуп курским купцам 1 гильдии Михаилу Алексеевичу Сыромятникову и Сергею Васильевичу Антимонову. Откупной контракт, заключенный на четыре года, был очень выгодным для купцов и содержал следующие условия: дворы переходили в пользование откупщикам со всеми строениями и имуществом. Имевшаяся на момент заключения договора на складах соль была оценена в 50 коп. за пуд, соль из Таманских войсковых озер в дальнейшем приобреталась по 20 коп. за пуд. Купцам также было разрешено покупать соль у казаков по договорной цене. На этих условиях откупщики обязывались платить в войсковую казну 16 000 руб. в год.

Когда меновые дворы оказались на откупе, они стали приносить прибыль в пользу войску. Так, по Екатеринодарскому меновому двору она составила 16 000 руб., а по Редутскому – 18 000 руб. Как видно из приведенных выше данных, откупное содержание меновых дворов являлось наиболее эффективной мерой для войска. При этом задействованные ранее при меновых дворах чиновники и прислуга могли быть более полезными на службе. В то же время войско имело право продавать соль на месте откупщику, не затрудняясь ее доставкой до меновых дворов. Доставка могла быть организована откупщиком по сходным ценам, следовательно, и жители от этого могли иметь «некоторого рода промысел».

С целью улучшения прямого обмена товарами между горцами и казаками на меновых дворах Я.Г. Кухаренко предлагал вместо весов на меновых дворах ввести турецкие кантары, которые были более известны черкесам. Они исчислялись по окам, содержащими три фунта, при этом за пуд черкесы принимали 13 ок, и на равноценный вес охотно отдавали товары³².

Помимо соли и леса армянские торговцы наладили товарообмен между казаками и горцами и другими товарами. В течение двух лет (1839 и 1840 гг.) через Екатеринодарский частный карантин ими было провезено на Кубань товаров, кроме соли, на 283 065 руб. 74 коп., получено из-за Кубани черкесских товаров, кроме леса, на 309 827 руб. 70 коп. Таким образом, объем ввезенных на Кубань товаров был выше количества вывезенных на 26 761 руб. 96 коп. Разрабатывавший проект таксы Я.Г. Кухаренко полагал, что некоторая часть товаров оборачивалась через другие пункты секретно, и это количество определить было невозможно. Данное явление можно было объяснить тем, что провоз армянских товаров на Кубань и черкесских из-за Кубани ничем не был обложен, и чиновники карантина

³² ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 710. Л. 263.

не всегда проводили тщательную проверку товаров, а руководствовались в своих действиях только устными показаниями армян. Учреждение таксы на вывозимые за Кубань товары и принятие от армянских торговцев произведенных черкесами товаров должно было дать бóльшую выгоду от торговли с горцами Закубанья.

Сам же Я.Г. Кухаренко считал, что всю торговлю армян и произвольную покупку товаров горцами Закубанья нужно запретить полностью и учредить по всем меновым дворам лавки, снабдив их необходимым для черкесов товаром и достаточным запасом соли. Он предлагал все, кроме леса, полученные от обмена товары и продукты отсылать в войсковую канцелярию или прямо в магазин, учрежденный в Екатеринодаре. «Если же необходимо нужно допустить торговлю армян за Кубанью, – писал Я.Г. Кухаренко, – то дозволить ее с тем, чтобы за перепускаемый на Кубани товар не иначе как чрез меновые дворы, взыскивать в пользу войска с каждого рубля стоимости оного по десяти копеек»³³. Было предложено запретить армянским торговцам провозить на Кубань и продавать приобретенные у черкесов товары. Вместо этого товар должен был сортироваться на меновых дворах, а затем приниматься в войско по ценам, принятым для обмена у черкесов. Оплата могла быть произведена по их желанию: солью, товаром или деньгами³⁴.

Правила меновой торговли 1843 г.

Несомненно, что торговые отношения между казаками и горскими народами нуждались в регулировании. Причем предпринимать активные меры в этом отношении было необходимо и для предотвращения возникших конфликтных ситуаций. Так, 30 мая 1841 г. смотритель Редутского менового двора есаул Чернявский доложил об ограблении Подмогильного обменного пункта на сумму 605 тыс. руб. ассигнациями и о том, что напавшие на них черкесы «ушли обратно за Кубань»³⁵. Закубанцам было выдвинуто требование выдать виновных в ограблении в течение семи дней, в противном случае меновой двор подлежал закрытию и обмен товаров должен был быть прекращен. На некоторое время оборот товаров на меновом дворе, действительно, был прекращен. Поводом к налаживанию отношений послужил привоз мирным дворянином Б. Аладжуковым большого количества леса и его настоятельные просьбы принять и оплатить данный товар. По разрешению Н.С. Завадовского в феврале 1842 г. лес был принят,

³³ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 710. Л. 261.

³⁴ Там же. Л. 264.

³⁵ Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1651. Л. 2.

а для его сохранения выставили даже казачий караул³⁶. Так постепенно деятельность Подмогильного менового двора возобновилась.

В 1842 г. в войсковое правление Черноморского казачьего войска поступило распоряжение начальника штаба генерал-майора Г.А. Рашпиля разработать срез правил меновой торговли. Войсковому начальству было поручено составить подробные правила торговли и представить их на Высочайшее утверждение. Также было поручено разработать меры по развитию торговли на меновых дворах, приносившей пользу войску. Имевшиеся и действовавшие на тот момент некоторые правила торговли могли служить основой для составления нового свода правил, но в особенности важно было учесть опыт торговых отношений с горцами за предыдущие годы³⁷.

22 февраля 1843 г. войсковое правление Черноморского казачьего войска представило на рассмотрение императору Николаю I правила меновой торговли с горскими народами на меновых дворах и пунктах. Данные правила были разработаны согласно пунктам 409 и 410 Положения о Черноморском казачьем войске, утвержденном 1 июля 1842 г. Правила состояли из 108 пунктов. Первый пункт декларировал необходимость наблюдения и покровительства меновой торговли со стороны войскового начальства. Также отмечалось, что меновая торговля не может быть предметом «торговых предприятий и промыслов частных людей»³⁸. В отдельных пунктах правил указывались запрещенные товары. Предметом торгова не могли быть банковские российские ассигнации, депозитные и кредитные билеты, огнестрельное и холодное оружие, военные снаряды, порох, пули, свинец и т.д. Также уточнялось, что хлеб можно было отпускать не иначе, как по особому распоряжению начальства в случае голода в аулах мирных черкесов³⁹. Еще один пункт правил гласил, что все закубанские товары, привезенные на меновой двор, должны были приобретаться по установленным ценам, которые устанавливались ежегодно, а определенный процент от сбыта товаров поступал в пользу войсковых доходов⁴⁰.

Согласно Правилам цены на товары на меновых дворах устанавливались во время проведения Покровской ярмарки, которая, как правило, привлекала в город Екатеринодар множество посетителей из мирных черкесских аулов. Ежегодно 1 октября войсковой наказной атаман приглашал на екатеринодарский меновой двор членов войскового правления, почет-

³⁶ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1651. Л. 17.

³⁷ Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 710. Л. 274.

³⁸ Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1710. Л. 15.

³⁹ Там же. Л. 32.

⁴⁰ Там же.

ных черкесских старшин и столько же простых людей из разных аулов бжедугских племен, осуществлявших предпринимательскую деятельность. Приглашенные приходили в сопровождении людей, владевших турецким и арабским языками. Также на это собрание приглашались смотрители всех меновых дворов и три почетных екатеринодарских торговца от «трех торговых каст: русской, армянской и казачьей»⁴¹. Смотритель на екатеринодарском меновом дворе устраивал выставку всех привозимых из-за Кубани товаров. Приглашенные на выставку участники собрания оценивали выставленные экземпляры товаров и заполняли приготовленные для них бланки, где они указывали подходящие, по их мнению, цены. Путем такого голосования определялись цены на следующий год, после этого составлялась такса. Экземпляры таксы на русском, арабском или турецком языках рассылались участникам меновой торговли⁴².

Генерал-губернатор Новороссийского края М.С. Воронцов выражал обеспокоенность состоянием торговли на меновых дворах, расположенных на Кавказской линии. В 1845 г. в Кавказской области и Черноморье находилось 10 меновых пунктов, на которых, по мнению М.С. Воронцова, торговля не только не сделала больших успехов, «но напротив упала, а в некоторых местах и вовсе не существовала»⁴³. Несмотря на усилия правительства, направленные на развитие торговли в регионе, с 1833 г. отмечалось снижение эффективности работы меновых дворов. Среди причин этого князь М.С. Воронцов называл ограниченность торговли товарами русского производства, которые были необходимы горцам, а также нежелание русских промышленников участвовать в торговле. Вероятно также, что развитию торговли препятствовали несистемные, постоянно меняющиеся карантинные меры и военные действия на границе⁴⁴. Тем не менее нельзя отрицать значения меновой торговли для горцев, так как в неурожайные годы (1828, 1845) в Закубанье горцы получали хлеб в обмен на лес. В 1845 г. на меновые дворы Кубани они доставили 3043 арбы леса и обменяли его на 4661 меру зерна⁴⁵.

9 февраля 1846 г. было утверждено Положение о меновой торговле с горцами по Кавказской линии. Данное положение, состоявшее из 14 пунктов, определяло порядок функционирования меновых дворов на Кубани. Отныне предметами менового торга с горцами, кроме соли, могли быть любые товары, разрешенные к привозу из России. На основании Таможенного

⁴¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1710. Л. 33.

⁴² Там же. Л. 34.

⁴³ АКАК. Тифлис. 1885. С. 569.

⁴⁴ Там же. С. 570.

⁴⁵ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 817. Л. 59.

устава 1842 г. предметами торга горцев с русскими промышленниками могли быть товары горского происхождения, относящиеся к перечню товаров беспошлинного ввоза в Россию. Русские промышленники, желавшие участвовать в меновом торге с горцами, имели право пользоваться преимуществами, если Кавказский наместник признавал нужным привлекать русских промышленников к участию в меновом торге с горцами. Общий надзор за меновой торговлей поручался главному попечителю меновых сношений с горцами на Кавказской линии⁴⁶. Попечительство и центральный меновой двор находились в городе Пятигорске. Главный попечитель назначал торговые дни на каждом меновом дворе, извещал о них и горцев, и русских помещиков. Главной целью принимаемых законов было наладить торговлю, усилить контроль, обеспечить лояльность горцев по отношению к России путем налаживания и интенсификации товарообмена. В систему меновой торговли входили также соляные магазины, откуда соль поступала в меновые дворы, но магазины были подотчетны Кавказской казенной палате⁴⁷.

В 1850 г. меновая торговля на Кавказской линии была ограничена по причине нараставшей напряженности между казаками и горскими народами. По просьбе некоторых бжедугских князей и с разрешения генерал-майора Г.А. Рашпиля продажа соли «верным» бжедугам могла производиться только в Екатеринодаре и только за деньги. Во время военных действий именно экономические санкции наиболее эффективно воздействовали на горцев, заинтересованных в торговле с казаками. В 1851 г. меновая торговля на Кавказской линии была прекращена по причине обострения военных действий. Товарообмен с горскими народами Закубанья принял другие формы, широкое распространение получили ярмарки и базары. Меновое попечительство было упразднено в 1855 г.

Выводы

Таким образом, регулирование торговых отношений между казаками и горцами на первом этапе происходило с большим трудом. Первоначально были организованы меновые дворы, которые должны были помочь избежать конфликтов между казаками и горскими народами, а также наладить взаимовыгодный обмен продуктами, солью и лесом. Однако сами казаки, не имевшие опыта в ведении торговли, предпочитали отдавать меновые дворы на откуп купцам. Откупное содержание меновых дворов считалось наиболее выгодной формой их использования. Отсутствие опыта в веде-

⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание (1825–1881). 1846. Т. 21.

⁴⁷ Там же.

нии торговых дел стало причиной недостаточного контроля над провозом товаров через границу земель Черноморского казачьего войска. Отсутствием должного контроля особенно пользовались армянские купцы, осуществлявшие нелегальную торговую деятельность.

С целью повышения доходов казачьего войска от деятельности меновых дворов была разработана такса, определявшая цены на товары, которыми торговали на меновых дворах. В 40-х гг. XIX в. были разработаны нормативные акты, регулировавшие порядок ценообразования и функционирования меновых дворов, и учреждены органы, осуществлявшие общий надзор за меновой торговлей. Данные органы находились в ведении Кавказского наместника, который среди прочего имел право привлекать русских промышленников для интенсификации товарообмена на меновых дворах. Позже эти органы были упразднены в связи с обострением военного конфликта, и торговля между казаками и горцами приняла иные формы товарообмена.

© Сухомлинова К.Ю., 2018

Рукопись поступила: 4 февраля 2018 г.

Submitted: 4 February 2018

References

- Barett, T.M. "Crossing Bondaries: The Trading Frontiers of the Terek Cossacks." In *Russia's Orient: imperial borderlands and peoples, 1700–1917*, 227–249. N.p.: Indiana University Press, 1997.
- Bashqawi, Adel. *Circassia: Born to Be Free*. N.p.: Xlibris Corporation, 2017.
- Basieva, Z.M. "By N.N. Raevski as Chief of the Black Sea Coastline (1839–1841)." *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki*, no. 3 (2012): 26–31 (in Russian).
- Berzhe, A.P., ed. *Akti, sobrannye Kavkazskoi arheograficheskoi komissiei. Archiv glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo* [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission. Archives of the main department of the governor of the Caucasus]. Vol. 1. Tiflis: Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo Press, 1866 (in Russian).
- *Akti, sobrannye Kavkazskoi arheograficheskoi komissiei. Archiv glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo* [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission. Archives of the main department of the governor of the Caucasus]. Vol. 10. Tiflis: Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo Press, 1885 (in Russian).
- Bliev, M.M. *Rossiia i gortsy Bol'shogo Kavkaza. Na puti k tsivilizatsii* [Russia and the Highlanders of the Greater Caucasus. On the road to civilization]. Moscow: Mysl' Publ., 2004 (in Russian).
- Cherkasov, A.A., Smigel, M., Bratanovskii, S., and Valleau, A. The Circassian Aristocracy in the late XVIII – the first half of XIX centuries: the Social Structure of Society. *Bylye Gody* 47, no. 1 (2018): 88–96 (in Russian).

- Clarke, E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa: Russia, Tartary, and Turkey*. N.p.: T. Cadell and W. Davies, 1817.
- Fedoseeva, L.D. “Menovaya trgovlya s gorskim naseleniem na Vostochnom beregu chernogo morya v pervoi polovine XIX v.” [Barter trade with highlanders on the Eastern Black Sea Coastline in the first half of the XIX century] *Vestnik of the Adygeya State University*, no 3 (2005): 40–43 (in Russian).
- Grankin, Y.Y. “The Trans-Caucasian trade in the system of political and economic priorities of the Russian authorities in the region (the first half of the 19th century).” *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta. K.L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki*, no. 2 (2017): 13–18 (in Russian).
- Herman, R.E. “Barter Central Caucasia at the end of XVIII – early XIX centuries in the system of measures for «pacification of the Caucasus.” *Vestnik of Stavropol state pedagogical institute* 16 (2016): 234–241 (in Russian).
- Ivantsov, V. G., Makarov, Y. N., Zimovets, L.G., and Shevchenko, N.A. The Policy of the Tsarist Authorities to Involve Mingrelia in the Political and Legal Space of the Russian Empire (1774–1857). *Bylye Gody* 49, no. 3 (2018): 1019–1027 (in Russian).
- Kidimiyazov, D.S. “Razvitie trgovli u Severokavkazskikh narodov v 30–50-e gg. XIX v.” [The development of trade among the north Caucasian peoples in the 30–50-ies XIX century] *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, no. 2 (2016): 19–25 (in Russian).
- Klychnikov, Y.Y. and Vinogradov, V.B. ed. *Rossiyskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840)* [Russian Policy in the North Caucasus (1827–1840)]. Pyatigorsk: PGLU Publ., 2002 (in Russian).
- Narochnitskii, A.L. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.)* [The history of the peoples of the Northern Caucasus late 18 century – 1917]. Moscow: Nauka Publ., 1988 (in Russian).
- Pokrovsky, M.V. *Izistorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka: sotsialno-ekonomicheskie ocherki* [From the history of the Circassians in the late 18th – first half of 19th century: Social and economic essays]. Krasnodar: Krasnodar book house Publ., 1989 (in Russian).
- Popko, I.D. *Chernomorskie kazaki v ih grazhdanskom i voennom bytu: ocherki kraya, obshchestva, vooruzhonnoy sily i sluzhby* [Black Sea Cossacks in their civil and military life: essays on region, society, armed forces and service]. Krasnodar: Sovetskaya Kuban Publ., [1858] 1998 (in Russian).
- Shamray, V.S. “Kratkiy ozherk menovyh (torgovyh) snoshenii po Chernomorskoy kordonnoy i beregovoy linii s Zakubanskimi gorskimi narodami. S 1792 po 1864 g. (Na osnovanii dokumentov, izvlechennyh iz del Kubanskogo voiskovogo i Vladikavkazskogo central’nogo arkhivov.” [A brief outline of barter (trade) relations in the black sea cordon and coastline from the Circassians. From 1792 to 1864 (On the basis of documents extracted from the Kuban military Affairs and the Vladikavkaz Central archives)] In *Kuban collection*, 353–522. Vol. 8. Ekaterinodar: [S.n.], 1902 (in Russian).

- Shcherbina, F.A. *Istoriya kraya* [The history of the region]. Vol. 1. of *Istoriya Kubanskogo Kazachiego Voyska* [History of The Kuban Cossack Army]. N.p.: Soviet Kuban Publ, 1910 (in Russian).
- *Istoriya voiny kazakov s zakubanskimi gortsami* [The history of war between Cossacks and Circassians: military-historical map of the Kuban region in the period from 1800 to 1860]. Vol. 2. of *Istoriya Kubanskogo Kazachiego Voyska* [History of The Kuban Cossack Army]. Soviet Kuban Publ, [1913] 1992 (in Russian).
- Shigabutdinov, D.M. “Torgovaya politika Rossii na severo-vostochnom Kavkaze v period Kavkazskoy voiny.” [Trade policy of Russia in the North-Eastern Caucasus during the Caucasian war] *Fundamental research*, no. 4 (2013): 494–498 (in Russian).
- Sobrieski, A.S. “Torgovoe obshchestvo kazakov v Chernomorskom (Kubanskom) kazach'em voyske. 1897. (spisok chlenov obshchestva v 1843–1862 gg.” [Trading Cossacks company in the black sea (Kuban) Cossackshost. 1897 (lists of members of the society in 1843–1862] In *Kuban collection*, 3–116. Vol. 4. Ekaterinodar: [S.n.], 1898 (in Russian).
- Trekhbratov, B.A. *Istoriya i kultura narodov Prikubaniya s drevneyshih vremen do nachala XX veka* [History and culture of peoples of the Kuban from ancient times to the early 20th century]. Krasnodar: Tradition Publ., 2011 (in Russian).
- Trius, L.I. “O sovremennykh podkhodakh k izucheniyu voprosov mezkul'turnogo vzaimodeystviya na Severnom Kavkaze.” [On modern approaches in studying intercultural interactions in the North Caucasus] *Izvestiya of Herzen State Pedagogical University of Russia*, no. 77 (2008): 186–192 (in Russian).
- Velikaya, E.V. “Russian government actions for trade development within north-eastern caucasus in the first half of the XIXth century.” *Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and study of art. Issues of theory and practice*, no. 9 (2012): 47–50 (in Russian).

Archives

- Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State archive of Krasnodar region] (therafter – GAKK), f. 250, op. 2, d. 710.
- GAKK, f. 249, op. 1, d. 1651.
- GAKK, f. 249, op. 1, d. 1710.
- GAKK, f. 261, op. 1, d. 817.
- GAKK, f. 687, op. 1, d. 1.
- GAKK, f. 687, op. 1, d. 21.
- GAKK, f. 687, op. 1, d. 25.
- Gosudarstvennyi arkhiv Stavropolskogo kraia [State archive of Stavropol region], f. 20, op. 1, d. 12.

Regulations for trade between Cossacks and highlanders in the first half of the 19th century

Kseniya Y. Sukhomlinova

Academy of marketing and socially-information technologies
5 Zhipovskaya St., Krasnodar, 350010, Russia
sukhomlinova0206@gmail.com

Abstract: The resettlement of Kuban Cossacks and the exploration of new territories in the late 18th and early 19th centuries were fraught with difficulties. While the Cossacks' main function was the establishment of a cordon line and the protection of the Russian Empire's borders, they were also given the opportunity to build new and mutually beneficial trade relations with the population groups of the near-by Caucasus. The establishment of exchange trade yards on the border required regulations and documentation. The article discusses the functioning of the exchange trade yards in the Kuban region in the 19th century, as well as the main measures taken by the government of the Russian Empire and the administration of the Black Sea Cossack Host for developing trade between the Cossacks and the Caucasian population. The author analyzes the history of the trade yards from their foundation in the early 19th century to their abolition in the 1850s; equally discussed are the problems which the Cossacks and Caucasians faced in the process of exchanging goods, and the measures taken by officials to solve these problems. The focus is on a number of archival documents which regulated the process of trading, in particular tariffs on basic goods and rules for bartering with highlanders.

Keywords: Kuban, exchangetrade yards, barter, Cossacks, highlanders, Armenian merchants, tariff

For citation: Sukhomlinova, Kseniya Y. "Regulation for trade between Cossacks and highlanders in the first half of the 19th century." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 4 (2018): 752–768. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-752-768>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-769-791>

Научная статья / Research article

Этническая матрица в контексте Гражданской войны на Северном Кавказе

Л.С. Гагагова

Институт российской истории РАН
117292, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
iriran@mail.ru

Аннотация: В постсоветские годы Северный Кавказ обрел стойкую репутацию политически нестабильного региона со своими специфическими проблемами, многие из которых уходят корнями в далекое прошлое. Чтобы лучше понимать суть сегодняшних проблем, крайне важно исследовать сложные перипетии северокавказской региональной истории в ее кризисные, переломные моменты. Данная статья посвящена выявлению роли этнического фактора на начальном этапе Гражданской войны на Северном Кавказе (1917–1918 гг.). В ней рассматривается динамика межэтнического противостояния в полиэтничном и мультиконфессиональном северокавказском регионе и влияние этого процесса на борьбу противоборствующих политических сил. Также предпринимается попытка прояснить, каким образом большевики и их противники использовали этническую карту в своих интересах. Эта тема актуальна вследствие важности постижения феномена этничности в его связке с конфликтностью. Исследование позволяет понять, в каких случаях этническая матрица становится объединяющей основой для трансформации неразрешенных социальных проблем в непримиримые межгрупповые противоречия. Анализ событий революционной эпохи осуществляется на основе новых архивных данных, извлеченных из фондов Российского государственного архива социально-политической истории.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Терская область, межэтнические распри, казаки, чеченцы, большевики, Добровольческая армия

Для цитирования: Гагагова Л.С. Этническая матрица в контексте Гражданской войны на Северном Кавказе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 4. С. 769–791. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-769-791>

Введение

Предмет данной статьи представляется актуальным не только вследствие важности изучения ключевых сюжетов северокавказской региональной истории. Одним из наиболее острых вопросов современных социальных наук является постижение феномена этничности в связке с конфликтностью. В каких случаях этническая матрица становится консолидирую-

щим началом для трансформации социальных проблем в непримиримые межгрупповые противоречия? Какие факторы в наибольшей степени способствуют подобным трансформациям: внутренние или внешние?

События Первой мировой войны, Российской революции и Гражданской войны привели к нарушению устоявшейся конфигурации межгрупповых отношений на Северном Кавказе, вызвав появление дополнительных линий антагонизмов. Взаимную неприязнь порождали и этнокультурные различия, и факторы социального порядка: массовое обнищание, вызванное модернизационными процессами в недрах традиционного общества, земельные тяжбы и связанный с ними дефицит жизненных ресурсов, усилившийся продовольственный кризис и т.д.

В советской исторической литературе эпохе революционной смуты на Северном Кавказе посвящен значительный массив работ. Основным достоинством подавляющего большинства исследований является более или менее добросовестное описание хронологической канвы событий, преимущественно сквозь призму военно-политических интересов большевиков. В идеологическом смысле советские авторы строго следовали канонам марксистско-ленинского учения с его теорией классовой борьбы. Революция и Гражданская война представляли в виде логического звена в цепи событий, складывавшихся в победную хронику борьбы рабочих и крестьян за светлое будущее – разумеется, при направляющей и организующей роли РКП(б) во главе с В.И. Лениным. Анализ расстановки сил в ходе Гражданской войны строился на основе оппозиции – хорошие «красные» и плохие «белые».

В постсоветские годы маятник неизбежно качнулся в противоположную сторону: «красные» и «белые» поменялись местами, а на большевиков обрушились «кары небесные». В работах нового поколения историков оценки действий Добровольческой армии с ее попытками реставрации империи грешили не критичностью и изрядной долей идеализации. Лишь после того, как схлынула постперестроечная эйфория, у исследователей, помимо переосмысления большевистской политики, стал расти интерес и к иным, малоизвестным или вовсе неизвестным сюжетам из истории Гражданской войны на Северном Кавказе¹. Новые исследовательские подходы

¹ *Дзидзоев В.Д.* Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ: Ир, 1995; *Музаев Т.М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. М.: Патрия, 2007; *Безугольный А.Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. М.: Центрполиграф, 2011; *Джамбулатов Р.Т.* Революция и гражданская война на Терекке. Хасав-Юртовский округ и Кизлярский отдел. Махачкала: Rizo-Press, 2012; *Бурда Э.В.* Терское казачье восстание. 1918 год. Нальчик: «Издательство М. и В. Котляровых», 2016;

позволили воссоздать гораздо более сложную и многомерную, сравнительно с прежними представлениями, картину революционной эпохи в регионе. Однако все еще не до конца проясненными остаются многие сюжеты, в том числе связанные не только с расстановкой противоборствующих сил, но с их реальным соотношением, с политической ориентацией различных групп и категорий населения, с анализом социальных и культурологических аспектов проблемы.

Термин «гражданская война» впервые прозвучал на Северном Кавказе в резолюции I съезда рабочих, солдат, казаков, крестьян и горцев, проходившего в Моздоке 25–31 января 1918 г. В документе от 28 февраля говорилось: «Терская область не перестает пребывать в состоянии анархии, общей разрухи и *гражданской войны*» (курсив мой – Л. Г.). Примечательно, что понятие «гражданская война» далеко не все участники сочли адекватным. Делегат съезда от солдатских организаций, И.В. Малыгин, предлагал назвать войну не гражданской, а «национально-племенной». В прениях обсуждались и другие предложения. Представитель еврейской группы Гельфгат настаивал на том, чтобы именовать войну «гражданско-национальной»².

В принятых съездом итоговых документах осталась прежняя формулировка, несмотря на попытки отдельных участников более точно отразить суть происшедших в регионе событий. Между тем вопрос об определении характера этих событий и роли этнического фактора на начальном этапе Гражданской войны на Северном Кавказе представляется отнюдь не праздным.

Российская междоусобица в кавказском измерении

А.И. Деникин в «Очерках русской смуты», писавшихся по свежим следам событий Гражданской войны, заметил, что Добровольческая армия по мере своего продвижения вглубь Кавказа попала «в обстановку сложных и запутанных взаимоотношений». Размышляя о ситуации в южном регионе, бывший командующий упомянул об исторических, национальных, социальных, религиозных и бытовых условиях, которые «создали удивительную кавказскую мозаику» и которые, считал он, повлияли на ход событий в первый год революции³. Оглядываясь на проигранную им военную кампанию, генерал заключил, что «внешние воздействия» (очевидно,

Гражданская война на Северном Кавказе: грани осмысления. Материалы Международной научной конференции / Под ред. З.В. Кануковой. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017; и др.

² Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 33. Д. 697. Л. 17–18.

³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. С. 166.

под этим подразумевались не одни только большевики, но и другие силы, в том числе и добровольческое движение) еще больше запутали извечную «внутриплеменную рознь», которая, по его словам, «сдерживалась некогда сильной центральной властью, а теперь положительно раздирала кавказские народы, давая ничтожной советской силе утвердиться на Северном Кавказе»⁴.

В имперско-патерналистской системе, наиболее гибком, по мнению В.П. Булдакова, типе властвования в полиэтничной среде, каждый этнос «капсулируется» по отношению к традиционно или потенциально враждебному соседу. Но как только подобная система оказывается в кризисной ситуации, она начинает провоцировать то, что исследователь именуется «революциями этнических ожиданий». Обманутые или кажущиеся таковыми ожидания «оборачиваются почти трайбалистским беспределом», а именно войной с соседями⁵.

На Северном Кавказе, где насилие в качестве регулятора практически всех сторон социальной жизни оставалось доминирующим способом разрешения спорных земельных, имущественных, сословных и прочих проблем, с ослаблением государственных пут мгновенно обострились застарелые антагонизмы и фобии, вылившиеся в бесчисленные конфликты, стычки, вооруженные нападения.

Уже вскоре после Февральской революции стало очевидно, что новым властям Терской области – поначалу в лице комиссаров Временного правительства, затем Войскового казачьего правительства, Горского правительства, Совета Народных Комиссаров и прочих руководящих органов – не под силу было справляться с нараставшими проблемами. Серьезным вызовом оказался лавинообразный рост преступности. С весны 1917 г. в местных округах и участках, прежде всего вдоль Сунженской линии и в Кизлярском отделе, резко участились разбойные нападения и грабежи. Объектом постоянных набегов стал наиболее процветающий с экономической точки зрения Хасав-Юртовский округ⁶. Русские и немецкие жители округа, особенно страдавшие от грабежей, видели выход в том, чтобы направить ходатаев к военному командованию с просьбой защитить их. Кумыки, составлявшие большинство жителей и опасавшиеся прихода солдат, предложили своим соседям начать действовать самостоятельно, не при-

⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. С. 167.

⁵ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОСПЭН, 2010. С. 272.

⁶ Подробнее о событиях в округе см.: Джамбулатов Р.Т. Революция и гражданская война на Тереке...

бегая к помощи военных. Они собрали из сотрудников сельской милиции конный отряд численностью в 300 человек для борьбы с нападениями.

По воспоминаниям одного из участников событий, чеченцы, нападавшие на селения округа, были хорошо организованы и имели в сельской среде своих доносителей, с помощью которых отслеживали передвижения конного отряда, вторгаясь в те поселения, где отряд в данный момент не находился. Но несмотря на усилия, предпринимавшиеся жителями округа, искоренить грабежи не удавалось. К тому же содержание всадников ложилось тяжким бременем на местное население, и многие вскоре начали уклоняться от взятых на себя обязательств⁷.

За округом закрепилась дурная слава. Нагнетание напряженности обернулось массовым исходом русских и немецких поселенцев. Люди бежали в города, где все же сохранялось некое подобие порядка. Всего лишь за несколько месяцев более 170 русских поселков, молдаванских хуторов, немецких «колонок», расположенных на Кумыкской плоскости, были буквально сметены с лица земли⁸. Хроника происшествий с этническим окрасом, составленная В.П. Булдаковым на материалах двух постреволюционных лет, свидетельствует, что во многих случаях зачинщиками конфликтов становились возвращавшиеся с Кавказского фронта солдаты⁹. Пользуясь практически полной безнаказанностью, они устраивали стычки, пьяные дебоши, погромы, вольно или невольно провоцируя население городов и сел, и без того глубоко фрустрированное атмосферой нарастающего хаоса. Наиболее широкий общественный резонанс в череде аналогичных происшествий вызвал кровопролитный погром, который учинили солдаты во Владикавказе 6–7 июля 1917 г. Расплодившиеся повсюду банды «абреков» (так преступников именовали по старой имперской привычке) дерзко нападали на хутора, имения, грабили поезда, захватывали заложников, убивали беззащитных людей¹⁰.

Рост насилия в регионе и правонарушений во многом был вызван причинами социального и экономического порядка. Но в специфическом кавказском контексте (чрезвычайно насыщенная многообразным этническим компонентом полиэтничная среда и наличие застарелых антагонизмов внутри нее) опасность этого явления усугублялась тем, что порождает

⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Раздел 6. Л. 67.

⁸ Корнев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1918 годы. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 73; Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарии, анализ. М.: Новый хронограф, 2010. С. 489.

⁹ Булдаков В.П. Хаос и этнос. С. 227, 231, 267, 384, 395, 397, 437, 438–439, 440, 615.

¹⁰ Там же. С. 266, 272, 305, 310, 344, 351, 379, 482, 685, 758, 759, 767, 800–801, 835.

мое им насилие неизбежно обрело этническую окраску. Тем самым пространство потенциального межэтнического противостояния раздвигалось до непредсказуемых пределов.

С начала весны 1917 г. все чаще происходили столкновения между казаками и чеченцами, а также между казаками и ингушами¹¹. В этой квазиэтнической конфронтации градус взаимной нетерпимости и жестокости смещался лишь в одном направлении – исключительно по нарастающей. В августе–сентябре запылал очередной конфликт – на этот раз между казаками станиц Карабулакская, Троицкая, Слепцовская и жителями близлежащих ингушских селений¹². К моменту октябрьских событий чеченский и ингушский народ, с одной стороны, и казачество, с другой, находились фактически в состоянии войны¹³.

Осенью бандитизм стал практически повсеместным явлением. Грабительские вылазки, перемежаясь с межэтническими стычками, сливались в глазах сторонних наблюдателей в одну сплошную картину тотального насилия. После очередного столкновения казаков с ингушами была сожжена станица Фельдмаршальская¹⁴. «В это время, – свидетельствовал современник, – произошли два крупных события вне Хасав-Юртовского округа, но сильно повлиявшие на его судьбу. На севере началась междоусобная война»¹⁵.

Если поначалу в городах Северного Кавказа все же сохранялся относительный порядок, то после большевистского переворота ситуация стала стремительно ухудшаться. По свидетельству одного из лидеров большевистского движения на Северном Кавказе Г.К. Орджоникидзе, осенью 1917 г. среди горцев (имелись в виду чеченцы – Л.Г.) началось движение «долой русских с горской территории»¹⁶. В ноябре отряд чеченцев совершил налет на Грозный¹⁷. В середине декабря крупный отряд, сформированный на деньги нефтепромышленника А.М. Чермоева, устроил повторный рейд, закончившийся захватом города. Изгнать чеченцев из Грозного удалось лишь в конце декабря с помощью бронированного поезда¹⁸.

¹¹ Булдаков В.П. Хаос и этнос... С. 306, 484, 525, 526, 560, 760–761, 766.

¹² Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...) Его предыстория и факторы развития. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. С. 47.

¹³ Корнев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1918 годы. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 68.

¹⁴ Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...)... С. 49.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Раздел 6. Л. 68.

¹⁶ Борьба за советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917–1920 гг.). Сборник документов и материалов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1958. С. 175.

¹⁷ Булдаков В.П. Хаос и этнос... С. 528.

¹⁸ Там же. С. 561–562.

С уходом воинских частей разложившейся Кавказской армии «ничем и никем не сдерживаемая анархия» установилась во Владикавказе, где происходили регулярные столкновения казаков и ингушей, отчего страдали мирные граждане. 4 января 1918 г. казаки убили четверых ингушей вблизи слободы Шалдон, что послужило поводом для нападения ингушей на Владикавказ¹⁹. Тогда же спровоцированные казаками части, стоявшие в Грозном, совместно со слободскими жителями, при помощи уссурийских казаков, возвращавшихся с турецкого фронта, двинулись на селение Старый Юрт. Цветущее селение было разгромлено. Та же участь постигла аулы Старо-Сунженский и Новый Юрт. В ответ чеченцы сожгли станицу Каховскую²⁰.

В марте–апреле 1918 г. резко участились вооруженные конфликты между ингушами и осетинами. По некоторым данным, непосредственным поводом послужило убийство семерых осетин, возвращавшихся из Владикавказа. Вслед за этим ингуши совершили вооруженный налет на осетинское селение Батакоюрт (Владимирское). Жители, застигнутые врасплох, не смогли оказать сопротивления, и селение было уничтожено дотла. «Судя по одежде нападавших – белые чалмы на шапках, – сообщал наблюдатель, – ингушскими верхами в полной мере были использованы религиозные настроения ингушей»²¹. Ожесточенные бои с участием казаков развернулись в районе двух соседних селений, Ольгинского и Базоркино²².

9 апреля банды шейха Узун-Хаджи напали на Хасавюрт, сожгли слободу и разграбили окрестные аулы²³. В этом сугубо грабительском рейде отсутствовали этнические мотивы, но он вверх пострадавшее население округа в состоянии, которому В.П. Булдаков дал весьма точное определение – этнофобское ожесточение крестьянской массы²⁴. Негодующие сельские жители разграбленных сел (кумыки, русские, украинцы, немцы, молдаване и т.д.) были готовы примкнуть к каким угодно силам, лишь бы наказать обидчиков и добиться возмездия. В подобную форму ожесточения в конечном итоге выливались и многочисленные социальные конфликты, спровоцированные нескончаемыми земельными спорами между кабардинцами и балкарцами, кабардинцами и карачаевцами, кабардинцами и осетинами, чеченцами и дагестанцами, чеченцами и тушинами, ингушами и хевсурами и т.д.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 731. Л. 1.

²⁰ *Ошаев Х.* Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный: Чеч. ОДН (тип. им. «11 августа 1918 г.»), 1928. С. 18.

²¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 705. Л. 17.

²² *Булдаков В.П.* Хаос и этнос... С. 648, 678, 724.

²³ *Аликберов Г.А.* Революция и гражданская война в Дагестане. Хроника важнейших событий (1917–1921 гг.). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1962. С. 64.

²⁴ *Булдаков В.П.* Красная смута... С. 494.

19 апреля к Грозному подошел отряд чеченцев и потребовал удалить из города русских жителей²⁵. Подобные акции устрашения, совершавшиеся вслед за бандитскими набегами, до предела накаляли обстановку. Ожесточаясь против конкретных преступников, люди произвольно переносили неприязнь на весь народ. «Как трагедия, пережитая Грозным, – утверждает Д.З. Коренев, – надолго отравила взаимоотношения населения города с чеченцами, так и кошмар январских дней во Владикавказе оставил глубокий след во взаимоотношениях горожан с ингушами»²⁶.

В 20-х числах апреля произошло сразу несколько крупных столкновений между солдатами, следовавшими с фронта в эшелонах, и чеченцами в районе разъезда Шамхал и станции Чир-Юрт, а также неподалеку от Гудермеса. Свою «лепту» в разгоравшуюся межэтническую войну вносили и солдаты недавно сформированной и набиравшей силу Красной армии. Вторгнувшись в Нальчикскую слободу, отряд красноармейцев попытался изъять у населения оружие, что закончилось кровопролитием²⁷. Мартовский погром с убийствами во Владимирской слободке Владикавказа, учиненный пьяными красноармейцами, вызвал недовольство горожан и стал предметом специального обсуждения в Терском народном совете. Его члены склонялись к точке зрения, что главный «виновник» погрома – спиртные напитки. По мнению же представителя казачьей фракции Григорьева, к трагедии привели гораздо более серьезные причины. «Дело не в спиртных напитках, – заявил он, – а в составе красной армии; из кого она состоит, туда идут из-за наживы, это люди, у которых благодаря их лености ни кола, ни двора, и они не углубляют революцию, как это принято говорить про красную армию, а разоряют ее». Григорьев охарактеризовал Красную армию как «просто банду, никому не подчиняющуюся»²⁸.

Поскольку революция выросла из войны империй, не приходится удивляться тому, утверждает В.П. Булдаков, что эскалация этнического насилия оказалась связанной с солдатами²⁹.

Попытки обуздания хаоса и издержки многовластия

Одним из крайне болезненных последствий революционных событий в России стал полномасштабный кризис управления, вызвавший стихийный процесс дробления центров власти. Этот процесс захватил все периферии бывшей империи, в том числе и Северный Кавказ. Столкнувшись

²⁵ Булдаков В.П. Хаос и этнос... С. 724.

²⁶ Коренев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1918 годы... С. 85.

²⁷ Булдаков В.П. Хаос и этнос... С. 726–727, 756.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 695. Л. 115.

²⁹ Булдаков В.П. Красная смута... С. 289.

с реальной угрозой межэтнической войны, практически все облеченные властными полномочиями органы (Советы, съезды народных представителей, военные штабы, городские муниципальные учреждения, самопровозглашенные «правительства» и комитеты, а также низовые общественные организации) предпринимали – каждый в меру своих возможностей – усилия по стабилизации обстановки в регионе. Первые попытки последовали уже вскоре после Февральской революции. Лихорадочные действия местных властей по пресечению межэтнических распрей не прекращались вплоть до развертывания активных боевых действий на всей территории Северного Кавказа.

12 июля 1917 г. во Владикавказе состоялось совместное собрание местных Советов с представителями казаков и ингушей. Участники избрали специальный комитет для предотвращения конфликтов из представителей разных народов³⁰. На совместном горско-казачьем съезде ингушского народа, казаков Сунженского, Кизлярского отделов и иногородних, проходившем 5–8 августа также во Владикавказе, было принято решение применять в отношении разбойников, грабителей, убийц и провокаторов на территории Сунженского и Кизлярского отделов, Грозненского и Назрановского округов Терской области шариатский суд³¹. Участникам съезда удалось добиться примирения, но вскоре после убийства «на юрте станицы Нестеровской» двух возвращавшихся со съезда делегатов-ингушей вражда вспыхнула с новой силой³². Обе стороны конфликта с легкостью нарушали любые договоренности и соглашения.

Всякая смута, вспыхивавшая на Северном Кавказе, неизбежно вносила раскол во взаимоотношения местных народов. Следствием революционной смуты также явилось небывалое взаимное отчуждение различных слоев населения – и не только по этническому признаку. Практически каждая этническая или социальная группа пыталась самостоятельно справиться с возникшими угрозами, не ожидая поддержки от других. 10 августа в Хасав-Юрте состоялось совещание крестьян-переселенцев, которые избрали делегатов для поездки в Петроград с ходатайством о присылке войск для защиты населения от набегов чеченцев³³.

Казачье командование предпринимало меры против насилия, творимого солдатами. 17 августа заместитель войскового атамана есаул Л.Е. Медяник рапортовал из Грозного войсковому атаману Терского войска, находивше-

³⁰ Булдаков В.П. Хаос и этнос... С. 342.

³¹ Там же. С. 381.

³² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 731. Л. 1.

³³ Булдаков В.П. Хаос и этнос... С. 383.

муся во Владикавказе: «В настоящее время в городе полное спокойствие и радость. Разнузданные солдатские массы, терроризировавшие население, более не появляются на улицах. Они находятся в казармах и заняты своим солдатским делом»³⁴.

Проблемой преступности были вынуждены озаботиться и органы власти в Чечне. 1 сентября газета «Голос Дагестана» сообщала, что исполнительный комитет Чеченского национального совета, возглавляемого влиятельным шейхом Дени Арсановым, занялся составлением списков «порочных лиц» и приступил к формированию милиции для их поимки³⁵. О шейхе говорили как о стороннике мирных способов разрешения конфликтов между казаками и горцами, которых, согласно многочисленным свидетельствам, направляли друг на друга большевики³⁶.

Будущий лидер казачьего мятежа Г.Ф. Бичерахов, вернувшийся из-за границы (куда он был командирован для ознакомления с постановкой авиации на фронтах), попал в Терскую область в ноябре 1917 г., в самый разгар конфронтации между казаками и горцами и, согласно источникам, «принял самое энергичное участие по ликвидации столкновения»³⁷. Он сыграл ключевую роль в улаживании конфликта между жителями станицы Котляревской и кабардинского селения Барокого (Бороково). Котляревцы сожгли половину селения. Разгневанные кабардинцы, поддержанные ингушами, собрали отряд в две тысячи человек и «готовы были ринуться на станицу Котляревскую», «но делегации, во главе которой был Г.Ф. Бичерахов, удалось отстоять станицу Котляревскую, спасти ее от разгрома, а жителей от смерти и примирить враждующие стороны»³⁸.

На спешно созванном 8 января 1918 г. совещании владикавказских городских организаций с участием представителей Войскового, Горского, Терско-Дагестанского правительств и городской управы было решено доверить диктаторские полномочия начальнику местного гарнизона полковнику И.Н. Беликову. Заняв со своим штабом помещение Владикавказского совета, Беликов приступил к активным действиям: ему понадобилось всего несколько дней, чтобы организовать наемные офицерские сотни для охра-

³⁴ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 717. Л. 6.

³⁵ Булдаков В.П. Хаос и этнос... С. 424.

³⁶ Киреев Ф.С. Терское казачество в период революционных событий 1917 года // Гражданская война на Северном Кавказе: грани осмысления. Материалы Межд. науч. конференции / Под ред. З.В. Кануковой. Владикавказ: СОИГСИ ВЦ РАН, 2017. С. 44.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 724. Л. 36–37.

³⁸ Там же. Л. 37.

ны города³⁹. Это отчасти помогло нормализовать обстановку и навести в городе относительный порядок. Позднее Беликов вспоминал: «Мне быстро удалось поднять дух населения и при помощи офицеров организовать самооборону, в то время как офицерские группы с частью осетин совершенно смели грабителей в течение полутора-двух суток. С тех пор они не смели и думать о грабежах. Вскоре удалось наладить и самую жизнь в городе. Горожане вздохнули: это был чуть ли не единственный уголок в России, где не было большевиков, где были порядок и право»⁴⁰.

Тема межэтнических распрей регулярно поднималась и на многочисленных форумах, устраиваемых в 1917–1919 гг. различными политическими силами. Примечательно, что проходившие тогда же съезды народов сосредоточивались прежде всего на проблемах своего выживания. В частности, на IV окружном съезде кабардинского народа в августе 1918 г., на котором присутствовали представители 54-х селений, было решено не ввязываться в борьбу с казачеством и держать нейтралитет по отношению ко всем сторонам.

Лидеров провозглашенного в 1917 г. Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана на первых порах заботили не столько взаимоотношения местных народов, сколько проблемы собственного политического самоутверждения. Тем не менее, вступая в ноябре в союз с Терским войсковым правительством, они включили в договор пункт о необходимости решительных мер против разбоев и грабежей, служивших «причиной постоянных столкновений между отдельными группами населения»⁴¹.

Не в пример более глубокую заинтересованность в разрешении межэтнических проблем проявляли делегаты съездов народов Терека с их широким представительством. На I съезде рабочих, солдат, казаков, крестьян и горцев в Моздоке 25–31 января 1918 г. была принята резолюция по вопросу о текущем политическом моменте в Терской области. Члены Социалистического блока выступили с предложением провести переговоры с чеченцами и ингушами и призвать их к объединению со всеми национальностями и группами, населяющими Терскую область.

Делегатов II съезда народов Терека (16 февраля – 15 марта 1918 г.) очередной виток конфронтации между осетинами и ингушами застал в процессе переезда из Пятигорска во Владикавказ. Участники съезда направили переговорщиков к обеим сторонам конфликта и организовали со-

³⁹ Корнев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1918 годы. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 87.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 705. Л. 7.

⁴¹ Там же. Оп. 35. Д. 929. Л. 7–8.

вместную встречу представителей двух народов. Благодаря их активным действиям очередная «война» была прекращена в течение двух недель. 21 февраля представители большевиков устами С.М. Кирова обнародовали свою позицию в отношении происходящего: «Мы зовем всех трудящихся к объединению, и я далек от мысли возлагать ответственность за все то, что происходит в области, на ту или иную национальную группу. И те, кто говорит, что в этом повинны ингушский и чеченский народы – те творят политическое преступление»⁴².

17 марта 1918 г. состоялось заседание Терского Областного Совета Народных Комиссаров под председательством председателя Совета С.Г. Буачидзе, в котором приняли участие мирные делегации ингушей, с одной стороны, и осетин и казаков, с другой. Участники заседания подписали протокол с целью прекратить междоусобицу и установить мир. Стороны договорились обеспечить «мирные условия жизни», освободить дороги, вернуть пленных и создать две следственные комиссии для оценки понесенных убытков и возмещения ущерба от военных действий⁴³.

Несмотря на меры, предпринимаемые Терским Областным Советом, пресечь вспышки межэтнического насилия не удалось. Тем не менее, среди советских исследователей утвердилась точка зрения, согласно которой этот орган власти устраивал и казаков, и горцев, поскольку сдерживал войну между ними⁴⁴. Но прекращения распри добивался отнюдь не только Терский Областной Совет. Что касается большевиков, они, не будучи еще сколько-нибудь влиятельной силой в 1917 – начале 1918 г., в первую очередь прилагали усилия к тому, чтобы обратить местные народы в «свою веру». Поэтому, из опасений кого-либо отпугнуть, они «лишь лавировали между враждующими»⁴⁵.

Примирительные речи раздавались и из казачьего лагеря. В начале апреля 1918 г. Г.Ф. Бичерахов заявил: «Борьба научила нас, мы знаем, что мы не сотрем с лица земли чеченцев, как чеченцы не сотрут казаков. Целые нации не исчезают. Исходя из этого, мы твердо верим, что путь мирного разрешения вопросов – единственный путь, единственный закон нашего общего счастья»⁴⁶.

Впрочем, всего лишь пару месяцев спустя о «мирном разрешении» конфликта речь уже не шла.

⁴² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 697. Л. 21.

⁴³ Там же. Д. 929. Л. 46.

⁴⁴ Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии... С. 123.

⁴⁵ *Ратгаузер Я.А.* К истории гражданской войны на Тереке. Баку: Азерб. гос. у-тет, 1928. С. 99.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 695. Л. 138.

27 июля 1918 г. на IV съезде народов Терека член Кавказского краевого комитета РКП(б) С.И. Кавтарадзе обратил внимание на особенности ситуации в Терской области, где, по его мнению, национальная борьба почти совпадала с классовой. Он заявлял: «Ингуш борется с казакom не потому, что тот казак, а потому что ингуш обезземелен, обездолен, а казак владеет землей и правильна политика Советской власти, если она опирается, а если она не опирается, то должна опираться на ингушей и чеченцев. В этом не виноват ни ингуш, ни казак. Это наследие проклятой царской политики...»⁴⁷.

Своим высказыванием деятель Краевого комитета фактически признавал, что большевики отождествляют понятия «национальное» (этническое) и «революционное»⁴⁸. Это, по сути, означало, что этнический фактор является для них инструментом политической борьбы. Впоследствии А.И. Деникин весьма жестко высказался в отношении тактики большевиков: «...Наряду с попытками создания собственной армии из подонков владикавказских окраин и пришлого бездомного, бродячего люда вся политика власти, все декреты, постановления съездов, агитация направлены были к разделению местных элементов (курсив мой – Л.Г.) и к привлечению благоприятствующей военной силы, связанной с советами если не идеологией, то материальными обоюдными выгодами»⁴⁹.

Едва прибыв на Кавказ в марте 1919 г., командующий Добровольческой армии выступил с пространным обращением к местному населению. «Мы хотели бы, – подчеркнул он, – чтобы всем народностям жилось хорошо, чтобы казаки не обижали чеченцев, а чеченцы казаков»⁵⁰. Помимо призывов к примирению, в речи командующего Добровольческой армией прозвучали и угрозы в адрес организаторов и участников грабительских набегов. Деникин заявил, что им придется расплатиться за свои преступные действия. Он потребовал выдать все награбленное, вернуть плененных казаков, а также доставить в распоряжение его войск муку, сено, кукурузу⁵¹.

Союзники, наблюдавшие за событиями в регионе, усматривали в межэтнических распрях реальную угрозу добровольческой кампании. Незадолго до своего отъезда с Кавказа глава британской миссии при Вооруженных силах Юга России генерал Ч.Д. Бриггс счел необходимым обратиться к чеченским представителям: «Если вы хотите внять моему совету,

⁴⁷ Корнев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1918 годы... С. 279.

⁴⁸ Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт... С. 51.

⁴⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. С. 172.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 71 Оп. 33. Д. 1160. Л. 27.

⁵¹ Там же. Л. 28.

то сами убедитесь, что малые национальности почти не могут жить обособленно друг от друга; у них нет естественных выходов и вся их жизнь тесно связана между собой. Я слышал, что раньше вы не всегда жили мирно. Советую вам дать возможность исправить железную дорогу, прекратить междоусобицу и помочь генералу Деникину всем, чем можете в его борьбе против большевиков»⁵².

Попытки разнородных политических сил покончить с межэтнической враждой не привели к сколько-нибудь заметному снижению напряженности, вследствие чего развитие событий Гражданской войны с лета 1918 г. и вплоть до победы большевиков в дальнейшем определялось не только исходом политического противоборства или удачно разработанной военной стратегией, но и прямым или опосредованным воздействием этнического фактора. И очень скоро обнаружилось, что в умении играть на антагонизмах между этнически и культурно разнородными группами населения, а также в способности манипулировать настроениями традиционалистских масс большевикам нет равных. В этом они преуспели значительно больше всех своих политических противников.

«Этническая карта» в зеркале политического противоборства

Целью вспыхнувшего 23 июня 1918 г. казачьего мятежа, по признанию его лидеров во главе с Г.Ф. Бичераховым, было устранение большевистской угрозы. Однако глубинный мотив, побудивший большинство казаков выступить, крылся в их противостоянии с чеченцами и ингушами. А неприязненные отношения с ингушами побудили примкнуть к мятежу осетин, казаков и сочувствующих им жителей осетинских станиц и селений. Конечно, в пользу поддержки осетинами казаков сработали и некоторые другие факторы. Накануне 1917 г. в Осетии насчитывалось около трех тысяч осетин-офицеров разных чинов, «начиная от прапорщика и кончая генералами», воспитанных в верноподданническом духе⁵³.

Еще накануне чеченцы на созванном 15 мая у подножия Алдынского кургана съезде представителей аулов Грозненского округа и казаков Грозненского и Кизлярского отделов, тяготевших к Советам, осудили намерения Бичерахова вступить в борьбу против большевиков⁵⁴. Ставленник последних А. Шерипов развернул активную пропаганду среди беднейших слоев населения, пытаясь мобилизовать в ряды формируемой им чечен-

⁵² РГАСПИ. Ф. 71 Оп. 33. Д. 1143. Л. 116–117.

⁵³ Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии... С. 41.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 731. Л. 9.

ской Красной армии как можно больше сторонников. Одновременно он настраивал чеченцев против их всемогущих духовных лидеров: «Разве они не говорят вам, что они властители Чечни и разве вы смеее выбирать себе в главари кого-нибудь другого, кроме шейхов и мулл и их ставленников. Разве вы смеее отвечать на неправый суд, на обиды и притеснения со стороны шейхов... Нет, нет и нет. И потому не хвалитесь перед кабардинцами и другими народами, что у вас нет князей: у вас есть шейхи – это хуже князей»⁵⁵.

Успешно начавшийся казачий мятеж был подавлен вскоре после того, как большевикам удалось уговорить ингушей выступить против Бичерахова взамен на обещание выселять казачьи станицы. В результате под натиском объединенной Красной армии, пополнившейся также чеченскими частями, казакам пришлось прекратить сопротивление. По признанию Г.К. Орджоникидзе, его соратники преуспели не только на военном поприще: «Умелой тактикой товарищей и выдержкой в продолжение четырех месяцев нам удалось разложить бичераховское казачество, и многие станицы активно боролись в наших рядах»⁵⁶.

Благодаря мобилизующей силе этнического и, в особенности, конфессионального факторов зародилось и разрослось движение шейха Узун-Хаджи (бывший мулла из селения Салты Гунибского округа), поддержанного жителями горной Чечни. Создатель так называемого Северо-Кавказского эмирата (эмирства) выступил с проповедью газавата (священной войны) против гяуров. Ему удалось объединить чеченцев на почве антирусских и антихристианских настроений. Трудно сказать, какова была численность его сторонников. Один из оппонентов шейха утверждал: «И надо сказать, что за ним шли, шли толпами. Правда, толпы эти были в огромной части своей жалкие оборванцы, фанатики, но они создавали движение в крае, создавали иллюзию силы, перед которой ничто не устоит»⁵⁷.

Хотя идеология исламского туркофильского движения шла вразрез с коммунистической идеей, большевики, тем не менее, заключили с шейхом союз для борьбы с Деникиным. Бывший командующий революционными войсками Терской республики Н.Ф. Гикало возглавил 5-ю армию эмирства⁵⁸. Для большевиков выгоды сотрудничества с мусульманскими лидерами перевешивали любые идеологические или классовые противоречия.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 717. Л. 32.

⁵⁶ Борьба за советскую власть в Чечено-Ингушетии... С. 180.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 695. Л. 16.

⁵⁸ Улигов У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1979. С. 252.

Парадоксально, но кое-кто даже считал, что Узун-Хаджи оказал революции услугу. «Дагестанский революционный фанатизм темных масс», как утверждал газетный автор под псевдонимом Камилл, был «почти навсегда убит его неудачными и жестокими выступлениями»⁵⁹. Имелась в виду крайне негативная реакция кавказского населения на походы отрядов шейха в Хасав-Юртовский округ. Возможно, дагестанских мусульман также разочаровал неудавшийся опыт эмирата, поколебавший их веру в успех исламского движения.

Генерал Деникин предпочитал говорить с народами Северного Кавказа и в особенности с чеченцами исключительно на языке силы. Его пропаганда запугивала население заявлениями, что у Добровольческой армии достаточно ресурсов, чтобы справиться с повстанцами и навести порядок в Чечне. Чеченцам обещали, что их земли будут принадлежать им, равно как и права на часть нефтяных промыслов. Одновременно «белые» давали понять, что они ни в чем не намерены идти на уступки и строго предупреждали местное население: «Можете ли вы порвать с Россией и жить своей самостоятельной жизнью? Если все малые народы Кавказа будут жить своей собственной жизнью и не считаться со своими соседями, кроме резни ничего не выйдет»⁶⁰.

Летом 1919 г. добровольцы организовали в селе Гамурзиево ингушский съезд, на котором за немалые деньги призывали население идти на войну против наступающей Красной Армии. Большевики отреагировали на агитацию «белых» весьма нетривиально: «Узнав об этом, мы завербовали муллу, который, используя религию, призывал ингушей не идти за белыми»⁶¹. Подобного рода случаи были не единичными. Так, в Кабарде большевики, в поисках социальной опоры, сделали ставку на местное духовенство, найдя союзника в лице Н. Катханова, который призывал объединить советскую власть с шариатом⁶².

А.И. Деникин, в отличие от своих оппонентов, наотрез отказывался сотрудничать с неприемлемыми для него партнерами – даже на временной основе, как это было с Союзом объединенных горцев, которому он отказывал в доверии из-за сепаратистских устремлений. Поскольку командую-

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 695. Л. 18.

⁶⁰ Там же. Д. 1160. Л. 29.

⁶¹ За власть Советов. Документы и материалы из истории гражданской войны в Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967. С. 55.

⁶² *Гедгафова К.А.* Социальное происхождение, авторитет и статус лидеров противостоящих сторон как значимый фактор в революционных событиях в Кабарде и Балкарии (1917–1920-е гг.) // *Гражданская война на Северном Кавказе: грани осмысления.* Материалы Межд. науч. конференции. С. 19–20.

щий Добровольческой армией выступал за восстановление «единой, неделимой» России, он категорически не желал признавать никаких буржуазных национальных государств на бывшей имперской территории.

Межэтнические антагонизмы, безусловно, влияли на выбор политических предпочтений кавказских народов. Но если говорить о массовом сознании в целом, то ему было свойственно индифферентное отношение ко всем без исключения политическим объединениям и союзам. Это подтверждается разными фактами, включая статистику мобилизации в ряды Красной армии. Хотя впоследствии цифры неоднократно менялись в ту или иную сторону, тем не менее сам их порядок говорил о многом.

В сентябре 1918 г. народный комиссар труда А.Г. Шляпников, командированный вместе с чрезвычайным комиссаром Г.К. Орджоникидзе на Кавказ, жаловался В.И. Ленину на незначительность военной силы Красной армии во Владикавказе. В посланной им телеграмме сообщалось, что из местных народов в их состав мобилизовано 600 ингушей. «Кабардинцев, – докладывал Шляпников, – по-прежнему трудно заставить активно выступать за нас»⁶³. О результатах мобилизации в Чечне красноречиво свидетельствуют данные белогвардейской разведки, поступившие в распоряжение верховного командования 1 марта 1919 г.: «...Из чеченцев большевиками была сформирована Красная армия, всего из 18 селений: Алды, Ачхой Мартан, Шатой, Герменчук было собрано около 3500 человек чеченцев-красноармейцев, добровольцев, несших службу пешими и конными. Наибольшее количество дало селение Гойты – 520 человек, составлявшее Гойтинский отряд, наименьшее – Шатой – 60 человек»⁶⁴.

В сложившейся ситуации главное, что заботило основную массу кавказского населения, – это проблемы собственного выживания и безопасности. Г.К.Орджоникидзе принадлежит такое наблюдение: «Вражда горцев между собой, их неорганизованность делают их бессильными. Каждая горская народность прежде всего думает о своем народе. Когда бьют его соседа другой народности, он не идет к нему на помощь, он только думает, как ему самому избежать этого удара»⁶⁵.

Многими двигало инстинктивное стремление к самоизоляции. Этим пользовались и выдвинувшиеся в разгар смуты «вожди». Бывший ротмистр З. Даутоков-Серебряков, контролировавший большую часть территории Кабарды и наводивший страх на жителей Пятигорского округа сво-

⁶³ За власть Советов. Документы и материалы из истории гражданской войны в Чечено-Ингушетии. С. 31.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 1163. Л. 3.

⁶⁵ Борьба за советскую власть в Чечено-Ингушетии... С. 187.

ими рейдами, объявил себя 20 августа 1918 г. в станице Солдатской председателем партии «Свободная Кабарда». В программе партии говорилось о необходимости распустить Красную армию из кабардинцев, балкарцев и русских и создать свое «национальное войско» для защиты населения. Программа гласила: «Всеми сельскими обществами должна быть выдана подписка, что впредь они самолично обязуются не выступать ни на чьей стороне без согласия кабардинского народа»⁶⁶.

Заботой о выживании, по-видимому, руководствовались и ингуши, метавшиеся между враждующими лагерями. Согласно архивным данным, в ноябре 1918 г., когда английской миссии пришлось покинуть Владикавказ, «моментально изменилась и ориентация ингушей, которых вначале удалось было настроить в сторону Англии», а затем они «быстрыми шагами пошли к большевикам»⁶⁷. Схожую линию поведения демонстрировали и другие этнические группы, неоднократно сменявшие (или делавшие вид, что меняют) политические ориентиры с неперемнной оглядкой на текущий расклад сил.

С приходом Добровольческой армии в сложном положении оказалась Чечня: с одной стороны, населению был предъявлен ультиматум генерал-майора В.П. Ляхова, пообещавшего в случае неповиновения «бить Чечню в поле, бить ее живую силу», с другой стороны, вооруженную борьбу против «белых» уже вели горные повстанцы, существенно укрепившие свои ряды с помощью «красных»⁶⁸. 26 марта 1919 г. на совещании в селении Урус-Мартан Чеченский национальный совет, взявший на себя роль посредника между населением и командованием Вооруженных Сил Юга России, настаивавшем на подчинении ему Чечни и назначении правителем генерала Э. Алиева, поспешил «поблагодарить генерала и приветствовать добровольческую армию с пожеланием ей скорейшего осуществления намеченных ею задач»⁶⁹.

Пространный документ, составленный по случаю соглашения с денкинцами и подписанный членами совета, гласил: «В дни, когда народное сознание помрачено, в дни великих народных бедствий и тягчайших переживаний, в тот момент, когда Россия, эта величайшая страна мира, охваченная пожаром дикой необузданной внутренней смуты, стояла уже на краю гибели, в тот момент, когда русский народ, как бы помраченный в самых тайниках души своей, раскололся на части и восстал брат на брата, сын на

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 724. Л. 75.

⁶⁷ Там же. Д. 705. Л. 12.

⁶⁸ Там же. Д. 1163. Л. 20.

⁶⁹ Там же. Д. 705. Л. 30.

отца, в тот момент, когда с каждым днем все ужасней и уродливей становилась русская жизнь, в момент, когда под флагом опоры на народную власть шайки проходимцев устраивают вооруженные восстания, делают все возможное, чтобы смутить народ и увлечь его на путь измены свободе и родине, и в этом помрачении народного ума и сердца черпают силу для своего злого умысла, создается великая добровольческая армия»⁷⁰.

Впрочем, сквозившая в каждой строке неподдельная озабоченность драмой российской смуты и лояльность к силе, боровшейся за реставрацию империи, была обманчивой. В реальности все обстояло несколько иначе. В частности, твердо пообещав сформировать дивизию для Добровольческой армии, чеченцы намеренно затянули с выполнением этого обещания, в итоге так его не сдержав. Подобным же образом они саботировали и другие требования «белых». По отдельным наблюдениям и свидетельствам современников можно отчасти судить о том, какие умонастроения преобладали внутри основной массы кавказского населения на начальном этапе Гражданской войны. Один из руководителей Союза объединенных горцев, пытаясь проанализировать состояние общественного климата, условно поделил массовые настроения на три течения. По его мнению, к первому принадлежали сторонники советской власти, к третьему – приверженцы восстановления монархии. «Ко второму течению, – утверждал он, – относятся люди среднего класса и темная масса, которые определенно говорят, что мы будем подчиняться тому правительству, в руках которого будет находиться твердая власть»⁷¹.

Автор заметки в газете «Революционный горец», вышедшей в Темир-Хан-Шуре летом 1918 г., так описывал обстановку внутри бывшей канцелярии военного губернатора Дагестана (на двери которой уже висела табличка «Совет рабочих, красноармейских и земледельческих депутатов Дагестанской области»): «Здесь же и барышня, просящая место машинистки, служащая с одинаковой охотой и в совдепе, и в военной диктатуре; и русский чиновник, замиравший при большевиках и оживший, оказавшийся нужным теперь»⁷².

Рядовые обыватели, похоже, с нескрываемым равнодушием реагировали не только на любую власть, но и на смену властей. В этом отношении жители Дагестана мало чем отличались от городского и сельского населения соседней Терской области.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 1160. Л. 22.

⁷¹ Там же. Д. 1143. Л. 57.

⁷² Там же. Д. 695. Л. 35.

Выводы

Общероссийская смута отозвалась на Северном Кавказе отнюдь не революционной энергией масс, как того многие ожидали, а резким обострением межэтнических антагонизмов, эпидемическим распространением архаичных, примордиалистских форм насилия. Этому способствовала сложившаяся в регионе в течение столетий этническая и территориальная чересполосица и усугубление накопившихся социальных проблем. Всплеск преступности, вынудившей практически все слои населения региона тревожиться по поводу своей безопасности, обернулся массовыми фобиями. Как известно, в атмосфере нарастающей опасности человеческий мозг обладает свойством активировать архаичные, матричные слои сознания. Следствием подобных психоментальных процессов обычно становится тяга к этнической консолидации и формированию образа врага.

Опыт Северного Кавказа с бесконечной сменой и дроблением центров власти (каждый из которых проявил неспособность не только обеспечить себе массовую поддержку, но и добиться стабилизации внутренней обстановки в регионе), наглядно иллюстрирует тот факт, что обострению межэтнических отношений, как правило, предшествует кризис государственности.

Объединить силы, позволившие в итоге одержать победу в Гражданской войне, большевикам удалось не только благодаря привлекательным для народа лозунгам и щедрым посулам, но и их умению обращать в свою пользу этнические трения и противоречия. Северный Кавказ в этом отношении оказался чрезвычайно «удобным» социальным пространством, предоставлявшим бесчисленные возможности для манипуляций с разными категориями населения. Пропагандистская машина Добровольческой армии не справилась с пресловутой «кавказской мозаикой». В конечном итоге местное население пошло за большевиками – кто по собственной воле, поверив в обещания грядущей социальной справедливости, кто под дулами красноармейских винтовок.

© Гагагова Л.С., 2018

Рукопись поступила: 10 сентября 2018 г.

Submitted: 10 September 2018

References

- Alikberov, G.A. *Revoliutsiia i grazhdanskaia voina v Dagestane. Khronika vazhneishih sobitii (1917–1921 гг.)* [Revolution and civil war in Dagestan. Chronicle of major events]. Mahachkala: Dagknigoizdat Publ., 1962 (in Russian).

- Bor`ba za sovetskuiu vlast` v Checheno-Ingushetii (1917–1920 gg.). Sbornik dokumentov i materialov* [The Struggle for the Soviet Power in Chechen-Ingushetia. Sbornik of documents and materials]. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1958 (in Russian).
- Buldakov, V.P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviia revoliutsionnogo nasiliia* [Red smuta. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediia Publ., 2010 (in Russian).
- Buldakov, V.P. *Haos i Etnos. Etnicheskie konflikti v Rossii, 1917–1918 gg. Usloviia vzniknoveniia, khronika, kommentarii, analiz* [Chaos and Ethnicity. Ethnic conflicts in Russia, 1917–1918. Conditions of occurrence, chronicle, comments, analysis]. Moscow: Noviy Khronograph Publ., 2010 (in Russian).
- Burda, E.V. *Terskoe kazach'e vosstanie. 1918 god* [Terek Cossack revolt]. Nalchik: Izdatel'stvo M.V. Kotliarovih Publ., 2016 (in Russian).
- Denikin, A.I. *Ocherki russkoy smuti* [Essays on the Russian Disorder], Moscow: Misl Publ., 1991 (in Russian).
- Dzhambulatov, R.T. *Revoliutsiia i grazhdanskaya voina na Tereke. Hasav-Jurtovskiy okrug i Kizliarskiy otdel* [Revolution and Civil war along the Terek river]. Makhachkala: Rizo-Press Publ., 2012 (in Russian).
- Dokumenti i materialy iz istorii grazhdanskoy voiny v Checheno-Ingushetii* [Documents and materials from the history of the civil war in Chechen-Ingushetia]. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1958 (in Russian).
- Gedgafova, K.A. "Social'noe proishozhdenie, avtoritet i status liderov protivoborstvuuschih storon kak znachimiy faktor v revoliutsionnykh sobitiiah v Kabarde i Balkarii (1917–1920-e gg.)." [Social origin, authority and status of leaders of opposing parties as a significant factor in the revolutionary events in Kabarda and Balkaria] In Kanukova, Z.V., ed. *Grazhdanskaya voina na Severnom Kavkaze: grani osmysleniia. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Civil war in the North Caucasus: aspects of comprehension. Papers of the international scientific conference], 18–22. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAS Publ., 2017 (in Russian).
- Kanukova, Z.V., ed. *Grazhdanskaya voina na Severnom Kavkaze: grani osmysleniia. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Civil war in the North Caucasus: aspects of comprehension. Papers of the international scientific conference]. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAS Publ., 2017 (in Russian).
- Kashkaev, B. *Krasnaya Armia v Dagestane* [Red Army in Dagestan]. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1964 (in Russian).
- Kireev, F.S. "Terskoe kazachestvo v period revoliutsionnykh sobitii 1917 goda." [Terek Cossacks in the time of revolutionary events] In *Grazhdanskaya voina na Severnom Kavkaze: grani osmysleniia. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Civil war in the North Caucasus: aspects of comprehension. Papers of the international scientific conference], 33–47. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAS Publ., 2017 (in Russian).
- Korenev, D.Z. *Revoliutsiia na Tereke, 1917–1918 godi* [Revolution in Terek region]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1967 (in Russian).

- Melchin, A.I. *Oktiabr'skaia revoliutsiia I grazhdanskaia voina v Severnoy Osetii* [The October revolution and the civil war in North Ossetia]. Ordzhonikidze: Ir Publ., 1973 (in Russian).
- Oshaev, H. *Ocherk nachala revoliutsionnogo dvizheniia v Chechne* [Essay on the beginning of the revolutionary movement in Chechnya]. Grozny: Chech. ODN (tip. im. "11 avgusta 1918 g.") Publ., 1928. (in Russian).
- Ratgauzer, J.A. *K istorii grazhdanskoy voini na Tereke* [To the history of the civil war in Terek region]. Baku: Azeraydgerskiy Gosudarstvenniy Universitet Publ., 1928 (in Russian).
- Razgon, I. *Bor'ba partizan protiv belogvardeitsev na Severnom Kavkaze v 1919–1920 gg.* [Guerilla warfare against white guards in the North Caucasus]. Moscow: OGIZ. Gospolitizdat Publ., 1942 (in Russian).
- Tsutsiev, A.A. *Osetino-ingushskiy konflikt (1992–...). Ego predistoriia I faktori razvitiia* [The Ossetian-Ingush conflict (1992–...), Its background and developing factors]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaya enciklopediia Publ., 1998 (in Russian).
- Uligov, U.A. *Socialisticheskaya revoliutsiia i grazhdanskaia voina v Kabarde i Balkarii i sozdanie national'noy gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917–1937 gg.)* [Socialist revolution and civil war in Kabarda and Balkaria and creation of national autonomy of kabardian and balkar peoples (1917–1937)]. Nalchik: El'brus Publ., 1979 (in Russian).
- Za vlast' Sovetov. Dokumenty i materialy iz istorii grazhdanskoy voini v Checheno-Ingushetii* [Looking for the Soviet Power. Documents and materials of the history of Civil war in Chechen-Ingushetia]. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1967 (in Russian).

Archives

- Rossiiskiy gosudarstvenniy arhiv social'no-politicheskoy istorii (thereafter – RGASPI), f. 71, op. 33, d. 695, d. 697, d. 705, d. 717, d. 724, d. 731, d. 1143, d. 1160, d. 1163. RGASPI, f., 71, op. 35, d. 929, razdel 6.

The ethnic matrix of the Civil War in the North Caucasus

Lyudmila S. Gatagova

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
19 Dm. Ul'ianov St., Moscow, 117292, Russia
iriran@mail.ru

Abstract: In post-Soviet years, the North Caucasus gained the reputation of a politically unstable, conflict-generating region, with specific problems rooted in the distant past. To better understand the essence of today's problems, it is necessary to study the complex vicissitudes of North Caucasus regional history at crucial moments. The article

aims to clarify the role of the ethnic factor at the early stage of the Civil War in the North Caucasus (1917–1918). It traces the dynamics of interethnic confrontation in the very complicated poly-ethnic and multi-confessional region and the impact of this dynamics on the struggle between the opposing political forces. How did the Bolsheviks and their opponents use the ethnic factor for their own interests? Understanding the impact of ethnic identities on the conflict is of broader relevance; it is through an ethnic matrix that unresolved social problems turn into irreconcilable interethnic contradictions. This case study from the revolutionary era is based on hitherto unstudied archival material from the Russian State Archive of Social and Political History.

Keywords: North Caucasus, Terek region, interethnic strife, Cossacks, Chechens, Bolsheviks, Volunteer Army

For citation: Gatagova, Lyudmila S. “The ethnic matrix of the Civil War in the North Caucasus.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 4 (2018): 769–791. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-769-791>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-792-811>

Научная статья / Research article

Отношения земледельцев кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти в 1920-е гг.

И.М. Федина

Кубанский государственный университет
350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
ir_Lap@mai.ru

Аннотация: В статье рассматривается отношение жителей кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти в послереволюционный период. На основе анализа архивных источников анализируется отношение жителей станиц к земельной и налоговой политике Советского государства, влиявшее на настроения сельских жителей, характер взаимоотношения казаков и иногородних в ходе проведения землеустроительной кампании. Исторический регион Кубань задавал автору один из общих алгоритмов научного поиска в изучении отношения земледельцев к советской модернизации, формируя предмет и проблему для исторического анализа. Исторические реалии жизни кубанских станиц 1920-х гг. интересуют многих исследователей, краеведов. Несмотря на возрастающий интерес к истории региона, настроения и отношение местного населения к аграрным преобразованиям советской власти не получили широкого освещения, тогда как эти мероприятия правительства большевиков не только вели к искоренению традиционной казачьей культуры, но и коренным образом влияли на социально-экономический и культурный облик кубанских станиц, на утрату самобытности казачьего социума. В статье анализируется роль органов советской власти в установлении социалистических порядков в 1920-е гг., целью которых было формирование просоветских настроений среди кубанских земледельцев-хлеборобов. В этих целях партийно-советскими структурами использовались различные средства и способы воздействий. Поэтому изучение настроений и отношения к мероприятиям советской власти местного населения являлось важным каналом получения информации. Одновременно в 1920-е гг. органы советской власти развернули масштабную идеологическую работу для формирования советских ориентиров и архетипов ментальности в сознании населения Кубани. Социальной опорой выступали беднота и иногороднее население. Автор приходит к выводу, что механизмы изучения настроений, контроля и принуждения кубанских хлеборобов позволяли властям проводить достаточно успешную кампанию по советизации кубанских станиц и привлечению новых прозелитов на свою сторону.

Ключевые слова: казачьи станицы, землеустроительная кампания, советизация, Кубань, земледельцы, хлеборобы, настроения, советская власть

Для цитирования: Федина И.М. Отношение земледельцев кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти в 1920-е годы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2018. Том 17. № 4. С. 792–811. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-792-811>

Введение

Аграрная политика большевиков после Октября 1917 г. изменила не только отношение к частной собственности на землю, но и к организации сельскохозяйственного производства в целом. Если в начале на волне борьбы за власть большевики согласились с эсеровским лозунгом социализации земли, то постепенно в основу аграрных преобразований они заложили теоретический конструкт пролетарской национализации земли. Актуальность темы исследования определяется прежде всего аграрной направленностью региона, основным видом деятельности которого до сих пор является сельскохозяйственный вектор развития. В 1920-е гг. сельское хозяйство на Кубани было построено по принципу индивидуальных хозяйств. Основой его являлось земледелие и, как подсобное, – скотоводство, садоводство и пр. Прежде всего отменялась частная собственность на землю, а затем возобладало и отрицательное отношение к индивидуальным формам производства. Однако советская власть на этапе раннесоциалистического государства в своей аграрной политике все же пошла на уступки с введением уравнительного землепользования, которое трактовалось как право сельских жителей самостоятельно избирать форму пользования землей из четырех вариантов: подворного, хуторского, общинного или артельного.

Кардинальные изменения аграрной политики в постоктябрьской кубанской станице не могли не отразиться на сельском населении, на социально-экономических функциях поселений и отношении сельских хлеборобов к советским преобразованиям. Процессы советской модернизации сказывались на численности населения, на выборе преимущественного типа поселений. В качестве антипода индивидуальной форме хозяйствования советская власть выдвинула крупные структуры с коллективными формами. Новые власти приступили к внедрению «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию»¹, утвержденному постановлением ВЦИК от 14 февраля 1919 г., которое было ориентировано на переход от сложившихся единоличных форм хозяйствования и общинной поселенческой организации к крупным советским хозяйствам (коммунам, сельскохозяйственным артелям, тозам и др.) с административными органами управления.

¹ Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_442.htm

После окончательного установления советской власти на Кубани в 1920 г. учреждается Кубано-Черноморская область. Административно-территориальные границы в Кубано-Черноморской области подвергались постоянным изменениям, в связи с проведением волостизации и районирования. В результате районирования 1924 г. появились четыре округа (Армавирский, Кубанский, Майкопский и Черноморский), входившие тогда в состав Северо-Кавказского края.

Представленная статья основывается на собранных и систематизированных автором документах, прежде всего архивных, большая часть которых представлена в фондах Государственного архива Краснодарского края, Центра документации новейшей истории Краснодарского края, Архива МВД Краснодарского края, касающихся вопросов земельной политики и отношения населения к советской власти на Кубани.

При написании статьи автор опирался на методологические конструкты, обуславливающие понимание исторического процесса, находящегося под воздействием комплекса экономических, социальных и политических факторов. В качестве методологической платформы выступают сочетание общенаучных методов историзма, объективности и системности, последовательное применение которых позволяет воссоздать целостную историческую картину изучения настроений и отношения хлеборобов к преобразованиям советской власти.

Утверждение советской идеологии в жизни общества сдерживало творческие процессы в исторических исследованиях, загоняло их в строго определенные социально-классовые схемы, когда на первый план выдвигалась идея социально-классовой борьбы. Примечательные исторические сюжеты можно встретить в трудах Конюкова И.А.², И.М. Клейнера³, И. Гольденцула⁴ и др. Причем И. Гольденцул публикует работу о земельных отношениях на Кубани, где четко обозначается социально-классовый антагонизм между казаками и иногородними.

В середине 1960-х гг. изучение сельского мира продолжает Куценко И.Я.⁵ В своих трудах историки-аграрники обращали внимание преимуще-

² *Конюков И.А.* О расслоении крестьянских хозяйств Кубани. Краснодар: Адыгчеркпромторг, 1928.

³ *Клейнер И.М.* Действительность кубанской станицы (материалы к VIII Кубано-Черноморской областной партконференции). Краснодар: Буревестник, 1924.

⁴ *Гольденцул И.* Земельные отношения на Кубани: краткий очерк / репринт. издание 1924 г. Краснодар: Традиция, 2009.

⁵ *Куценко И.Я.* Борьба парторганизаций Кубани за вовлечение в социалистическое строительство казачьего населения в 1920–1925 гг. // Материалы докладов по итогам научной работы вузов Краснодарского края за 1962 г. Краснодар: [Б.и.], 1963. С. 42–98.

ственно на социально-экономический аспект, трансформацию хозяйства кубанского казачества. Экономический детерминизм буквально пронизывал исследовательскую практику, и на этом фоне историками показывались социальные отношения.

В 1970-е – 1980-е гг. на фоне возраставшего интереса к истории российского крестьянства складывалась кубанская школа историков-аграрников, изучавшая различные аспекты аграрной истории Кубани⁶. В целом же советский период историографии, несомненно, имел важное значение в плане накопления знаний, аккумулирования конкретно-исторических материалов и их анализа в рамках марксистско-ленинской методологии. Круг исследуемых проблем к концу советского периода историографии значительно расширился, но основное внимание исследователей по-прежнему сосредотачивалось на аграрной эволюции и социалистических преобразованиях. Проблемы социальной истории 1920-х гг. стали предметом исследований и в зарубежной историографии⁷.

Постсоветский этап историографии характеризуется расширением круга изучаемых аспектов. На региональную историографию заметное влияние оказало в этот период начавшееся возрождение казачества, в связи с чем появляются публикации, посвященные различным сюжетам из истории казачества Юга России⁸. Особый научный интерес вызывают у исследователей различные аспекты советской модернизации 1920-х гг. в области аграрных отношений, в том числе на Кубани⁹.

⁶ *Бабичев М.М.* К вопросу о земельной политике Советской власти на Кубани в 1920–1924 гг. // Великий Октябрь и первые социально-экономические преобразования на Кубани. Краснодар: [Б.и.], 1974. С. 49–61; *Щетнев В.Е.* Кубанская станица до коллективизации сельского хозяйства // Великий Октябрь и первые социально-экономические преобразования на Кубани. Краснодар: [Б.и.], 1974. С. 22–52.

⁷ Teddy J. Uldricks, “Russia and Europe: Diplomacy, Revolution, and Economic Development in the 1920s,” *The International History Review* 1, no. 1 (Januar 1979): 55–83.

⁸ *Чернопицкий П.Г.* Советская власть и казачество // Проблемы казачьего возрождения. Ч. 2. Ростов н/Д: Изд-в Ростовского университета, 1996. С. 84–88; *Перехов Я.А.* Казачество и власть: поиск консенсуса // Возрождение казачества: история и современность. Ростов н/Д: Гэфест, 1995. С. 84–88.

⁹ *Карелин Е.Г.* «Западная область госплана»: из истории экономического районирования страны в 1920 гг. // Российская история. 2010. № 10. С. 15–18; *Скорик А.П.* Казаки Юга России и советская власть в 1917–1929 гг.: взаимоотношения в преддверии «великого перелома» // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д.: Южный научный центр, 2010. С. 190–201; *Роголина Н.Л.* Задачи и уроки изучения российских аграрных реформ XX века // Российская история. 2011. № 4. С. 3–13; *Панкова-Козочкина Т.В.* Работники сельских советов 1920-х гг.: номенклатурные подходы большевиков и социальные требования крестьянства (на материалах юга России) // Российская история. 2011. № 6. С. 136–145; *Она же.* Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации

Вместе с тем в историографии проблемы по-прежнему первостепенное внимание уделяется социально-политическим аспектам советского строительства, при этом публикаций, анализирующих отношение к советским аграрным преобразованиям периода НЭПа на Кубани, в том числе протестным акциям со стороны местного населения, явно недостаточно, что актуализирует выбор данной темы исследования.

Землеустроительная кампания 1920-х гг.

Эпоха раннесоциалистического советского государства ознаменовалась для кубанцев, прежде всего, изменением главного вектора хозяйственного развития, когда большевики и советская власть стали целенаправленно продвигать коллективные формы организации сельскохозяйственного производства. Эта генерализующая платформа аграрной политики Советского государства не находила широкой и однозначной поддержки у населения Кубани.

Развернутая в 1920 г. на Кубани крупная землеустроительная кампания, призванная «разгородить» землю и уравнивать в земельных правах население, стала основным катализатором не только отношений между казачеством и иногородним населением, но и массовой миграции, выразившейся в том числе и во внутреннем расселении станиц, в сокращении казачьих «старых» поселений и появлении новых населенных пунктов.

Одной из главных задач землеустроительной кампании 1920-х гг. являлось уничтожение крупной земельной общины и образование из нее ряда земельных единиц, которые были бы гибкими к восприятию политики властей. Вместо крупных, зажиточных казачьих станиц всячески поощрялось создание более мелких образований, легко контролируемых властями. В целях изменения порядка землепользования на Кубани развернулось новое межевание земель. Основными задачами проведения землеустроительных работ в Кубанском округе назывались: «1) Устранение сословного неравенства в отношении землепользования между иногородними и казаками путем наделения земель безземельного иногороднего населения, занимавшегося сельским хозяйством на арендованной земле или в качестве батраков на территории земельных обществ вплоть до издания закона о трудовом землепользовании 22 мая 1922 г., и наделение земледельческого

ции аграрных отношений на Юге России. Новочеркасск: Лик, 2012; *Скорик А.П., Федина И.М.* Кубанский хутор: фазы топохромной эволюции (конец XVIII – первая треть XX в). Новочеркасск: Лик, 2016; *Кондрашин В.В.* Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и гражданской войны: национально-региональный аспект. Москва; Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017; и др.

населения, прибывшего на Кубань после 22 мая 1922 г. А также ликвидация земельного неравенства среди казачьего населения путем применения однообразной разверсточной единицы по округу на едока; 2) Дробление землепользования многодворной общины на отдельные земельные общества оптимальных наивыгоднейших размеров в целях смягчения и ликвидации дальнотелья; 3) Отвод земель при хозяйственных переделах отдельным группам граждан в целях агрокультурной организации населения и создания предпосылок к кооперированию; 4) Ликвидация однополюя и введение общественных многопольных севооборотов; 5) Помощь бедноте при землеустройстве и хозяйственном переделе путем устройства ее на ближайших к местам поселения землях лучшего качества; 6) Организация коллективных форм землепользования и ориентировка на общинно[-]поселковую форму с допущением в исключительных случаях единоличных хуторов и отрубков»¹⁰.

В 1920 г. началась кампания по советизации Кубани и по всем волостям было разослано директивное письмо следующего содержания: «Признавая настоящую политическую ситуацию наиболее благоприятной для советизации области, Кубчерревком постановил в течение декабря месяца провести Советскую систему на Кубани. Наличие антисоветского настроения среди значительных групп казачества и пассивность казачьей бедноты и иногородних должны побудить органы к особой бдительности при проведении советизации»¹¹.

По мнению Т.В. Панковой-Козочкиной, особенностью Кубани стало проведение двух кампаний по советизации¹². На первом этапе советизация проходила неудачно ввиду «непрочности советской власти», экономической разрухи и пассивного настроения населения. Однако уже 10 ноября 1921 г. Кубано-Черноморский областной комитет объявил о начале второй массовой кампании по советизации Кубано-Черноморской области, которую планировали провести в кратчайшие сроки. Одним из лозунгов кампании стало привлечение на сторону советской власти казачества, которое в большой массе своей противостояло советизации. Прорабатывалась ставка на трудовое казачество и вовлечение его в советское строительство. При этом органы советской власти оказывали существенную поддержку бедняцкой части населения и середнякам, в противовес зажиточным казачьим хозяйствам. В частности, они использовали такие средства, как «кон-

¹⁰ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 890. Оп 1. Д. 75 а. Л. 786.

¹¹ Там же. Ф. 102. Оп. 1. Д. 29. Л. 31.

¹² Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление... С. 98.

трактация, спряжки, договоры прикрепления безынвентарных хозяйств к инвентарным».

Многочисленные конфликты на почве проведения землеустроительных работ оказывались лишь вершиной айсберга, имя которому – сословное неравенство в отношении землепользования. И здесь у каждого была своя правда. Для кубанского казачества, в чьем распоряжении до начала всех революционных катаклизмов находилась основная часть земельного фонда Кубани, сохранение прежних порядков землепользования выступало важнейшей социальной и экономической задачей. Поэтому казачество стремилось максимально сохранить принадлежащие им ранее земли. С другой стороны, для иногороднего населения, переселившегося на Кубань, земельный вопрос являлся сверхактуальной задачей, что требовало незамедлительных мер. При проведении землеустроительных работ власти руководствовались социально-классовым подходом в наделении землей. Все население Кубанского округа разделили на три экономические группы: бедняки, середняки и зажиточные. Беднота получала в свое распоряжение земельные угодья не только самого лучшего качества, но и на ближайших к поселениям земельных площадях. Среднякам выдавали земли хорошего качества на приемлемом расстоянии от поселений. Зажиточным же оставляли для распределения самые дальние земли худшего качества, поскольку «кои были обеспечены капиталом»¹³.

Казачество всячески мешало проведению землеустройства и наделению так называемого иногороднего населения землей, заявляя им: «Убирайтесь в Россию, земли вам нет»¹⁴. Ввиду экономической несостоятельности бедняцких иногородних хозяйств казачество всячески препятствовало наделению землей иногороднего населения. На собраниях казаки утверждали: «иногородним землю не пахать, а если кто из казаков будет пахать, то того или убивать или пускать ему “красного петуха”»¹⁵.

Землепользование на Кубани в 1920-е гг. реализовалось с применением социально-классовых принципов. Борьба с кулацкими хозяйствами велась органами власти с применением разнообразных средств, причем в 1920-е гг. преобладали экономические способы давления на зажиточные хозяйства. Впрочем, неправомерные действия и нажим со стороны властей наблюдались и в отношении обычных казаков-хлеборобов. В заявлении казаков-хлеборобов станицы Бейсужской Краснодарского отдела Кубано-

¹³ Скорик А.П., Федина И.М. Кубанский хутор... С. 349.

¹⁴ Архив Министерства внутренних дел Краснодарского края (далее – АМВД КК). Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.

¹⁵ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

Черноморской области в 1921 г. отмечалось следующее: «По прибытии в станицу Бейсужскую продотряда по разверстке хлеба, начальник такового потребовал от Исполкома о выдаче ему всех кулаков, буржуев, эксплуататоров и спекулянтов. Исполком и выдал нас ему хлебобобов за кулаков. Это потому только, что мы всех больше из станицы сдали в разверстку хлеба, и несмотря на то что нам тружениками хлебобобами сдано по нескольку сот, а некоторые и тысяч пудов хлеба, оставив нам по 30 пудов на каждую семью до нового урожая. Продержав хлебобобов несколько дней под арестом, нас привлекли к бессрочной подводной (гужевой) повинности разогнав нас по станицам»¹⁶.

В своем заявлении хлебобобы, обращаясь в казачий комитет, спрашивали, когда же будет конец этой бессрочной повинности, и просили пояснить, что означает слово «кулак», «буржуй», «эксплуататор» и что такое спекулянт? Интересовались, имеет ли представление об этом Исполком?

В результате землеустроительной кампании была уничтожена экономическая основа казачьей станицы – землевладение. Казачьи земли «национализировались» и передавались «пришлым трудовым элементам» из различных губерний. В земельном кодексе Кубано-Черноморской области утверждалось: «Всем гражданам, имеющим право наделения землею проживающих в населенных пунктах признанных малоземельными и желающих получить землю, если они безземельные или расширить свое землепользование разрешается выселиться на свободный запас земель Кубчереобласти»¹⁷.

Переселенцам были обещаны льготы в виде полного освобождения от сельскохозяйственного налога на один год. Те же, кто переселялся на целинные земли, освобождались от налога на три года¹⁸.

Итак, большевики в своей ожесточенной борьбе по сути использовали во многом стихийные миграционные процессы, целенаправленно разжигая сословные противоречия. Власти поддерживали тех, кто был просоветски настроен, и не стремились оказывать помощь там, где их социальные противники «свили контрреволюционные гнезда». Это стало следствием большевистской политики, детерминированной социально-классовым подходом в отношении населения Кубани. Органы советской власти придавали большое значение созданию условий для формирования просоветских настроений.

¹⁶ ГАКК. Ф. 382. Оп. 1. Д. 255. Л. 60.

¹⁷ Там же. Ф. 157. Оп. 1. Д. 208. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 2.

Взаимоотношения казаков и иногородних

Сведения о настроениях и отношении к советским преобразованиям в кубанских станицах стали одним из важных каналов получения информации советским руководством, поскольку они точно и конкретно отражали характер своего времени.

Институционализация советской политической власти на Кубани в 1920-е гг. и дальнейшее насаждение социалистических порядков в казачьих станицах привели к резкому антагонизму между отдельными социальными группами и новой властью. Особенное недовольство казачества советской властью проявлялось во взаимоотношениях с иногородним населением. И главным камнем преткновения стал земельный вопрос.

В период 1918–1920 гг. было принято считать, что все иногородние – большевики, а все казаки – контрреволюционеры. Подавляющее большинство казаков не симпатизировало советской власти, а иногороднее население, за редким исключением, стояло на советской платформе. Казачество отстаивало свои прежние права, выступая активно против мероприятий советской власти. Скажем, выступая на собраниях по земельному вопросу, казаки выносили постановления об отказе в земле иногородним крестьянам.

В 1925 г. подобные постановления были вынесены в таких крупных станицах, как Тимашевская, Марьинская, Леушковская, Старовеличковская, Сергиевская, Павловская и в целом ряде других станиц, причем в некоторых населенных пунктах эти постановления распространялись и на сотни иногородних хозяйств. Для ясности картины земельного вопроса и наличия классового противостояния на Кубани обратимся к выпискам регулярных информационных сводок ОГПУ, детализация которых позволяет отразить общественные настроения. Мнение казаков в отношении земельного вопроса было фактически единодушным и выражалось следующей фразой: «наделение землей иногородних неправильно, т.к. земля завоевана нашими дедами кровью, поэтому исключительно нам, казакам, и должна принадлежать»¹⁹.

Особенно многочисленные тяжбы иногородних с казаками по земельному вопросу отмечались в 1925 г. Выступавшие на собраниях казаки заявляли: «Давайте отбирать у иногородних землю, ибо они не имеют права пользоваться таковой.... Со всей России на Кубань съехалось много голодающих и хотят отобрать землю у казаков». Звучал призыв к властям выселить наезжих из пределов Кубани и не дать им земли²⁰. При этом на

¹⁹ АМВД КК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.

²⁰ Там же.

собраниях представителей казачества принимались решения о наделении землей казаков-эмигрантов, находившихся за границей и предполагавших вернуться в Россию, мотивируя тем, что они, в отличие от пришлого элемента, являлись коренными жителями станиц.

Кроме того, казаки организовано выступили с предложениями по землеустройству, желая произвести раздел земли по трем категориям. В первую входило все казачье население, во вторую – иногородние и коренные жители, в третью – пришлый элемент.

Подавляющее большинство казачества в рассматриваемое время не поддерживало политических установок, не понимало и, следовательно, не разделяло политической сущности советского строя. По этой причине административные структуры собирали и анализировали сведения о настроениях населения в отношении советской власти, по результатам которых вырабатывались заключения о политической устойчивости или неустойчивости поселений. Еженедельно в комьячках всех населенных пунктов активно обсуждались и анализировались политические настроения в казачьей среде²¹. На различных публичных сходах хлебоборбы с большой осторожностью высказывались о мероприятиях советской власти, опасаясь наказания, включая отправку на принудительные работы, как, например, случилось с хлебоборбом станицы Старомышастовской Василием Бурбой, который открыто выразил недоброжелательное отношение к советской власти, за что был отправлен на месяц принудительных работ²². Поэтому население опасалось высказываться публично.

В докладе Армавирского отдельского комитета РКП(б) Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б) о политическом положении в отделе за январь 1921 г. отмечалось враждебное отношение населения к партийным органам, к советам – безразличное, к Красной армии – доброжелательно-сочувственное²³.

Наиболее весомым критерием политической устойчивости каждого населенного пункта являлось соотношение казаков и иногородних. К примеру, Горячключевской район был отнесен к числу устойчивых и благополучных районов Кубани, т.к. количество иногородних преобладало здесь над казаками²⁴. Однако по количеству населения и экономическому значению район не играл большой роли в масштабе всей территории Кубанской области, поскольку подавляющее большинство районов атрибутировалось

²¹ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИ КК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.

²² ГАКК Ф. 382. Оп. 1 Д. 255. Л. 4.

²³ ЦДНИ КК. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 5.

²⁴ АМВД КК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 37, 39.

как «антисоветские» и «неустойчивые». Например, к числу антисоветских районов органы ГПУ относили: Славянский, Темрюкский, Каневской, Брюховецкий, Краснодарский, Новопокровский. Неустойчивыми считались Кореновский, Тихорецкий, Усть-Лабинский, Приморско-Ахтарский, Тимашевский и Павловский районы²⁵.

К крайне реакционным станицам относили Величковскую, Старомышастовскую, Новомышастовскую, Васюринскую, Марьинскую, Пашковскую, как наиболее активных участников восстаний против советской власти. Даже к 1922 г., по докладам ОГПУ, эти станицы так и не были приведены в состояние политического равновесия.

К числу важнейших факторов, оказавших влияние на политические настроения населения кубанских станиц, относились материально-хозяйственные интересы, порядок землепользования и проч. Фиксировались и настроения населения по острому земельному вопросу. Так, в донесениях компетентных источников по Северскому району отмечалось: «Наши деды проливали кровь за землю, а тут приехали из России и хотят воспользоваться нашей землей. Воевали за панскую землю, а теперь делят нашу казачью»²⁶.

Для зажиточной части казачьего населения было свойственно проявление высокой степени общественно-политической активности, генеральная направленность которой определялась негативным отношением к советской власти. Иногородние слои всецело поддерживали советскую власть, а бедняцко-батрацкие попадали под влияние мнения зажиточных станичников.

Например, станицы Динская и Старокорсунская считались антисоветскими ввиду активных выступлений в 1918–1920 гг. против красных, энергичной поддержки контрреволюции в период Гражданской войны, участия станичных казаков в повстанческих выступлениях²⁷. Население станиц Каневского района почти поголовно участвовало в белом движении. После занятия Кубани Красной армией в 1920 г. казачество продолжило активную борьбу с советской властью, создав бело-зеленые отряды под руководством белых офицеров и начав повстанческое движение. Фаза активной борьбы казачества закончилась лишь после того, как в этих станицах был развязан жестокий красный террор²⁸.

²⁵ АМВД КК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 37, 39.

²⁶ Там же. Л. 41.

²⁷ Там же. Л. 59.

²⁸ Там же.

Уравнение в земельных правах с иногородним казачеством рассматривалось как посягательство на их исконные права на землю. В станицах распространялись различные листовки-воззвания, обличающие мероприятия советской власти.

Любопытная листовка была найдена в станице Усть-Лабинской. В ней читаем: «Граждане станицы Усть-Лабинской и ее окрестностей. Подходит 10-летие Советской власти 7 ноября Октябрьской революции. Чем же мы встретим хорошим или плохим. Я думаю, что ни одна душа в России не скажет, что живется ему хорошо, вообще крестьянину – хлеборобу и также торговцу, из которых советские пиявки сосут последнюю кровь день и ночь, не дают человеку покоя, не дают развернуться своим хозяйством, то заплати налог, то страховку, то за землю пятый раз добавляют, то оборотные, то подоходные. Какую же мы воздадим хвалу и благодарность кто это устроил пролетарское государство, кто же? Тов. Ленин, так пожелаем ему в день 10-й годовщины советской власти проклятие со всей советской России и всех уголков трижды, трижды и трижды анафема проклят и со своими вождями, которые в настоящее время душат народ, как мух скинули царское ярмо, а советских десять недели так что вечно будем рабами. Пролетарии читайте и разумеите, яко с нами бог»²⁹. (Пунктуация сохранена – *И.Ф.*) .

Станицы Анастасиевская, Ивановская и Староджерелиевская, по мнению компетентных органов, в период Гражданской войны находились «под гегемонией главнейшего организующего самостоятельного центра – станицы Полтавской»³⁰. Отметим, что станица Полтавская, основанная еще в 1794 г. (по другим данным – в 1792 г.), являлась одним из первых сорока куренных поселений черноморских казаков на Кубани. Название перенесено с одноименного куреня Сечи, названного, в свою очередь, по городу Полтаве – самой первой крепости-городка будущей Запорожской Сечи. Славной была история станицы и трагичной – в годы советской власти. Именно Полтавская сыграла исключительную роль в антисоветском движении. Эта станица – одна из крупнейших кубанских станиц – населялась преимущественно казаками, «воспитанными в самостоятельном духе», которые «целиком и безраздельно шли за самостоятельными»³¹, выступая под этим флагом как против большевиков, так и деникинцев. Органы ГПУ считали станицу Полтавскую ядром украинизации Кубани, насаждавшей антисоветский самостоятельный дух. Отмечалось, что из-за сильного стремления полтавцев к

²⁹ АМВД КК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 50.

³⁰ Там же. Л. 50 об.

³¹ Там же. Л. 31.

вольности и самостоятельности необходима огромная политическая работа, и даже смена поколения, чтобы выправить самостоятельный дух. В документах ГПУ признавалось, что, несмотря на все политические и иные мероприятия со стороны большевистского руководства по отношению к казаку полтавское казачество оставалось враждебным советской власти³².

В 1927–1929 гг. для таких неблагонадежных станиц партией большевиков был разработан план создания военных совхозов. Для Полтавской была признана чрезвычайная необходимость перемещения сюда «политически преданных красноармейцев» и их семей. Станица оказалась первой в крае, куда они были заселены. После прибытия первого эшелона демобилизованных красноармейцев такой совхоз в станице Полтавской появился. А после высылки казаков и им сочувствующей местной интеллигенции в северные районы страны прибыли новые эшелоны демобилизованных красноармейцев из Белгорода, Бологого, Валук, Горького, Саратова, Станового, Смоленска и др.³³

Отношение хлеборобов к налоговой политике

Однако бурный экономический рост станиц и отдельных хозяйств эпохи НЭПа внес свои коррективы. Населению в условиях НЭПа допускался выбор формы пользования землей из четырех вариантов: подворного, хуторского, общинного или артельного. Население стремилось к индивидуальным формам хозяйствования, причем здесь не наблюдалось большого различия между основными слоями населения: бедняками, середняками и зажиточными.

По целому ряду причин объективного характера более мощные, зажиточные хозяйства, как иногородние, так и казацкие, росли, тогда как бедняцкие прослойки из казаков и иногородних с трудом выживали. Борьба между казачеством и иногородними уступила место борьбе между кулаками и бедняками. В вопросах землеустройства бедняцкая часть казачества объединялась с иногородними, так как только совместными усилиями им удавалось добиться землеустройства, когда беднота получала более удобные близ станиц земли. Точно так же проходили спайки в периоды переборных кампаний в советы, в кооперацию и т.д. Часть же иногородних, наиболее зажиточная, к которой относились торговцы, кустари, откатывались в антисоветский лагерь.

³² АМВД КК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 57–58.

³³ *Беляева М.Ю.* Фамилии западных районов Кубани: Морфодеривационный аспект. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2008. С. 26, 32.

Средняя часть казачества в политическом отношении наружно лояльно относилась к большевикам, но в общем была настроена не в пользу советской власти. Так, в отчетах парткомов отмечался рост симпатии населения к советской власти. Например, в отчете Славянского парткома за сентябрь 1922 г. отмечалось, что в станицах отношение к советской власти крепнет, объясняя это активным участием в советизации бывших красноармейцев. Но все же указывалось на недоброжелательное отношение населения к трудгужналогу, который взимался деньгами, которых крестьяне не имели. Более того, вызывало недоброжелательное отношение населения и то обстоятельство, что трудгужналог взимался принудительным порядком³⁴.

Налоговый вопрос стал одним из важных факторов антисоветских настроений в кубанских станицах эпохи НЭПа. Казачество рассматривало налог как лишнее бремя для своего хозяйства. Обложение населения единым сельскохозяйственным налогом (ЕСХН) вызывало проявление резкого недовольства налоговой политикой на Кубани. Особенно это недовольство фиксировалось в среде казаков, т.к. казачество ранее налогов не платило. Среди хлеборобов-казаков наблюдались массовые случаи скрывания объектов обложения. Часто хлеборобы задерживали уплату налога в надежде на получение льгот, скидок и пр. В станице Холмской население заявляло: «Совсем сдерут с нас шкуру: за свиней плати, за коров плати, за себя плати». В Кореновском районе сообщали: «Этот налог уже последний, больше платить не придется т.к. советская власть скоро будет свергнута». В Славянском районе ст. Старо-Джерелиевская: «Налог платить не надо, советской власти скоро конец будет, не больше как неделю ей жить осталось»³⁵.

В отчетах фиксировались многочисленные высказывания недовольства налоговой политикой населения: «Мало на вас еще наложили, нужно было больше, тогда бы вы скорей проснулись. Придется колья брать и гнать пришельцев». (Имеется ввиду большевиков – *И.Ф.*)³⁶. В материалах отчета Екатеринодарского отдела за 1921 г. отмечалось: «Продналог в настоящее время идет хорошо лишь потому, что из станицы на отбывание повинности были отправлены 25 чел. заложников зажиточных с контрреволюционным духом и пользующихся доверием населения». В докладе волкома Березанской волости в августе 1923 г. политическое настроение жителей фиксировалось таким образом (орфографию документа сохраняем): «Настроение крестьянства по волости по отношению к действиям и распоряжениям со-

³⁴ ЦДНИ КК. Ф. 12500. Оп. 1 Д. 49. Л. 39.

³⁵ АМВД КК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 47.

³⁶ ЦДНИ КК. Ф. 541. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

ветской власти пассивное, о чем свидетельствует факт: собравшись граждане на собрание бывают на таковом до тех пор, пока им нужно узнать что-либо для защиты самого себя от повинностей а нет, то в дальнейшем собрание растекается это происходит в волости т.е. станицы Березанской. На собраниях присутствуют пока одно кулачество, а бедноты не видно. В Иркиевской станице господствует в большинстве середняк и бедняк отношение гораздо лучше ко всему и желательней. В Балковской происходит пока то, что и в Березанской. Вообще по остальным сельсоветам население пассивное». И далее указывались меры по улучшению работы волисполкома: «С волисполкомом работа проходит контактная и в дальнейшем пойдет в более тесной спайке. Население к старому исполкому относилось недоверчиво и отвратительно, в настоящий момент немного становится лучше, факты: раньше общих собраний граждан и не соберешь, как видно первое собрание собиралось в звон колокола в продолжении 4-х часов и пришло 40 чел, во второй раз звон колокола 2 часа пришло 120–150 чел и в 3-й раз звонил час прибыло до 300 чел. По видимому в дальнейшем собрание усилится, хотя бедноты нет, а лишь значительный элемент и отношение все тоже пассивное»³⁷.

Обязательным вопросом любого бюро исполкома или ячейки было выполнение ЕСХН. Изучив многочисленные архивные документы, мы можем утверждать, что работа по сбору налогов проходила очень тяжело, о чем свидетельствуют собрания бедноты и красноармейцев. Иногда такие собрания продолжались по несколько часов. Например, сообщалось, что в станице Березанской «удалось провести собрание, в котором со станичниками велась агитация на посещения собраний, поднятие духа и т.п. Заседание продолжалось 7 часов, терпеливо разрешая накопившиеся вопросы. Разошлись с хорошим настроением»³⁸.

Хотя в целом общественно-политические настроения изменялись под воздействием коммунистической пропаганды, стоит признать, что в станицах сохранялось недоверие к официальной информации, а это, в свою очередь, приводило к усилению негативных для власти настроений подавляющего большинства населения кубанских станиц, что объективно создавало угрозу его отчуждения от советской власти.

На продолжительный период после окончания Гражданской войны кубанское казачество сохраняло антисоветские настроения. В его среде вплоть до 1926 г. распространялись устойчивые слухи о недолговечности

³⁷ ЦДНИ КК. Ф. 1771. Оп. 1. Д. 318. Л. 15.

³⁸ Там же.

советской власти, о неизбежности возникновения войны и начала иностранной военной интервенции против СССР. На протяжении ряда лет среди населения многих станиц распространялись слухи о скорой гибели власти Советов, о приходе из-за границы «своих». Кроме того, в 1926 г. во время перевыборов в Советы зажиточное казачество вело открытую анти-советскую агитацию за недопущения в Советы коммунистов и иногородних, что нашло отражение в следующем призыве: «Граждане-казаки, нам в Совет не нужно выбирать босяков, они уже пограбили нас, забрали у нас землю, будем голосовать только за казаков»³⁹. Такая уверенность в непрочности советской власти и кратковременности существования большевистской диктатуры позволяла антисоветским силам вести активную борьбу с большевистской властью. На Кубани неприятие советской власти выливалось в достаточно мощное повстанческое движение, создавались бело-зеленые отряды под руководством белых офицеров.

Тем не менее, начиная с 1924 г. советская власть уже весьма прочно укрепилась на Кубани, чему способствовали как военные оперативные мероприятия, так и оздоровление и укрепление сельского хозяйства.

Однако наряду с ограничениями и вытеснением казачьей культуры с ее постепенным переходом на социалистические «рельсы» власти проявляли чрезвычайную заинтересованность в более глубоком знакомстве с ней. Стремясь воздействовать на политическое сознание населения, власти развернули кампанию по изучению казачества. В протоколе № 66 Армавирского округа от 17 июля 1928 г. под названием «О мерах по изучению казачества в Армавирском округе» признавалось необходимым срочным образом провести специальное изучение «вопроса о казачестве»⁴⁰. Надлежало изучить отношение и политические настроения казачества в целом к власти, партии, РЛКСМ, рост политической активности казачества среди кулацких, середняцких и бедняцких групп станиц. В целях улучшения отношения к советским преобразованиям и власти осенью 1924 г. партийные лидеры инициировали осуществление политики под лозунгом «лицом к деревне», неоднократно уже освещавшийся в историографии. Целью данной политики стало стимулирование прокоммунистических настроений в массах крестьянства и казачества Кубани. Вместе с тем широко разрекламированные мероприятия не снимали напряженности между хлеборобами и властью.

³⁹ АМВД КК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

⁴⁰ ЦДНИ КК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 18–20.

Выводы

Во многом негативное отношение кубанского казачества к мероприятиям советской власти в 1920-е гг. стало ответной реакцией населения на политику государства, на насильственные методы внедрения этой политики, во многом ущемлявшие традиционные хозяйственные, социальные и культурные интересы казаков. Недовольство новой властью было связано в основном с земельной политикой, со сбором различных налогов и повинностей. Данные ОГПУ о политическом настроении казачества и крестьянства Кубани позволяли выработать меры контроля, воздействия и принуждения в отношении «колеблющихся» и «сомневающих» в истинности генеральной линии партии.

Особое недовольство у зажиточного и даже значительной части среднего казачества вызвала политика, направленная на поддержку беднейших слоев населения. Подобные социальные приоритеты приводили к еще большему расколу и нарушению традиционных отношений среди кубанских хлеборобов. При этом местная власть не располагала в достаточной мере необходимыми материальными ресурсами для оказания полномасштабной поддержки беднейшему населению. Помощь беднякам хозяйствам носила эпизодический и случайный характер и не могла удовлетворить потребности беднейших слоев населения. Среди казачества и бедноты распространялся социальный пессимизм, нарастало разочарование социально-классовой политикой советской власти.

Большевики старательно разжигали извечные сословные противоречия между кубанским казачеством и иногородним населением, рассчитывая в лице последнего обрести прочную социальную опору в окончательном утверждении советской власти на Кубани. Прозелитами и проводниками советской власти становились демобилизованные красноармейцы, переселенцы из центральных регионов, хотя даже среди них встречалось много недовольных проводимой большевиками аграрной политикой. На те же социальные слои опиралась власть в кампании «лицом к казачеству» в середине 1920-х гг., но, увы, исторический шанс был упущен. Проведенный анализ настроений этой части жителей Кубани показал нараставшее чувство недовольства властью, причем среди всех слоев сельского населения. В дальнейшем эти механизмы изучения настроений, контроля и принуждения позволяли проводить достаточно успешную кампанию по советизации кубанских станиц.

© Федина И.М., 2018

Рукопись поступила: 10 августа 2018 г.

Submitted: 10 August 2018

References

- Babichev, M.M. “K voprosu o zemel’noy politike Sovetskoy vlasti na Kubani v 1920–1924 gg.” [On the Land Policy of the Soviet Government in the Kuban in 1920–1924] *Velikiy Oktyabr’ i pervye social’no-ehkonomicheskie preobrazovaniya na Kubani* [The Great October and the first socio-economic transformations in the Kuban]. Krasnodar: [S.n.], 1974 (in Russian).
- Belyaeva, M.Y. *Familii zapadnykh rayonov Kubani: Morfoderivacionnyy aspekt* [Surnames of the western districts of the Kuban: Morphoderation aspect]. Stavropol: SGU Publ., 2008 (in Russian).
- Chernopickiy, P.G. “Sovetskaya vlast’ i kazachestvo” [Soviet power and the Cossacks]. Part 1 of *Problemy kazach’ego vrozhdeniya* [Problems of the Cossack Revival]. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don University Publ., 1996 (in Russian).
- Goldentul, I. *Zemel’nye otnosheniya na Kubani: kratkiy ocherk* [Land relations in the Kuban: a short essay]. Krasnodar: Tradiciya Publ., 2009 (in Russian).
- Karelin, E.G. “‘Zapadnaya oblast’ gosplana: iz istorii ehkonomicheskogo raionirovaniya strany v 1920 gg.” [“Western region of the state plan”: from the history of economic zoning of the country in the 1920s] *Rossiyskaya istoriya*, no. 10 (2010): 15–18 (in Russian).
- Klenner, I.M. *Deystvitel’nost’ kubanskoy stanicy* [The validity of the Kuban village]. Krasnodar: Burevestnik Publ., 1924 (in Russian).
- Kondrashin, V.V. *Krest’yanstvo i kazachestvo Rossii v usloviyah revolyucii 1917 g. i grazhdanskoj voyny: nacional’no-regional’nyy aspekt* [The peasantry and the Cossacks of Russia in the conditions of the 1917 revolution and civil war: the national-regional aspect]. Moscow; Saransk: Nauchno-issledovatel’skiy institut gumanitarnykh nauk pri Pravitel’stve Mordovskoy Respubliki Publ., 2017 (in Russian).
- Konyukov, I.A. *O rassloenii krest’yanskikh hozyajstv Kubani* [On the stratification of peasant farms in the Kuban]. Krasnodar: Adygcherkprom Publ., 1928 (in Russian).
- Kucenko, I.Y. *Bor’ba partorganizacij Kubani za vovlechenie v socialisticheskoe stroitel’stvo kazach’ego naseleniya v 1920–1925 gg.* [The struggle of the Party organizations of the Kuban for involving in the socialist construction of the Cossack population in 1920–1925]. Krasnodar: [S.n.], 1963 (in Russian).
- Pankova-Kozochkina, T.V. *Kazach’e-krest’yanskoe samoupravlenie epohi NEPa: problemy modernizacii vlastnykh otnosheniy na yuge Rossii* [Cossack-Peasant Self-Government of the NEP Age: Problems of Modernization of Power Relations in the South of Russia]. Novochoerkassk: Lik Publ., 2014 (in Russian).
- Pankova-Kozochkina, T.V., Bondarev, V.A., and Skorik, A.P. *Kazach’e-krest’yanskoe hozyajstvo epohi nehpa: problemy modernizacii agrarnykh otnoshenij na Yuge Rossii* [Cossack-Peasant Economy of the NEP Age: Problems of Modernizing Agrarian Relations in the South of Russia]. Novochoerkassk: Lik Publ., 2012 (in Russian).
- . “Rabotniki sel’skikh sovetov 1920-h gg.: nomenklaturnye podhody bol’shevikov i social’nye trebovaniya krest’yanstva (na materialah yuga Rossii)”. [Workers of village

- councils of the 1920s: the nomenclature approaches of the Bolsheviks and the social demands of the peasantry (on the materials of the south of Russia)]. *Rossiyskaya istoriya*, no. 6 (2011): 136–145 (in Russian).
- Perekhov, Y.A. *Kazachestvo i vlast': poisk konsensusa* [Cossacks and power: the search for consensus]. Novocherkassk: Gefest Publ., 1995 (in Russian).
- Polozhenie o socialisticheskom zemleustrojstve i o merah perekhoda k socialisticheskomu zemledeliyu* [The Provision on Socialist Land Management and the Measures for the Transition to Socialist Agriculture]. http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_442.htm (in Russian).
- Rogalina, N.L. “Zadachi i uroki izucheniya rossijskikh agrarnykh reform XX veka.” [The tasks and lessons of studying the Russian agrarian reforms of the twentieth century]. *Rossiyskaya istoriya*, no 4 (2011): 3–13 (in Russian).
- Skorik, A.P. “Kazaki Yuga Rossii i sovetskaya vlast' v 1917–1929 gg: vzaimootnosheniya v preddverii ‘velikogo pereloma’.” [Cossacks of the South of Russia and Soviet power in 1917–1929: the relationship on the eve of the “great fracture”] Vol. 3 of *Kazachestvo Rossii: proshloe i nastoyashchee: Collection of Scientific Articles* [Cossacks of Russia: past and present]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of Russian Academy of Science Publ., 2010 (in Russian).
- Skorik, A.P., and Fedina, I.M. *Kubanskij hutor: fazy topohromnoj ehvolyucii (konec XVIII – pervaya tret' XX v.)* [Kuban farm: the phases of topochromic evolution (the end of the XVIII – the first third of the XX century)]. Novocherkassk: Lik Publ., 2016 (in Russian).
- Shchetnyov, V.E. “Kubanskaya stanica do kollektivizacii sel'skogo hozyajstva” [Kuban village before the collectivization of agriculture] *Velikij Oktyabr' i pervye social'no-ehkonomicheskie preobrazovaniya na Kubani* [The Great October and the first socio-economic transformations in the Kuban]. Krasnodar: [S.n.], 1974 (in Russian).
- Uldricks, Teddy J. “Russia and Europe: Diplomacy, Revolution, and Economic Development in the 1920s.” *The International History Review*, no. 1 (January 1979): 55–83.

Archives

- AMVD KK, f. 18, op. 1, d. 10.
GAKK, f. R-890, op. 1, d. 75 a.
GAKK, f. R-102, op. 1, d. 29.
GAKK, f. R-382, op. 1, d. 255.
GAKK, f. R-157, op. 1, d. 208.
CDNI KK, f. 12, op. 1, d. 47.
CDNI KK, f. 1771, op. 1, d. 318.
CDNI KK, f. 541, op. 1, d. 6.
CDNI KK, f. 12500, op. 1, d. 49.

Kuban farmers' attitudes toward Soviet agrarian transformations in the 1920s

Irina M. Fedina

Kuban State University

149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russia

ir_Lap@mai.ru

Abstract: How did the residents of Kuban region perceive the agrarian transformations that the Soviet authorities carried out in the post-revolutionary period? The archival sources studied in this paper reveal the attitude of the villagers to the land and tax policies of the Soviet state, their sentiments towards Soviet modernisation, as well as the relationship between Cossacks and non-residents during the land management campaign. While the history of the Kuban villages in the 1920s has attracted the interest of many researchers and regional historians, the sentiments and attitudes of the population towards the agrarian reforms by the Soviet authorities have so far received little attention. The measures of the Soviet state contributed not only to the eradication of the traditional Cossack culture but also radically altered the socio-economic and cultural profile of the Kuban villages, leading to the loss of Cossack identity. The article analyses the role of the Soviet authorities in the imposition of a socialist order. In the 1920s, their aim was the dissemination of pro-Soviet sentiments among the Kuban grain farmers. To this end, party and state authorities used various means and methods. Therefore, the study of the sentiments and attitude towards the Soviet authorities' actions has become an important channel for obtaining information. The Soviet organs attempted to investigate the attitudes of the farmers and took these data in account for adjusting their policies. The documents produced in this process have been a central source for the present article. In the 1920s the authorities launched a large-scale ideological project to make the Kuban population accept the Soviet worldview and embrace an archetypical Soviet mentality. In particular the poor and the non-urban population became pillars of social support for the new regime. The mechanisms that the Soviets applied for studying the sentiments of the Kuban grain farmers, together with other instruments of control and coercion, allowed the authorities to conduct a fairly successful Sovietisation campaign in the region, and to attract new proselytes to their side.

Keywords: Cossack village, land management campaign, Sovietisation, Kuban, farmers, grain growers, sentiments, Soviet power

For citation: Fedina, Irina M. "Kuban farmer's attitudes toward Soviet agrarian transformations in the 1920s." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 4 (2018): 792–811. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-792-811>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-812-833>

Научная статья / Research article

Организация трудовой мобилизации в Чечено-Ингушской АССР в годы Великой Отечественной войны

М.К. Осмаев

Чеченский государственный университет
364093, Россия, Грозный, ул. Шерипова, 32
osmaev.movla@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуются мобилизации трудовых ресурсов в Чечено-Ингушской АССР в годы Великой Отечественной войны, связанные с эвакуацией промышленных предприятий и последующим их восстановлением, а также созданием сложной системы оборонительных рубежей. Предметом изучения стали существенные характеристики осуществлявшихся мобилизационных мероприятий, общие закономерности и местные специфические особенности их протекания. В статье показано, что трудовые мобилизации в Чечено-Ингушской АССР периода Великой Отечественной войны проводились с целью максимально эффективного использования имеющихся людских ресурсов по осуществлению важных для государства видов работ, прежде всего по демонтажу эвакуируемых промышленных предприятий, который проводился дважды – осенью 1941 г. и летом–осенью 1942 г. Завершение каждой эвакуации сопровождалось новыми мобилизационными мероприятиями с целью обеспечения рабочей силой восстановительных работ. Автор приходит к выводу, что в целом трудовые мобилизации затронули все слои населения, проживавшего в тот период на территории Чечено-Ингушской АССР, независимо от национальной принадлежности. При этом коренное население предоставляло наибольшую по численности часть неквалифицированной рабочей силы. В республике не наблюдалось и сколько-нибудь массового уклонения от трудовых мобилизаций. Отмеченное в 1944 г. заметное сокращение масштабов мобилизационных мероприятий объясняется в первую очередь депортацией чеченцев и ингушей (в общей сложности это около 500 тыс. человек), что привело к необходимости завозить дополнительную рабочую силу во вновь образованную Грозненскую область.

Ключевые слова: Чечено-Ингушская АССР, Великая Отечественная война, трудовые мобилизации, трудовая армия, строительство оборонительных рубежей

Для цитирования: *Осмаев М.К.* Организация трудовой мобилизации в Чечено-Ингушской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 4. С. 812–833. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-812-833>

Введение

В последние десятилетия в ряде бывших социалистических стран и советских республик предпринимаются настойчивые попытки «переписать» с националистических позиций историю советского периода. При этом кардинальной ревизии подвергается и история Второй мировой войны, особенно та ее часть, которая связана с непосредственным участием в ней Советского Союза, на который пытаются возложить значительную часть вины за ее развязывание. Этим частично объясняется тот факт, что Великая Отечественная война остается и еще долго будет оставаться в центре внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Еще одним фактором, объясняющим актуальность исследований этого периода, является наличие существенных пробелов в историографии Великой Отечественной войны. Определенная ограниченность советской историографии объясняется влиянием официальной государственной идеологии, нацеливавшей исследователей на раскрытие преимуществ советского общественного строя. В постсоветский период появилось большое количество явно политизированных изысканий в области отечественной истории, что также ведет к искажению реальной картины событий прошлого. В этой связи преодоление существующей односторонности в освещении истории Великой Отечественной войны является актуальной задачей отечественной историографии.

Особое место в истории Великой Отечественной войны занимает битва за Кавказ, фактически начавшаяся поздней осенью 1941 г. с кратковременного захвата немецко-фашистскими войсками Ростова-на-Дону и завершившаяся в октябре 1943 г. полным изгнанием врага с территории Кубани. Обладание Кавказом с его значительными людскими, продовольственными и природными (прежде всего нефтяными) ресурсами оказывало значительное влияние на баланс сил между Германией и СССР и тем самым – на исход всей войны. Это также объясняет актуальность региональных исследований, особенно в национальных республиках Северного Кавказа, которые являлись важной частью северокавказской тыловой базы Красной Армии, оборонявшей Кавказ. При этом особое место в регионе занимала Чечено-Ингушская АССР (далее – ЧИАССР) с ее достаточно развитой нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленностью и значительной численностью коренного населения. Анализ протекавших в республике в рассматриваемый период социально-экономических и политических процессов важен не только для выявления общих для северокавказского региона и всей страны закономерностей, но и для объективного изучения местной (республиканской) специфики, потребовавшей нестан-

дартного подхода и создания особых механизмов по реализации мер общегосударственного значения. К числу такого рода мероприятий следует отнести две широкомасштабные эвакуации в годы войны промышленных предприятий на территорию республики с последующими кампаниями по их восстановлению, а также работы по созданию значительного числа оборонительных рубежей на границах Чечено-Ингушской АССР и вокруг Грозного, которые являлись составной частью оборонительного комплекса в масштабах всего Северного Кавказа.

Неоднозначность толкования характера общественно-политических процессов, протекавших в Чечено-Ингушской АССР периода Великой Отечественной войны, со всей наглядностью проявилась в акции по депортации чеченцев и ингушей в феврале 1944 г. Объективное исследование положения дел в самой республике в рассматриваемый период позволяет доказать ее полную необоснованность и преступный характер. Следует отметить и тот факт, что изучение ситуации в отдельных субъектах Российской Федерации актуально еще и потому, что только совокупность этих данных позволяет получить достаточно полное, объективное представление об истории Великой Отечественной войны в целом.

Трудовые мобилизации в Чечено-Ингушской АССР периода Великой Отечественной войны вплоть до настоящего времени всегда рассматривались в контексте более широкой проблематики функционирования тыла с целью обеспечения материально-технической и моральной поддержки Красной Армии. При этом особый акцент делался на трудовой подвиг работников тыла, рассматривавшийся с позиций общего патриотического подъема, охватившего советское общество. Подобный подход заведомо ослаблял внимание к таким негативным факторам, как широкое применение государством форм и методов внеэкономического принуждения, каковыми, собственно, и являлись мобилизационные мероприятия в рамках исполнения введенной в стране обязательной трудовой повинности.

Специальное исследование трудовых мобилизаций важно еще и потому, что оно позволяет глубже понять характер социальных процессов, протекавших в обществе, их влияние на общественное настроение, повседневную жизнь и образ жизни населения республики в тяжелейших условиях военного времени.

Объектом исследования в статье являются мобилизационные мероприятия в Чечено-Ингушетии в годы Великой Отечественной войны, связанные с эвакуацией промышленных предприятий и последующим их восстановлением, а также созданием сложной системы оборонительных рубежей.

Предметом изучения стали сущностные характеристики осуществляемых мобилизационных мероприятий, общие закономерности и местные специфические особенности их протекания.

Целью работы является определение значения проведенных трудовых мобилизаций для успешного функционирования народно-хозяйственного комплекса Чечено-Ингушской АССР в самый тяжелый период войны 1941–1943 гг.

Источниковую базу статьи составили архивные документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), доступ к которым появился благодаря деятельности Архивного управления Правительства Чеченской Республики по получению электронных копий широкого спектра документов из фондов самых различных архивов Российской Федерации и некоторых стран СНГ, касающихся истории Чечено-Ингушской Республики периода Великой Отечественной войны. Кроме того, большое количество документов и материалов, связанных с деятельностью Грозненского городского комитета обороны, впервые было опубликовано только в 2015 г.¹

При изучении характера мобилизационных мероприятий, проводившихся в Чечено-Ингушетии (а также в других национальных республиках Северного Кавказа) в годы Великой Отечественной войны в центре внимания исследователей уже традиционно оказывались военные мобилизации, изучавшиеся в контексте общего вклада коренных народов в победу над фашистской Германией. Столь однобокий подход объясняется прежде всего высокой степенью политизированности довольно большого числа работ по истории Северного Кавказа и особенно истории Чечено-Ингушской АССР в годы войны. Например, И.В. Пыхалов значительную часть своей известной книги «За что Сталин выселял народы?» посвятил оправданию депортации чеченцев и ингушей, которых он обвиняет в массовом дезертирстве, бандитизме, сотрудничестве с немцами и нежелании работать в тылу: «... в то время как оставшиеся без кормильцев русские семьи голодали, “доблестные” горцы торговали на рынках, без зазрения совести спекулируя сельхозпродуктами»².

Соответственно, значительная часть последних исследований чеченских историков по периоду Великой Отечественной войны основной целью имеет опровержение подобных измышлений. Уже сам факт депортации

¹ Грозненский городской комитет обороны. Документы и материалы. Грозный: Грозненский рабочий, 2015.

² Пыхалов И. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? М.: Яуза-пресс, 2008. С. 295.

чеченцев и ингушей по обвинению в массовом сотрудничестве с врагом (при том, что эта акция еще в советское время была официально признана необоснованной и преступной) заставляет чеченских историков акцентировать внимание на военной составляющей описываемого периода, а вопросы работы тыла, повседневной жизни населения и т.д. отодвигаются на второй план либо вообще не рассматриваются. К такого рода исследованиям можно отнести, например, совместную работу Д.Б. Абдурахманова и Я.З. Ахмадова³.

Тем не менее трудовые мобилизации, проводившиеся в Чечено-Ингушской АССР на протяжении Великой Отечественной войны, довольно подробно рассматривались в работах целого ряда национальных исследователей как советского, так и современного периодов: В.И. Филькина⁴, М.А. Абазатова⁵, Х.А. Гакаева⁶, М.М. Ибрагимова и И.З. Хатуева⁷ и других. Важно отметить коллективные академические труды по истории Чеченской Республики, в которых указанная проблематика также затрагивалась⁸. Проблемы использования мобилизованных трудовых ресурсов на предприятиях Грознефтекомбината военной поры частично затрагивается в публикации З.Х. Сулумова⁹.

В отечественной историографии по периоду Великой Отечественной войны Северный Кавказ и Чечено-Ингушская АССР, в частности, как правило, занимают достаточно скромное место. При этом далеко не всегда в этих исследованиях должное внимание уделяется трудовым мобилизациям в северокавказских национальных республиках. Например, в совместном труде А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Бугая и Е.Ф. Кринко в центре внимания

³ *Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З.* Битва за Чечню. «Война историографий», или информационная война. Грозный: Грозненский рабочий, 2015.

⁴ *Филькин В.И.* Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный: Чечено-Ингушский издательский дом, 1960.

⁵ *Абазатов М.А.* Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный: Чечено-Ингушский издательский дом, 1973.

⁶ *Гакаев Х.А.* В годы суровых испытаний. Грозный: Чечено-Ингушский издательский дом, 1988.

⁷ *Ибрагимов М., Хатуев И.* Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. Нальчик, 2007; *Они же: Подвиг во имя Родины (Вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.)*. Грозный: Грозненский рабочий, 2015.

⁸ История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. 2. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный: Книжное изд-во, 2008.

⁹ *Сулумов З.Х., Ибрагимов М.М.* Нефтяная промышленность ЧИАССР в период Великой Отечественной войны. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21819>

оказались вопросы взаимоотношений между горцами, советским государством и нацистской Германией, участие горцев в боевых действиях, проблемы коллаборационизма и депортация балкарцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей. При этом из поля зрения выпал весь комплекс вопросов, связанных с организацией экономики военного времени¹⁰.

Трудовые мобилизации военного времени в Чечено-Ингушской АССР не рассматривались и в капитальном труде «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», авторы которого ограничились замечанием, что на базе вывезенного с Кавказа оборудования (в том числе из ЧИ АССР) были построены нефтеперерабатывающие заводы в Сызрани, Краснокамске, Перми, Красноводске, станции Ванновская в Узбекской ССР, а также расширены Орский и Ишимбаевский нефтеперерабатывающие заводы. Тогда же в Уфу (Башкирская АССР) был эвакуирован институт «Грознефтепроект»¹¹.

Кавказ периода Великой Отечественной войны в исследованиях зарубежных авторов также занимает довольно незначительное место. При этом в центре внимания оказываются вопросы главным образом военно-политического характера. Отмечается и значение нефтяных ресурсов края для воюющих сторон. Что касается работы советского тыла, то вопросы учета, распределения и эффективного использования трудовых ресурсов, если и затрагиваются, то только в самом общем плане. Подобная односторонность особенно заметна в исследованиях немецких авторов, которые традиционно уделяют значительное внимание функционированию германской военной экономики и только отчасти – советской военной промышленности. Например, в сборнике «Почему Гитлер проиграл войну. Немецкий взгляд», в статьях Х. Хемберга и Э. Энгельберга достаточно подробно освещаются проблемы германской военной экономики, но при этом отсутствует анализ советской экономики¹². Проблемы, связанные с использованием трудовых ресурсов в военной промышленности Германии, затрагиваются и в капитальном издании «Вторая мировая война. День за днем», но и в этом случае полностью игнорируется советский опыт¹³. Таким образом, в отечествен-

¹⁰ Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кричко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М.: Центрполиграф, 2012.

¹¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 1. Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. С. 483, 485.

¹² Почему Гитлер проиграл войну? Немецкий взгляд. М.: ЭКСМО, 2009.

¹³ Вторая мировая война. День за днем / Пер. с нем. М.: Siberian Barber, 2005.

ной и зарубежной историографии история трудовой мобилизации на территории Чечено-Ингушской АССР в годы Великой Отечественной войны не становилась предметом специального исследования, что актуализирует выбор данной темы.

Государственные меры по мобилизации трудовых ресурсов в годы войны

Великая Отечественная война вызвала необходимость проведения в жизнь широких мобилизационных мероприятий, носивших не только военный, но и трудовой характер. Фактическое введение в СССР всеобщей трудовой повинности объяснялось необходимостью перестройки экономики на военный лад и максимально эффективного использования имевшихся в стране людских ресурсов. Объем последних резко сократился вследствие военных потерь и оккупации густонаселенных территорий в европейской части СССР, а также военной мобилизации, охватившей десятки миллионов рабочих рук и большое число квалифицированных специалистов. Так, численность работающих в народном хозяйстве уменьшилась с 31,8 млн человек в первой половине 1941 г. до 22,8 млн во втором полугодии и до 18,4 млн в 1942 г.¹⁴

С острой нехваткой трудовых ресурсов столкнулась и Чечено-Ингушская АССР, население которой в 1939 г. составляло всего 726 тыс. человек¹⁵, в том числе: чеченцев – 368,5 тыс. человек, ингушей – 83,8 тыс. человек¹⁶. За годы войны из Чечено-Ингушетии в Красную Армию было призвано свыше 50 тыс. человек, в том числе более 30 тыс. чеченцев¹⁷, а к концу 1943 г. (вместе с семьями, прибывшими в эвакуацию) в республике официально насчитывалось 54 068 семей фронтовиков¹⁸. С учетом традиционной многодетности чечено-ингушских семей из республиканской экономики была выведена значительная часть трудоспособного населения. Использование оставшихся трудовых ресурсов жестко регламентировалось государством буквально с первого дня войны.

¹⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 1. Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. С. 464.

¹⁵ 60 лет Чечено-Ингушской АССР. Статистический сборник. Грозный: Чечено-Ингушский книжный дом, 1982. С. 15.

¹⁶ Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь: АГРУС, 2003. С. 174, 195.

¹⁷ Гакаев Х. Чеченцы в боях против немецко-фашистских захватчиков // Чеченцы: история и современность. М.: Мир дому твоему, 1996. С. 235.

¹⁸ Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З. Битва за Чечню... С. 257.

Уже 22 июня 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», согласно которому в областях, где вводилось военное положение, власти получали право привлекать граждан к трудовой повинности по выполнению работ оборонного значения, объявлять авто-гужевою повинность и т.д.¹⁹ Кроме того, в июне 1941 г. при Совете Народных Комиссаров СССР был создан Комитет по распределению рабочей силы.

26 июня 1941 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», который разрешал введение сверхурочных работ, в том числе для лиц, не достигших 16-летнего возраста²⁰. В конце 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» все работающие на этих предприятиях объявлялись мобилизованными до окончания войны²¹.

В феврале 1942 г. трудовая мобилизация распространилась на все трудоспособное городское население, включая мужчин в возрасте от 16 до 55 лет, женщин – от 16 до 45 лет. В апреле того же года совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» местным властям разрешалось привлекать к сельскохозяйственным работам жителей, не занятых на промышленных предприятиях и транспорте. Причем возрастной предел был увеличен и составил для мужчин от 14 до 55 лет, для женщин – от 14 до 50 лет²². В целом за период с июля 1941 г. по апрель 1942 г. уголовное наказание за нарушение трудового режима было введено для всех категорий трудоспособного населения²³.

¹⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» // Грозненский рабочий. 1941. 23 июня. №146 (5831). С. 1.

²⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // Грозненский рабочий. 27 июня. 1941. № 150 (5835). С. 1.

²¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/>

²² Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М.: Политиздат, 1985. С. 283.

²³ Гончаров Г.А. Трудовая мобилизация советских граждан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Омского государственного университета. 2006. № 6. С. 183–184.

Трудовые мобилизации и экономика ЧИ АССР военного времени

Таким образом, в распоряжении центральных и местных властей имелось достаточно полномочий и организационных возможностей, чтобы в случае необходимости проводить мобилизацию работоспособного населения для осуществления тех или иных видов важных для государства работ. Например, после того, как осенью 1941 г. началась эвакуация предприятий Грозненского нефтепромышленного комплекса, на работу по демонтажу ценного оборудования были мобилизованы тысячи рабочих из других отраслей промышленности, а также из колхозов и совхозов республики²⁴. Только на разборке нефтепровода «Грозный – Армавир» было задействовано 13 тыс. человек²⁵.

В 1942 г. на повторном демонтаже оборудования только одного треста «Грознефтезаводы» ежедневно трудилось до 4300 человек, а после того, как было принято решение о восстановлении грозненской нефтяной промышленности, была проведена дополнительная мобилизация местного населения в качестве неквалифицированной рабочей силы²⁶.

Осенью 1942 г. трудовые мобилизации стали причиной серьезных сбоев и даже прекращения работы значительного числа второстепенных предприятий Чечено-Ингушетии. Так, с начала третьего квартала прекратили работу предприятия системы Управления промышленных материалов, персонал которых был мобилизован на сельскохозяйственные работы, а затем – на строительство оборонительных рубежей. К 15 сентября из 20 предприятий местной промышленности ЧИ АССР сохранилось всего лишь 7; в октябре 1942 г. из 89 грозненских предприятий работало только 52, а из 78 артелей промкооперации – всего 9²⁷.

²⁴ Зоев С.О. *Промышленность Чечено-Ингушской АССР за 50 лет*. Грозный: Чечено-Ингушский издательский дом, 1972. С. 42.

²⁵ Сулумов З.Х., Ибрагимов М.М. *Нефтяная промышленность ЧИАССР в период Великой Отечественной войны*. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21819>

²⁶ Селюнин В.А., Селюнина Н.В. *Противоречия развития нефтяной промышленности Чечено-Ингушетии (1941–1942 гг.) // Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы и Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в г. Грозный, 18–19 мая 2010 г.* Грозный: Академия наук Чеченской Республики, 2010. С. 505, 507.

²⁷ Абазатов М.А. *Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза*. Грозный: Чечено-Ингушский книжный дом, 1973. С. 63.

В некоторых случаях вводились постоянные или временные запреты на трудовую мобилизацию отдельных категорий работников. Например, Постановление ГКО СССР № 2048сс от 16 июля 1942 г. обязало председателей колхозов и сельских советов организовать сбор лома цветных металлов на своей территории. Одновременно запрещалась мобилизация населения, занятого на заготовке цветного металла, на другие работы²⁸.

Развернувшиеся в 1943 г. работы по восстановлению эвакуированных ранее предприятий вновь сопровождались призывом трудоспособного населения. Так, в марте 1943 г. мобилизация проводилась для восстановления электростанций, сетей и подстанций в г. Грозном и на территории Чечено-Ингушетии²⁹. В апреле 1943 г. для работы на предприятиях республики было мобилизовано около 4 тыс. человек преимущественно из сельских районов³⁰.

Для трудовых мобилизаций первых лет Великой Отечественной войны характерно привлечение нетрудоспособного населения. Например, уже в первых числах августа 1941 г. 15 тыс. пионеров и школьников ЧИ АССР было занято посильной для них работой в народном хозяйстве, включая уборку урожая³¹. По воспоминаниям известного чеченского ученого-историка и лингвиста К.З. Чокаева, весной 1942 г. решением Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) была организована ручная вскопка колхозных полей, на которую были мобилизованы все, кто мог держать лопату. Сам он, будучи еще школьником, со своим 70-летним дедом работал на полях колхоза им. ОГПУ Шалинского района³².

В сентябре 1942 г. среди 2,5 тыс. жителей Грозного, мобилизованных для демонтажа нефтепромышленного оборудования, было определенное количество женщин, имевших на руках малолетних детей, и поэтому Грозненский городской комитет обороны распорядился организовать на всех заводах детские комнаты и питание для детей³³.

²⁸ Архивное управление Правительства Чеченской Республики (далее – АУПЧР). Ф. 1212. Оп. 3 кс. Д. 1166. Л. 1.

²⁹ Там же. Д. 208. Л. 80, 83–84.

³⁰ Зоев С.О. Промышленность Чечено-Ингушской АССР за 50 лет. Грозный: Чечено-Ингушский издательский дом, 1972. С. 50.

³¹ Ларина З. Тимуровцы // Грозненский рабочий. 1941. 8 августа. № 186 (5871). С. 4.

³² Чокаев К.З. О войнах, о военном времени // Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы и Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в г. Грозный, 18–19 мая 2010 г. Грозный: Академия наук Чеченской Республики, 2010. С. 586.

³³ Грозненский городской комитет обороны. Документы и материалы. Грозный: Грозненский рабочий, 2015. С. 150.

Трудовые мобилизации на строительство оборонительных рубежей

Самые массовые мобилизации военной поры были связаны со строительством оборонительных рубежей, причем в первые месяцы войны трудармейцы из Чечено-Ингушетии привлекались к работам далеко за ее пределами. Уже летом 1941 г. в республике, по требованию командования Северо-Кавказского военного округа (СКВО), было мобилизовано 13 тыс. невоеннообязанных жителей, которых направили в Ростовскую область и на Украину на строительство оборонительных сооружений. Об их дальнейшей судьбе существуют различные версии. Согласно одной из них, еще не дойдя до места назначения, они были рассеяны немецкой авиацией. К Ростову-на-Дону сумело добраться не более 2 тыс. человек, которых вывезла в Грозный специальная государственная комиссия из Чечено-Ингушетии³⁴. В других источниках говорится о 1200 чел., добравшихся до Ростова-на-Дону³⁵.

Согласно другой версии, после того, как от командования СКВО поступило сообщение, что жители ЧИ АССР, мобилизованные в строительные отряды, самовольно покидают свои части и направляются в Грозный, 20 сентября 1941 г. в Ростов-на-Дону были командированы секретарь Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) М.Г. Гайрбеков и председатель Президиума Верховного Совета ЧИ АССР Ю.Д. Тамбиев. Проверкой было установлено, что командование округа возвратило 200 человек, не принятых на строительные объекты. Выяснилось также, что организованного приема и распределения по частям на месте назначения не было. Мобилизованных, среди которых имелось немало стариков и больных, в течение 4–5 суток только один раз кормили горячей пищей. Исключительно плохо была организована и сама мобилизация. Людей забирали прямо на улицах без вручения повесток и предварительного разъяснения цели мобилизации. Мобилизованных даже не предупредили, что они не смогут получить обмундирование, и многие выехали в домашних чувяках и рубашках³⁶.

Согласно воспоминаниям К.З. Чокаева, трудармейцев, сумевших самостоятельно вернуться в Чечено-Ингушетию, привлекали к ответственным

³⁴ *Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З.* Битва за Чечню... С. 260.

³⁵ *Музаев М.Н.* Игра «втемную» с правовыми оценками и историографией // *Объединенная газета*. 2004. № 3 (35). С. 10.

³⁶ *Ибрагимов М.М., Хатуев И.З.* Подвиг во имя Родины (Вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Грозный: Грозненский рабочий, 2015. С. 160–161.

ности как дезертиров³⁷. Точное количество трудармейцев из Чечено-Ингушетии, привлеченных к уголовной ответственности, остается неизвестным. В целом за 1941–1944 г., по данным НКВД, в республике к уголовной ответственности за дезертирство и уклонение от призыва (в том числе от трудовой мобилизации) было привлечено до 5 тыс. человек. В этот же период количество дезертиров из Красной Армии составляло 4441 человек³⁸. Таким образом, можно предположить, что за уклонение от трудовой мобилизации в Чечено-Ингушетии было репрессировано примерно 550 человек.

Необходимо отметить также, что по числу дезертиров и «уклонистов» Чечено-Ингушская АССР не выделялась на фоне других республик, областей и краев Северного Кавказа. Так, общее количество дезертиров по региону в целом составляло 49 362 человека, а по всему Советскому Союзу превышало 1 млн 210 тыс. человек³⁹.

Еще одна важная стратегическая задача, которая решалась в самом начале войны, а именно осенью 1941 г., – это сооружение оборонительных рубежей на всем протяжении советско-германского фронта и в глубоким тылу на направлениях ожидаемого наступления германских войск. 13 октября 1941 г. ГКО СССР своим Постановлением № 782сс «Об оборонительном строительстве» образовал при Наркомате обороны Главное управление оборонительного строительства (ГУОС), перед которым была поставлена задача форсировать строительство намеченных оборонительных линий типа полевых укреплений. Одновременно Главному управлению оборонительных работ (ГУОБР) разрешалось организовать саперные армии общей численностью в 300 тыс. человек. Кроме того, в подчинение ГУОБРУ переходили военно-полевые армейские и фронтовые строительные организации. На южном фланге советско-германского фронта специальным группам строителей под управлением ГУОБРа поручалось строительство оборонительной линии в предгорьях Северного Кавказа от Темрюка по южному берегу реки Кубани через Баталпашинские предгорья и далее по южному берегу реки Терек до Каспийского моря, имея при этом

³⁷ Чокаев К.З. О войнах, о военном времени // Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы и Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в г. Грозный, 18–19 мая 2010 г. Грозный: Академия наук Чеченской Республики, 2010. С. 591.

³⁸ Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М.: Пульс, 2005. С. 771.

³⁹ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. М.: Каль, 1994. С. 115.

одновременное строительство четырех отдельных укрепленных районов: Краснодарского, Тихорецкого, Ставропольского, Грозненского⁴⁰.

В соответствии с этим постановлением уже в октябре 1941 г. была сформирована 10-я саперная армия под командованием Героя Советского Союза генерал-майора М.М. Мальцева. Армия имела в составе 29-ю и 30-ю саперные бригады, а ее штаб располагался в Грозном. Под военно-техническим руководством специалистов 10-й саперной армии началось строительство оборонительного рубежа общей протяженностью в 890 км. Из Чечено-Ингушетии на строительные работы было мобилизовано в общей сложности 32 тыс. человек. Это были колхозники со всех районов республики, рабочие грозненских предприятий, домохозяйки, студенты, учащиеся школ ФЗО. Каждому из мобилизованных предстояло вынуть не менее 100 кубометров земли, а для обеспечения строителей необходимыми инструментами на грозненских предприятиях были изготовлены тысячи лопат, топоров, пил, ломов, тачек и кирок. Общая протяженность оборонительных рубежей, возводимых трудармейцами из Чечено-Ингушетии, составила 200 км, в том числе на Грозненском обводе (укрепрайоне) – 140 км. Причем работы велись на двадцатиградусном морозе, в снегу глубиной 30–40 сантиметров⁴¹.

Помимо строительства полевых оборонительных рубежей для обеспечения боевых действий войск в зимних условиях предусматривалось строительство землянок. С этой целью местным органам власти, в том числе и по Чечено-Ингушской АССР, предписывалось по заявкам управлений полевых работ выделить местные строительные материалы: кирпич, паклю, лес, кровельное листовое железо для поделки печей, толь, проволоку, скобы и гвозди⁴².

Работы по созданию укрепленных рубежей шли вполне успешно, и 22 ноября 1941 г. командующий 10-й саперной армией объявил благодарность и выдал премии многим участникам строительства. В приказе отмечались и уроженцы Чечено-Ингушской АССР, например, Л. Бецалаев, А. Бальзаров, Х. Видамов, И. Ждашаев, перевыполнившие норму земляных работ на 300%, А. Авдеев, А. Дебиров, А. Шахтемиров, Р. Касимов, М. Юрченко, Т. Толстомурадов, Н. Межидов, Х. Гиреев, М. Моргун, вы-

⁴⁰ АУПЧР. Ф. 1212. Оп. 3 кс. Д. 686. Л. 113.

⁴¹ *Симарзин В.С.* Героический Грозный. Грозный: Чечено-Ингушский издательский дом, 1968. С. 19–20.

⁴² АУПЧР. Ф. 1212. Оп. 3 кс. Д. 687. Л. 80–81.

полнявшие норму на 180–250%. Некоторым были также вручены почетные грамоты 10-й саперной армии⁴³.

27 декабря 1941 г. ГКО СССР принял постановление № 1068сс «О сокращении строительства оборонительных сооружений». В целях обеспечения рабочей силой и транспортом молотьбы и вывоза хлебов, а также в связи с изменившейся военной обстановкой было принято решение приостановить строительство целого ряда оборонительных рубежей, в том числе в СКВО обводов городов: Грозный, Минеральные Воды, Ворошиловск (Ставрополь), Тихорецк, Краснодар с окончанием к 15 января 1942 г., после чего намечалось освободить мобилизованное местное население и транспорт⁴⁴.

10 января 1942 г. в специальном приказе по 10-й саперной армии отмечалось: «Преодолевая огромные трудности, работая в зимних условиях на открытой местности, трудящиеся Чечено-Ингушской АССР справились с возложенными на них задачами». Сотни мобилизованных в приказах по армии были отмечены почетными грамотами и ценными подарками⁴⁵.

В общей сложности на Северном Кавказе к 25 января 1942 г. было выполнено земляных работ объемом в 12 млн куб. м и 29 тыс. куб. м бетонной и кирпичной кладки, что обеспечило создание переднего края обороны протяженностью 640 км при глубине 92 км. Общая протяженность противотанковых препятствий составила 890 км, было сооружено 2900 огневых точек⁴⁶.

В конце марта 1942 г. в связи со стабилизацией обстановки на южном участке советско-германского фронта 10-я саперная армия была расформирована, а ее бригады переданы в состав 8-й саперной армии. Одновременно было принято Постановление ГКО СССР №1501-сс от 26 марта 1942 г. «О строительстве и восстановлении оборонительных рубежей», в котором Военные Советы военных округов, в том числе Северо-Кавказского, обязывались к 1 апреля принять законченные и приостановленные строительством военные рубежи от ГУОС Наркомата обороны. На Военные Советы

⁴³ Хатуев И.З., Демелханов С.М. Трудовой подвиг народов Чеченской Республики в годы Великой Отечественной войны // Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы и Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в г. Грозный, 18–19 мая 2010 г. Грозный: Академия наук Чеченской Республики, 2010. С. 541–542.

⁴⁴ АУПЧР. Ф. 1212. Оп. 3 кс. Д. 282. Л. 178.

⁴⁵ Ситарзин В.С. Героический Грозный. Грозный: Чечено-Ингушский издательский дом, 1968. С. 20.

⁴⁶ Ибрагимбеили Х.М. Битва за Кавказ. Крах операции «Эдельвейс». М.: Вече, 2012. С. 96.

округов возлагалась ответственность за поддержание в порядке построенных сооружений, препятствий и охрану рубежей от расхищения. Для этого к 15 апреля планировалось создать комендатуры, в том числе по СКВО – 13 комендатур. Первых секретарей обкомов (крайкомов) ВКП(б) и председателей облисполкомов, крайкомов и Совнаркомов республик (в том числе Чечено-Ингушской АССР) обязали через местные органы власти и правления колхозов организовать охрану построенных оборонительных сооружений, оповестив население об ответственности за их разрушение⁴⁷.

Новые массовые мобилизации на возобновившееся строительство оборонительных сооружений в Чечено-Ингушетии начались летом 1942 г. Уже 13 июня 1942 г. Совнарком ЧИ АССР принял постановление «О производстве восстановительных работ по оборонительному рубежу, маскировке огневых точек и противотанковых рвов, сооружении мостов»⁴⁸.

С началом битвы за Кавказ в полосе обороны Северной группы войск Закавказского фронта были образованы Махачкалинский, Грозненский и Орджоникидзевский оборонительные районы. Масштабы строительства оборонительных рубежей в 1942 г., как и количество принимавших в них участие трудармейцев намного превосходили те, что имели место в 1941 г. Только на строительстве оборонительных рубежей непосредственно на подступах к Грозному и внутри города на этот раз принимали участие более 40 тыс. человек⁴⁹, а всего в сфере строительства было мобилизовано 120 тыс. жителей республики в возрасте от 16 до 60 лет. Вокруг Грозного было отрыто два круговых противотанковых рва и подготовлено кольцо обороны внутри города, включая систему баррикад с огневыми точками⁵⁰.

Важное место в оборонительных рубежах занимали огневые заграждения, весьма эффективные как против пехоты, так и танков. В частности, на подступах к Грозному нефтью было залито 28 км противотанковых рвов; пропитано нефтью 9 км соломенного вала; залито нефтью мест возможного прохода танков площадью в 1 млн. кв. м⁵¹.

⁴⁷ АУПЧР. Ф. 1212. Оп. 3 кс. Д. 180. Л. 116–117.

⁴⁸ *Ибрагимов М.М., Хатуев И.З.* Подвиг во имя Родины (Вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Грозный: Грозненский рабочий, 2015. С. 208.

⁴⁹ *Музаев М.Н., Ченчиева М.Х.* Роль города Грозного в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // *Архивный вестник*. 2015. № 2. С. 133.

⁵⁰ *Ибрагимов М.М., Хатуев И.З.* Подвиг во имя Родины... С. 208, 344–345.

⁵¹ *Музаев М.Н., Ченчиева М.Х.* Роль города Грозного в Великой Отечественной войне... С. 134.

Помимо этого в глубине территории Чечено-Ингушетии возводились второй и третий рубежи обороны. Так, среди прочего был отрыт противотанковый ров от равнинного Гудермесского района до горного Веденского района глубиной 3 м и шириной 5–6 м, в сооружении которого принимали участие школьники⁵².

3–4 декабря 1942 г. объединенный пленум Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) и Грозненского горкома партии подвел итоги работы по созданию рубежей обороны вокруг Грозного. Только земли было вынуто 859 тысяч кубометров. Вокруг города воздвигнут противотанковый ров длиной 53 км, проложено 70 км ходов сообщения; на протяжении 4 погонных км открыты эскарпы, возведено 5 км баррикад. Проволочные заграждения протянулись на 16 км, а завалы составили 3 км. Местными жителями было вырыто 1200 различных окопов, установлено более 800 «ежей» и 399 железобетонных колпаков, построено 83 дота и 138 дзотов, пробито 2600 амбразур в городских зданиях⁵³.

В целом, по республике саперные части и строительные батальоны из мобилизованных жителей построили около 100 тыс. сооружений, оборудовали свыше 70 тыс. огневых точек, отрыли 660 км противотанковых рвов, возвели 316 км противотанковых препятствий (надолбы, эскарпы, контрэскарпы, «ежи»), отрыли 1369 км траншей и ходов сообщения. Для выполнения этих работ было затрачено 9 млн 150 тыс. человеко-дней и израсходовано 500 тыс. кубометров леса, 19 тыс. т цемента, 14 тыс. т стали, 800 т колючей проволоки⁵⁴.

В последующем сколько-нибудь масштабного строительства оборонительных рубежей на территории Чечено-Ингушской АССР не проводилось. Однако актуальной оставалась задача скорейшего восстановления нефтяной промышленности, что диктовало потребность в сохранении мобилизационных методов набора и распределения рабочей силы.

На 1944 г. перед нефтяниками Грозного была поставлена задача удвоить добычу нефти и в полтора – два раза увеличить выработку нефтепродуктов⁵⁵. Однако плановые показатели этого года не были достигнуты. План добычи нефти удалось выполнить только на 80,5%, по газу – на 86,6%, по производству авиационных бензинов – на 83,7%, автомобильного бензина – на 91,7%, светлых нефтепродуктов – на 77%. Провалили выполнение

⁵² *Ибрагимов М.М., Хатыев И.З.* Подвиг во имя Родины... С. 346.

⁵³ *Симарзин В.С.* Героический Грозный. Грозный: Чечено-Ингушский издательский дом, 1968. С. 24.

⁵⁴ О Грозном как Городе воинской славы. Обращение и материалы // Архивный вестник. 2015. № 2. С. 136.

⁵⁵ *Федоров В.* Нефтяники – фронту // Грозненский рабочий. 1944. № 1 (6580). С. 2.

годовых заданий также предприятия местной кооперативной промышленности и промышленности строительных материалов. Общий объем недополученной продукции оценивался в 5,2 млн рублей⁵⁶.

При этом в первом квартале 1944 г. грозненская нефтяная промышленность работала лучше, чем в среднем за год. Например, квартальный план добычи нефти удалось выполнить на 93,6%, по газу – на 98,5%, план бурения – на 86,6%. Указанные показатели были достигнуты несмотря на то, что число буровых бригад сократилось с 37 до 30⁵⁷.

Сокращение числа буровых бригад и общее замедление темпов восстановления грозненской нефтяной промышленности стало прямым следствием депортации чеченцев и ингушей. В результате этой акции, например, трест «Октябрьнефть» потерял 65% рабочих. По промыслам Ойсунгур потери в кадрах рабочих профессий составили 70%, и потребность в рабочих разных квалификаций только на этом месторождении составляла 150 человек. Как следствие, ухудшился уход за скважинами, что привело к недобору 14267 т нефти, из которой можно было выработать свыше 5600 т бензина⁵⁸. В целом, за 1944 г. по всем конторам бурения за счет аварий, простоев и ремонта было потеряно 45% рабочего времени, постоянно простаивало 90–95 скважин, общие потери нефти, по неполным данным, составили 90 тыс. т⁵⁹.

Острая нехватка рабочих рук образовалась также в сельском хозяйстве. Так, в 1944 г., по причине нехватки трактористов (827 человек) простаивала значительная часть имевшихся в наличии тракторов. Недостающих трактористов безуспешно пытались мобилизовать в Ставропольском крае⁶⁰. Чтобы как-то покрыть образовавшийся дефицит кадров, ГКО СССР в мае 1944 г. принял решение о переброске на Ойсунгурское месторождение трех буровых бригад из Казахстана. Кроме того, в Ставропольском крае надлежало мобилизовать сверх плана 3000 человек трудармейцев, часть которых намечалось направить в распоряжение Грознефтекомбината⁶¹.

⁵⁶ Зоев С.О. Промышленность Чечено-Ингушской АССР за 50 лет. Грозный: Чечено-Ингушский издательский дом, 1972. С. 47.

⁵⁷ АУПЧР. Ф. 1212. Оп. 3 кс. Ед. хр. 602. Л. 16–17.

⁵⁸ Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Чечня: через круги ада. Войны, переселения, депортации чеченского народа. Грозный: Чеченский Государственный университет, 2017. С. 143.

⁵⁹ Зоев С.О. Промышленность Чечено-Ингушской АССР... С. 47–48.

⁶⁰ АУПЧР. Ф. 1212. Оп. 3 кс. Д. 602. Л. 14, 16.

⁶¹ Там же. Д. 769. Л. 10, 15.

Выводы

Проведение в значительных по объемам трудовых мобилизаций в Чечено-Ингушской АССР было связано в основном с необходимостью осуществления в короткие сроки эвакуации промышленных предприятий, а также со строительством большого комплекса оборонительных рубежей. На масштаб мобилизационных мероприятий существенное влияние оказало и общее снижение числа рабочих рук в республике в результате призыва военнообязанных в ряды Красной Армии.

Особенность ситуации в Чечено-Ингушской АССР заключалась в том, что эвакуация нефтепромышленного комплекса здесь проводилась дважды – осенью 1941 г. и летом–осенью 1942 г. Причем завершение каждой эвакуации сопровождалось новыми мобилизационными мероприятиями с целью обеспечения рабочей силой восстановительных работ. При этом необходимость концентрации квалифицированной рабочей силы на демонтаже или восстановлении предприятий нефтяной промышленности порой становилась причиной серьезных затруднений или даже временной остановки предприятий других отраслей промышленности.

Несмотря на то, что уже первая массовая трудовая мобилизация за пределы ЧИ АССР в сентябре 1941 г. привела к огромным жертвам, сколько-нибудь масштабного уклонения от трудовых мобилизаций в республике не наблюдалось. Трудовые мобилизации затронули все социальные категории населения Чечено-Ингушской АССР, независимо от национальной принадлежности. При этом коренное население предоставляло наибольшую по численности часть неквалифицированной рабочей силы. Влияние трудовых мобилизаций на социальные процессы, протекавшие в республике, а также на общественные настроения, организацию труда и повседневную жизнь населения еще нуждается в дополнительном исследовании.

Сокращение масштабов мобилизационных мероприятий, начиная с 1944 г., только отчасти может быть объяснено отсутствием необходимости в строительстве новых оборонительных рубежей. В наибольшей степени это стало следствием депортации чеченцев и ингушей, которая охватила примерно 500 тыс. человек при общей численности населения Чечено-Ингушской АССР немногим более 700 тыс. В результате впервые за всю войну во вновь образованную Грозненскую область пришлось завозить рабочую силу.

© Осмаев М.К., 2018

Рукопись поступила: 20 июля 2018 г.
Submitted: 20 July 2018

References

- 60 let Checheno-Ingushskoy ASSR. Statisticheskii sbornik* [60 years of the Chechen-Ingush ASSR. Statistical compendium]. Grozny: Chechen-Ingush Book Publ. house, 1982 (in Russian).
- Abdurakhmanov, D.B., and Akhmadov, Y.Z. *Bitva za Chechnyu. "Voyna istoriografii", ili informacionnaya voyna* [Fight for Chechnya. "War of historiographies" or information war]. Grozny: Groznenskiy rabochi Publ., 2015 (in Russian).
- Abzatov, M.A. *Checheno-Ingushskaja ASSR v Velikoy Otechestvennoy voine Sovetskogo Soyuza* [Chechen-Ingush ASSR during the great Patriotic war of the Soviet Union]. Grozny: Chechen-Ingush Book Publ. house, 1973 (in Russian).
- Akhmadov, Y.Z. and Khasmagomadov, E. H. *Istoriya Chechni v XIX–XX vekah* [History of Chechnya, in the 19th – 20th centuries]. Moscow: Pul's Publ., 2005 (in Russian).
- Bezugolny, A.Yu., Bugay, N.F., and Krinko, E.F. *Gorcy Severnogo Kavkaza v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945: Problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya* [Mountaineers of the North Caucasus in the great Patriotic war of 1941–1945: problems of history, historiography and source studies]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2012 (in Russian).
- Bugaev, A.M. *Groznenskiy gorodskoy komitet oborony. Dokumenty i materialy* [The Grozny municipal Committee of defense. Documents and materials]. Grozny: Groznenskiy rabochiy Publ., 2015 (in Russian).
- Bugay, N.F. *Repressirovannyye narody Rossii: chechency i ingushi. Dokumenty, fakty, komentarii* [Repressed peoples of Russia: Chechens and Ingush. Documents, facts, comments]. Moscow: Kal' Publ., 1994 (in Russian).
- Chokayev, K.Z. "O voynah, o voennom vremeni." [About wars, about wartime] In *Narody Chechenskoy Respubliki v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 godov: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoy 65-letiyu Pobedy i Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. v g. Grozny, 18–19 maya 2010 g.* Grozny: Academy of Sciences of the Czech Republic Publ., 2010 (in Russian).
- Ediev, D.M. *Demograficheskie poteri deportirovannykh narodov SSSR* [Demographic losses of the deported peoples of the USSR]. Stavropol: AGRUS Publ., 2003 (in Russian).
- Fedorov, V. "Neftyanniki – frontu". [Oil workers – for front] *Groznenskiy rabochiy*: 1 January, 1944 (in Russian).
- Filkin, V.I. *Checheno-Ingushskaya partiynaya organizaciya v gody Velikoy Otechestvennoy voiny Sovetskogo Soyuza* [The Chechen-Ingush party organization during the Great Patriotic war of the Soviet Union]. Grozny: Chechen-Ingush Book Publ. house, 1960 (in Russian).
- . *Istoriya industrializacii Severnogo Kavkaza (1933–1941 gg.): Dokumenty i materialy* [History of industrialization of the North Caucasus (1933–1941): Documents and materials]. Grozny: [S.n.], 1973 (in Russian).
- Gakaev, H.A. "Chechency v bojah protiv nemecko-fashistskih zahvatnikov." [Chechens in battles against Nazi invaders] In *Chechency: istoriya i sovremennost'* [Chechens: history and modernity]. Moscow: Mir domu tvoemu, 1996 (in Russian).

- *V gody surovyyh ispytaniy* [In the years of severe hardships]. Grozny: Chechen-Ingush Book Publ. house, 1988 (in Russian).
- Goncharov, G.A. “Trudovaya mobilizatsiya sovetskih grazhdan v gody Velikoy Otechestvennoy vojny (1941–1945 gg.)” [Labor mobilization of Soviet citizens during the great Patriotic war (1941–1945)] *Bulletin of Omsk state University*, no. 6 (2006): 183–186 (in Russian).
- Ibragimiv, Musa M., and Hatuev, I.Z. *Chechenskaya Respublika v period Velikoy Otechestvennoy vojny* [Chechen Republic in the period of the great Patriotic war]. Nalchik: El'-FA Publ., 2007 (in Russian).
- Ibragimiv, Musa M. “Istoriya Chechni XX i nachala XXI vekov.” [History of Chechnya in 20th and early 21st centuries] Vol. 2 of *Istoriya Chechni s drevneyshih vremen do nashih dney* [History of Chechnya from ancient times to the present day]. Grozny: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2008 (in Russian).
- , and Hatuev, I.Z. *Podvig vo imya Rodiny (Vklad chechenskogo naroda v pobedu nad fashizmom v gody Velikoy Otechestvennoy vojny 1941–1945 gg.)* [Feat for the Motherland. (Contribution of the Chechen people to the victory over fascism during the great Patriotic war of 1941–1945)]. Grozny: Groznenskiy rabochiy Publ., 2015 (in Russian).
- , and Ibragimov, Movsur. *Chechnya: cherez krugi ada. Voyny, pereseleniya, deportatsii chechenskogo naroda* [Chechnya: through the circles of hell. War, resettlement, deportation of the Chechen people]. Grozny: Chechen State University Publ., 2017 (in Russian).
- Ibrahimbayli, H.M. *Bitva za Kavkaz. Krah operatsii “Yedel'veys”* [Battle for the Caucasus. The collapse of the operation “Edelweiss”]. Moscow: Veche Publ., 2012 (in Russian).
- Khatuev, I.Z., and Demelhanov, S. M. “Trudovoy podvig narodov Chechenskoj Respubliki v gody Velikoy Otechestvennoy vojny.” [Labor feat of the peoples of the Chechen Republic during the Great Patriotic war] In *Narody Chechenskoj Respubliki v Velikoy Otechestvennoy vojne 1941–1945 godov: Materialy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoy 65-letiyu Pobedy i Velikoy Otechestvennoy vojne 1941–1945 gg. v g. Grozny, 18–19 maya 2010 g.* Grozny: Academy of Sciences of the Czech Republic Publ., 2010 (in Russian).
- KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s'ezdov, konferencij i plenumov CK* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee], 283–284. Vol. 7. Moscow: Politizdat Publ., 1985, in Russian).
- Larina, Z. “Timurovtsy.” [Young volunteers] *Groznenskiy rabochiy*, August 8, 1941 (in Russian).
- Muzayev, M.N. “Igra ‘vtemnuyu’ s pravovymi ocenkami i istoriografiej.” [The game in “blind” with the legal evaluations and historiography of the merged newspaper] *Ob'edinennaya gazeta*: March 3, 2004 (in Russian).
- , and Concieve, M.H. “Rol' goroda Groznogo v Velikoy Otechestvennoy vojne 1941–1945 godov.” [The Role of the city of Grozny in the Great Patriotic war of 1941–1945] *Arhivnyy vestnik*, no 2 (2015): 13–13 (in Russian).

- “O Groznom kak Gorode voinskoy slavy. Obrashhenie i materialy.” [About Grozny as a city of military glory. Appeal and materials] *Arhivnyy vestnik*, no 2 (2015): 136–138 (in Russian).
- Osnovnye sobytiya voyny* [The main events of the war]. Vol. 1 of *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov* [Great Patriotic war of 1941–1945], 12 vols. Moscow: Voenizdat Publ., 2011 (in Russian).
- Petrovskiy, I. *Pochemu Gitler proigral vojnu? Nemeckiy vzglyad* [Why did Hitler lose the war? German view]. Moscow: EKSMO Publ., 2009 (in Russian).
- Pyhalov, I. *Za chto Stalin vyselyal narody? Stalinskie deportacii – prestupny proizvol ili spravedlivoe vozmezdie?* [For what Stalin evicted people? Stalin’s deportations – criminal outrage or retribution?]. Moscow: Yauza-press Publ., 2008 (in Russian).
- Selyunin, V.A., and Selyunina, N.V. “Protivorechiya razvitiya neftyanoy promyshlennosti Checheno-Ingushetii (1941–1942 gg.)” [The contradictions of the development of the oil industry of the Chechen-Ingush Republic (1941–1942)] In *Narody Chechenskoj Respubliki v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 godov: Materialy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoy 65-letiyu Pobedy i Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. v g. Groznyy, 18-19 maiya 2010 g.* Grozny: Academy of Sciences of the Czech Republic Publ., 2010 (in Russian).
- Simarzin, V.S. *Geroicheskiy Groznyy* [Heroic Grozny]. Grozny: Chechen-Ingush Book Publ. house, 1968 (in Russian).
- Sulumov, Z.H. *The Formation and development of the oil industry of Chechnya (90-ies of the XIX century – the beginning of 90-ies of the 20th centuries)*. PhD diss., Astrakhan state university, 2017 (in Russian).
- “Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ‘O voennom polozhenii’.” [The decree of Presidium of the Supreme Council of the USSR ‘About martial law’] *Groznenskiy rabochiy*, June 23, 1941 (in Russian).
- “Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ‘O poryadke raboty rabochikh i sluzhashchikh v voennoe vremya’.” [The decree of Presidium of the Supreme Council of the USSR ‘About the mode of working hours of workers and employees in wartime’] *Groznenskiy rabochiy*, June 27, 1941, 1 (in Russian).
- Vtoraya mirovaya vojna. Den’ za dnem* [Second world war. Day after day]. Moscow: Siberian Barber Publ., 2005. (in Russian).
- Zaurbekova, G.V. “Osnovnye tendencii izmeneniya social’no-klassovogo sostava naseleniya Checheno-Ingushskoj ASSR za gody sovetsoj vlasti.” [The main tendencies of change of social-class structure of the population of Chechen-Ingush ASSR for years of the Soviet power] In *Ehtnosocial’nye i kul’turno-bytovye processy v Checheno-Ingushetii* [Ethnosocial and cultural and community processes in Chechen-Ingushetia]. Grozny: [S.n.], 1986 (in Russian).
- Zoev, S.O. *Promyshlennost’ Checheno-Ingushskoy ASSR za 50 let* [Industry of the Chechen-Ingush ASSR in 50 years]. Grozny: Chechen-Ingush Book Publ. house, 1972 (in Russian).

Labour mobilisation in the Chechen-Ingush ASSR during the Great Patriotic War

Movla K. Osmaev

Chechen State University

32 Sheripov St, Grozny, Chechen Republic, 364093, Russia

osmaev.movla@yandex.ru

Abstract: The labour mobilisation in Checheno-Ingushetia during the Great Patriotic War is connected to the evacuation of the industrial enterprises from the republic and their subsequent restoration, as well as to the establishment of a complex system of defensive lines. The article elaborates the essential characteristics of the mobilisation measures, their general patterns as well as their specific local features. The study is based on archival documents of the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI) concerning the history of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War, mostly obtained from the electronic database of the Archives Department of the Government of the Chechen Republic (AHRC); equally used were materials from the periodical press of Checheno-Ingushetia from the period under consideration. Labour mobilisation was important for making the most effective use of the available human resources to carry out the work that the state prioritized. The dismantling of industrial enterprises for evacuation to places removed from the front line was carried out twice – in the autumn of 1941 and in the summer and autumn of 1942. Each evacuation campaign was accompanied by new mobilisation measures to provide workforce for the reassembling of the industrial plants. The need to concentrate skilled labour in the dismantling and restoration of the oil industry caused serious difficulties in other, related industries. The most massive labour mobilisations were carried out to provide for the construction of defensive lines; in the autumn and winter of 1942, the majority of the able-bodied population of the republic was involved in this program. At the same time, labourers from Checheno-Ingushetia also worked outside the republic. The war-related labour mobilisation affected all social categories of the population, regardless of their nationality; the indigenous population, however, provided the largest part of the unskilled labour. There is no evidence of any mass movement of evading labour mobilization in the Chechen-Ingush ASSR. In 1944, the mobilisation measures were reduced significantly, which must be attributed to the deportation of the Chechens and Ingushs; the loss of about 500.000 deported people made it necessary to bring labour force from outside to the newly formed Grozny region.

Keywords: Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic, Great Patriotic War, labour mobilisation, labour army, construction of defensive lines

For citation: Osmaev, Movla K. “Labour mobilisation in the Chechen-Ingush ASSR during the Great Patriotic War.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 4 (2018): 812–833. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-812-833>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-834-862>

Научная статья / Research Article

Цивилизационная роль русского народа в развитии регионов Юга России через призму этнодемографической динамики

В.Э. Багдасарян^а, С.И. Реснянский^б

^а Московский государственный областной университет
105005, Россия, Москва, ул. Радио, 10а
vardanb@mail.ru

^б Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
s-r44@yandex.ru

Аннотация: В представленной статье на историческом интервале в триста лет прослеживается доля представительства русского этноса в этнодемографической структуре населения юга России. Проводится соотношение удельного веса русских и представителей титульных народов соответствующих административных единиц по историческим периодам. Географические рамки исследования охватывают регион Северного Кавказа и ряда пограничных с ним территорий в соответствии с изменяемым исторически административным делением России. Источниковой базой работы послужили материалы ревизий, переписей населения в Российской империи (1897 г.), СССР (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Российской Федерации (2002, 2010 гг.). Методологическим основанием исследования явилось соотнесение теории цивилизационного подхода с эмпирикой этнодемографических процессов. Согласно выдвигаемой авторской гипотезе цивилизационные подъемы и упадки коррелируют с векторами миграционной динамики цивилизационнообразующего народа, освоения им этнической периферии. Доля русского народа как цивилизационнообразующего рассматривается в статье в качестве индикатора включенности исследуемого региона в российскую цивилизационную систему. Прослеживается соотносимый с нисходящей фазой советского проекта тренд сокращения удельного веса представителей русского этноса в национально-административных образованиях региона. Авторы приходят к важному выводу о необходимости дальнейшего укрепления российской государственности в связи с тем, что Россия веками развивалась как многонациональное государство – как государство-цивилизация, в центре которой находился русский народ, который всех объединяет.

Ключевые слова: русские, титульные нации, Северный Кавказ; этнодемография, переписи населения; цивилизационный подход; цивилизационнообразующий народ, миграции, этническая структура населения

Для цитирования: Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Цивилизационная роль русского народа в развитии регионов Юга России через призму этнодемографической динамики // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2018. Том 17. № 3. С. 834–862. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-834-862>

Введение

Каждое из исторически существовавших государств имело свое социальное ядро, вокруг которого осуществлялось соответствующее государствостроительство. Это ядро могло иметь этническое, религиозное, идеологическое выражение, а иногда и их сочетание. Речь идет, по сути, о государствообразующем народе, при использовании данной категории не в правовом отношении, что, безусловно, означало бы дискриминацию по национальному признаку, а в отношении исторической роли в генезисе государственных и цивилизационных систем. Применительно к России такую государствообразующую и цивилизационнообразующую роль играл русский народ. Исходя из понимания этой его роли, целесообразно проследить историческую динамику его представленности на имперской национальной периферии. Будучи народом государствообразующим, он должен был бы выступать субъектом государствостроительства в том числе на национальных окраинах¹.

Демографическим индикатором в данном случае выступают долевыми показатели представителей в регионе русского этноса и этноса, позиционируемого в качестве титульного. Доля русского этноса косвенно свидетельствовала о включенности соответствующего региона в государственническую орбиту. Социальной стороной представленности русского народа в конкретно-исторических условиях девятнадцатого – двадцатого веков являлось также распространение квалификационных потенциалов индустриального уклада, а, соответственно, по нему можно было косвенно судить о потенциалах технологического развития региона. Приближение к абсолютным показателям этнической гомогенизации региона, напротив, указывало на его слабую интегрированность в соответствующую государственную и цивилизационную общность. Напротив, высокие показатели внутренней миграции косвенно свидетельствовали о высокой степени включенности региона в общегосударственные процессы.

Для верификации выдвигаемых положений был взят ряд регионов юга России, определяемых на настоящее время в качестве национальных республик и входящих в состав двух федеральных округов – Южного и Северо-Кавказского. Географически это Северный Кавказ и граничащая с

¹ *Троицкий Е.С.* Русская этнополитология: В 3 т. М.: Граница, 2003.

ним Прикаспийская низменность – зона расселения калмыков. В рамках рассмотрения оказываются также зона кавказского фронта, служащая плацдармом русской колонизации Кавказа и охватывающая современные территории Краснодарского и Ставропольского краев, в несколько меньшей степени – Ростовской и Астраханской областей.

Основной источниковой базой исследования послужили материалы статистической обработки ревизий Российской империи² и материалы переписей населения (1897, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг.)³. Хронологические рамки рассматриваемого исторического времени охватывают, таким образом, более трех столетий отечественной истории, что позволяет выявить мегавременные тренды развития российской цивилизационной общности. Через данные демографической статистики прослеживаются векторные инверсии государственной политики Российской империи, СССР, Российской Федерации в национальном вопросе (и, в частности, степени ориентированности на фактор русской этнической идентичности). Вместе с тем оценивается степень комплиментарности к аллохтонному населению титульных автохтонных этносов Юга России, и, соответственно, преобладание в разные исторические периоды векторов центробежных и центростремительных сил.

Русские анклавно проживают на Северном Кавказе с шестнадцатого столетия, а с начала девятнадцатого века являются крупнейшим северокавказским этносом. Однако, как правило, при этнографических и этноисторических характеристиках региона русские среди укорененных северокав-

² Кабузан В.М. *Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.* М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам Российской Империи кроме губерний Европейской России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php; Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php; Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php

казских народов не упоминаются, что формирует стереотип восприятия их через призму образа «чужака», а это, в свою очередь, закладывает политические последствия отношения к ним, проявленные, в частности, на волне сепаратизма в 1990-е годы.

Развитие историографии проблемы

Первые системные исследования в России по этноистории Северного Кавказа и отношения русских с другими северокавказскими народами предпринимаются с девятнадцатого столетия. Одним из первых в череде исследователей был Н.Я. Данилевский – будущий автор теории культурно-исторических типов. Включение им кавказского региона в орбиту русского культурно-исторического типа и рассмотрение отношений на Кавказе через призму противоборства России с другими культурно-историческими общностями (в категориальном аппарате С. Хантингтона – «цивилизационной войны») задавало матрицу проблем, актуализируемых в представляемом нами исследовании⁴. В целом в историографии Российской империи по Северному Кавказу доминировала военная компонента – русско-турецкие войны, русско-иранские войны, Крымская война, Кавказская война, определявшая контекст в восприятии этнических отношений. В зависимости от позиции, занимаемой тем или иным этносом в этих войнах, народы Кавказа делились военными историками на «своих» и «чужих». Русские при таком нарративе оказывались стороной конфликта, что создавало определенные препятствия в их позиционировании в качестве интеграционного ядра для всего многоэтнического российского сообщества⁵.

Советская историография в период доминанции школы М.Н. Покровского в освещении национального вопроса в истории была, как известно, акцентирована на критике «империалистичности» и «колониаторской политики» Российской империи⁶. Русский народ представал в качестве

⁴ *Данилевский Н.Я.* Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении: с объяснением истории, религии, языка, облика, одежды, строений, воспитания, правления, законов, коренных обычаев, нравов, образа жизни, пищи, образования и торговли хищных горцев Кавказа. М.: Университетская типография, 1846.

⁵ *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-походная типография Главного штаба, 1860; *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Типография Департамента уделов, 1871; *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). В 2-х частях. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1879; *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5 т. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1887–1890; *Покоренный Кавказ: Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа.* Издание А.А. Каспари. СПб.: Родина, 1904; *Ковалевский П.И.* Кавказ. История завоевания Кавказа. СПб., 1915. Т. 2.

⁶ *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.: Красная новь, 1924; *Авторханов А.* К основным вопросам истории Чечни. Грозный:

реакционной силы царизма на Кавказе. Позитивно оценивалось сопротивление с Россией движения горцев под руководством Шамиля. В целом русская тема коннотировала с негативной атрибуцией, выражающей несвободу, стремление к внешним захватам, лень и т.п.

Произошедший с середины 1930-х гг. идеологический поворот состоял в реабилитации русского фактора государственностроительства в дореволюционной России. Русская колонизация Кавказа теперь трактовалась как позитивный цивилизаторский процесс. Подчеркивалась освободительная миссия России и защита ей малых народов от угроз физического истребления и культурного репрессинга со стороны более сильных государств. Движение Шамиля переосмысливалось теперь в негативном ракурсе как осуществляемая под прикрытием религии форма классового порабощения, сепаратизм, поддерживаемый и используемый в своих целях геополитическими врагами России. Предпринимаются попытки подвода некоторых исторических оснований под депортационные меры в отношении ряда народов Северного Кавказа и калмыков⁷.

Десталинизация выразилась в историографии национального вопроса в регионе, с одной стороны, в реабилитации прошлого депортированных народов, формировании этноисторических нарративов, с другой, в нивелировке русского фактора, акцентированного в период сталинского идеологического поворота. В последующее время был установлен условный идеологический компромисс, суть которого состояла в том, что, с одной стороны, признавалось позитивное значение русского фактора исторической интеграции России/СССР, что соотносилось с идеологемами «старшего брата» и «добровольности» вхождения народов в империю, с другой, в осуждении политики русификации в регионах. На практике это привело к тому, что способная продуцировать те или иные конфликтные выводы – либо о русификации, либо об этнизации – тема изменения этнодемографической структуры национальных республик хотя и эмпирически прорабатывалась, но не выводилась на концептуальные обобщения и тренды.

Серло, 1930; *Кокиев Г.* Военно-колониционная политика царизма на Северном Кавказе // *Революция и горец.* 1929. № 4. С. 30–35; № 5. С. 33–38.

⁷ *Кобрин В. Б.* Под прессом идеологии // *Известия АН СССР.* 1990. № 12. С. 25–40; *Багиров М. Д.* К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // *Большевик.* 1950. № 13. С. 22–31; *Бушуев С.К.* Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-е – 70-е годы XIX века). М.: МГУ, 1955; *Фадеев А.В.* Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX столетии // *Вопросы истории.* 1951. № 9. С. 76–96; Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов / Под редакцией Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси: Госиздат Грузинской ССР, 1953; *Смирнов Н.А.* Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // *Вопросы истории.* 1950. № 10. С. 19–39.

Масштабным проектом явилось издание в советское время «Очерков истории» национальных регионов в составе СССР⁸. Но истории регионов могли бы работать на государственное единство в случае наличия зонтика теории их единства цивилизационного и, соответственно, акцентированности значения цивилизационнообразующей силы, без чего они при ослаблении Центра потенциально превращались в фактор дезинтеграции. Доминировавший классовый подход без необходимой и в принципе возможной его модернизации таких теоретических оснований не предоставлял. При ослаблении с конца 1980-х гг. государственных скреп и преобладании вектора центробежности созданный в прежние десятилетия этноисторический нарратив оказывается знаменем сепаратизма. Состояние идеологической неопределенности в позднесоветской историографии иллюстрирует освещение Кавказской войны, по которой единая позиция в оценках движения горцев так и не была выработана (версии интерпретации – национально-освободительная война или сепаратизм и классовое угнетение), что в целом для исторической науки в СССР не было характерно⁹.

Распад Советского Союза и продуцируемые им сценарии распада России были сопряжены с кампанией воинствующей русофобии, адресно направленной против русских как опоры разрушаемой империи. В исторической проекции активно осуждается колонизаторская политика царизма и в еще большей степени большевизма, созданная будто бы в рамках империи, как царской, так и советской, система национального угнетения. В фокусе внимания применительно к рассматриваемому региону оказывается трагедия сталинских депортаций. В целом в отношении русских, представляющих большинство северокавказского населения, применяется в радикальной сепаратистской версии образ «оккупанта» (ярким приме-

⁸ Очерки истории Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. Т. 2; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1967; Очерки истории Советской Кабардино-Балкарии. М.: Госполитиздат, 1958; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1967–1972. 1967. Т. 1; 1972. Т. 2; Очерки истории Калмыцкой АССР. М.: Наука, 1967. Т. 1; Там же. 1970. Т. 2.

⁹ Янова М.В. История Калмыкии: проблемы историографии конца XVIII – начала XXI вв. М.: РУДН, 2013; Гриценко Н.П. Истоки дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1962; Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата: Наука, 1975; Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М.: МГУ, 1984; Боков Ф.П. По поводу концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России: Теоретико-методологический аспект / Ф.П. Боков. Грозный: Чеч.-Инг. издат.-полиграф. объединение «Книга», 1990.

ром являются в этом отношении интернет-публикации «Кавказ-центра»), в умеренной – пришлого этнического компонента, не имеющего исторического права в той же мере представлять регион, как коренные титульные народы¹⁰. Этот дискурс соотносился с оттоком русскоязычных граждан из управленческих и считающихся элитными должностей в национальных республиках. Вместе с русскими в подобном положении оказывались и представители других национальностей, не относимых к титульным нациям и являющихся объективно, как и русские, помехой для попыток со стороны части национальных элит выстраивания модели этнократии¹¹.

Как реакция на происходящие этнополитические процессы явилось появление ряда публикаций, указывающих на отсутствие субъектности русского народа в выстроенной в РФ, а ранее в СССР, национально-территориальной модели федерализма, на необходимость защиты русской идентичности как фактора сохранения единства России¹². Публикации этой направленности были встречены в штыки либеральной общественностью и частью этнократически ориентированных групп в национальных республиках, яркой иллюстрацией чему служит широкая информационная кампания вокруг учебника А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова («дело историков № 2») с обвинением авторов в русском шовинизме, разжигании ксенофобии, клевете на отдельные народы¹³.

Принципиальное значение для легитимизации русской идентичности как фактора государственностроительства и цивилизационностроительства России имела предвыборная статья 2012 г. В.В. Путина «Россия: национальный вопрос», в которой он как кандидат в президенты вопреки прежним политическим установкам заявлял: «Русский народ является государствообразующим – по факту существования России»¹⁴. В конце 2012 г. в Послании Федеральному Собранию В.В. Путин уже в статусе главы государства продолжает поднятую тему, определив Россию как государство-цивилизацию, скрепленную русским народом, русским язы-

¹⁰ «Кавказ-центр» признали экстремистским. URL: <http://www.interfax.ru/russia/207544>

¹¹ *Сухоплещенко К.Ю.* Этнократии на Северном Кавказе: институционализация и легитимация. Ростов-на-Дону: Юж. федер. ун-т, 2010; Русские «второго сорта». URL: <https://www.kp.ru/daily/23611/46725/>; *Коц А., Стешин Д.* Вернутся ли русские на Кавказ? URL: <https://www.kp.ru/daily/23718/53778/>

¹² *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М.: Вече, 2013; *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в современном мире. Издательство: Алгоритм, 2009.

¹³ *Барсенков А.С., Вдовин А.И.* История России. 1917–2009. М.: Аспект Пресс, 2010; Преподавание истории в России и политика. Материалы круглого стола. М.: Научный эксперт, 2010.

¹⁴ *Путин В.В.* Россия: Национальный вопрос. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

ком и русской культурой¹⁵. После этих слов, как минимум, сама постановка вопроса на академическом уровне о государствообразующей роли русского народа в ее региональном преломлении, в том числе по отношению к Северному Кавказу, оказалась в принципе возможна. Принятие предложенного Президентом подхода означает вместе с тем для исторической науки необходимость раскрытия категории «государство-цивилизация» в развертке отечественной истории и определения русского фактора в качестве осевой основы российского цивилизационного строительства. Развитие методологии цивилизационного позволяет, в частности, проследить преломление модели «государства-цивилизации» и ее спецификации в отношении к такому полиэтничному региону, каковым является Северный Кавказ.

Важный инструментарий для раскрытия фактора национальной идентичности в цивилизационном строительстве предоставляет развитие методологии и расширение эмпирической базы исторической демографии. Особое значение в историографии этнодинамики в отечественной истории имеют труды В.М. Кабузана, введшего в широкий оборот материалы ревизий, проводимых в Российской империи в XVIII–XIX вв. Серия его работ, с опорой на широкую статистическую базу, позволила реконструировать динамику изменений этнической структуры населения по ряду регионов России¹⁶. Большой вклад в проработку материалов переписей населения, включая вопрос национальной идентификации, внес Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии, возглавляемый Ю.А. Поляковым и В.Б. Жиромской¹⁷.

В междисциплинарном комплексном исследовании «Государственная политика вывода России из демографического кризиса», проведенном Цен-

¹⁵ Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>

¹⁶ Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990; Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992; Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках: Этностатистическое исследование. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1996; Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1996; Кабузан В.М. Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX – XX вв. (1795–2000 гг.). М.: ИРИ РАН, 2009.

¹⁷ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись 1937 года. М.: Наука, 1996; Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012; Население России в XX веке. Исторические очерки. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 1900–1939 гг.

тром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (научный руководитель – В.И. Якунин), были приведены развернутые доказательства значения фактора национальной идентичности большинства населения (в российском случае – русского народа) для развития потенциалов соответствующего сообщества в целом. Обнаруживалась на основе проведенного историко-математического анализа корреляция между состоянием русской идентичности и жизнеспособностью России¹⁸. Посредством привлечения статистического материала обращалось внимание на феноменологию «демографического выдавливания» русского населения с национальных окраин. В продолжении раскрытия данной темы в работах В.Э. Багдасаряна был представлен общий тренд этнизации бывших республик СССР, достигаемый в различной степени радикальности через вытеснения русскоязычных, нивелировки русской идентичности и демографического сокращения русских. Данные трендовые установки осмысливались не только в качестве политических последствий распада СССР, но и цивилизационного кризиса¹⁹.

Гипотеза исследования

Представленный анализ ориентирован в теоретическом плане на развитие методологии цивилизационного подхода, сочетаемого с методологией мир-системного анализа²⁰. Каждая из цивилизаций, как и любая социальная система, имеет свой центр (или ядро, ось) и периферию. Какая-то группа населения, чаще всего тот или иной народ, берет на себя в соответствующей цивилизации осевые функции. Цивилизационнообразующий или осевой народ ведет за собой, в соответствии с выдвинутым им проектом, цивилизационную периферию, как правило, представленную иными народами, входящими в систему единой цивилизации. Цивилизации за единичными исключениями этнически гетерогенны, и отношения цивилизационнообразующего народа с народами цивилизационной периферии являются ключевыми. Когда цивилизационнообразующий народ увеличивает свой удельный вес, в этнической структуре цивилизационной

¹⁸ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. М.: ЗАО Издательство «Экономика», Научный эксперт, 2007.

¹⁹ Багдасарян В.Э. Русскоязычное население стран ближнего зарубежья: демографическое выдавливание через призму постимперского транзита // Политические процессы на постсоветском пространстве. Материалы IV международной конференции. М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 23–46; *Он же*. Русскоязычная диаспора стран ближнего зарубежья в постсоветский период: историко-демографические процессы // Политика и Общество. 2015. № 10. С. 1363–1374.

²⁰ Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Весь мир, 2007.

периферии фиксируется фаза исторического подъема цивилизации. Колонизация им окраин является отражением преобладания центробежных сил и расширения цивилизационного ареала. Возможность колонизации связывается с легитимизацией в восприятии этносов окраин цивилизационнообразующего народа в его праве на выдвижение цивилизационного проекта. Кризис цивилизации оказывается сопряжен с обратным оттоком цивилизационнообразующего народа, его отнесением из регионов этнической периферии. Его удельный вес на окраинах снижается, а сами окраины выпадают из орбиты соответствующего цивилизационного ареала. Сам же цивилизационнообразующий народ утрачивает легитимность и, как следствие, оказывается периферийной ксенофобии. Такие кризисы могут привести к цивилизационной смерти, отпадению отдельных регионов от единой прежде цивилизации или смене цивилизационнообразующей силы.

Сопряженность фаз цивилизационного подъема и цивилизационного упадка с векторами миграционной динамики цивилизационнообразующего народа «центр – периферия» и «периферия – центр» четко прослеживается на основании демографической статистики в истории России. На стадиях подъема русский народ расширял свой удельный вес в национальных регионах, а на стадиях кризиса, под которым понимается государственное и геополитическое обрушение (то есть когда государство институционально и территориально минимизирует потенциалы своего существования), его удельный вес сокращался. Достижимая за счет внутренней миграции не только русских, но и украинцев, белорусов, армян, немцев и др. полиэтнизация национального региона усиливала его цивилизационную ориентированность и, напротив, этническая гомогенизация объективно увеличивала сепаратистские устремления. Все это в полной мере и, вероятно, наиболее ярко обнаруживается применительно к рассматриваемому региону.

Этнодемографические процессы в регионе периода Российской империи

За период существования Российской империи удельный вес русского населения на Северном Кавказе устойчиво возрастал. Долевой рост за двести лет выражался изменением от исходного положения по I ревизии 1719 года в 0,7% до 46,9% по данным статистики за 1916–1917 гг. Такие трансформации этнодемографической структуры населения изменили Северный Кавказ цивилизационно²¹.

²¹ Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719–1917) // Советская этнография. 1980. № 6. С. 24–34; *Они же*. Динамика численности и расселения русского этноса (1678–1917) // Советская этнография. 1982. № 4. С. 9–25.

В восемнадцатом столетии возрастание удельного веса российского населения происходило достаточно медленно, не будучи обеспечено соответствующим военно-территориальным продвижением. К IV ревизии, проводимой в 1782 году, доля русских на Северном Кавказе возросла всего до 2,5%. Активная внешняя политика Екатерины II на южном направлении стала катализатором роста русской миграции. Уже к V ревизии 1795 года удельный вес русских в регионе возрос до 6,9%. Уже тогда, учитывая множественность северокавказских народов при их сравнительно малой численности, русские оказались одной из самых крупных этнических общностей на Северном Кавказе.

Переломным временем в русском заселении Северного Кавказа явилось девятнадцатое столетие. Кавказская война не привела к оттоку русского населения, как это случится в результате Чеченской войны, с которой проводятся часто параллели. Напротив, к VIII переписи доля русских возрастает почти вдвое, достигнув 13,2%. К окончанию Кавказской войны по XX ревизии 1858 года русские составляют уже 16,9% населения Северного Кавказа. Прекращение военных действий превращают Северный Кавказ в одно из самых привлекательных регионов для миграционного переселения среди русского народа. Русская идентичность на Северном Кавказе к концу девятнадцатого столетия оказывается безусловно доминирующей. По переписи 1897 года русские составляли 42,5% северокавказского населения, установив при том комплиментарные отношения с другими народами региона. Удельный вес русских на Северном Кавказе к 1917 году в 46,9% был даже выше, чем по империи в целом – 44,6%.

Северный Кавказ являлся в Российской империи вторым, после Новороссии, из основных направлений русских переселений. Численность переселенцев на Кавказ превосходила переселенческие контингенты в другие регионы-реципиенты – Сибирь, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье. При том, что в современных образах истории русской колонизации гораздо большее внимание уделяется сибирскому направлению, тогда как миграция на Кавказ оказывается в основном вне поля внимания. Помимо миграционного прироста рост русского населения обуславливался более низкой смертностью и более высокими показателями рождаемости. Более низкая смертность связывалась с распространением современной культуры здравоохранения и медицинских знаний. По уровню репродуктивной ориентации тогдашнее русское православное население превосходило население мусульманское, что диссонирует современным стереотипам в сфере этнодемографии²².

²² Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913): Статистические очерки. М.: Государственное статистическое издательство, 1956; Исупов В.А. Демографические

Посмотрим на доленое соотношение русских и автохтонных народов по административным единицам Российской империи по переписи 1897 г.²³. Сравнительно небольшой являлась доля русского народа только в Дагестанской области – 2,3%. Первые позиции занимали аварцы – 27,8% и даргинцы – 21,3%. Превышали удельный вес русского народа и другие автохтонные народы Дагестана – лезгины, лакцы, кумыки. По всем другим административным образованиям русские заметно преобладали.

По Терской области их численность была сопоставима с численностью чеченцев, но все же к 1897 году оказывалась выше – 29% против 23,9%. На следующих позициях находились осетины – 10,3%, кабардинцы – 9,0%, ингуши – 5,1%.

В Астраханской губернии, границы которой существенно превышали границы современной Астраханской области и включавшей часть территории расселения калмыцкого и казахского населения, русские все равно доминировали, составляя 40,8%. Значительной, но существенно меньшей, являлась доля казахов – 25%. Следующими по численности в Астраханской губернии шли калмыки – 13,8%, малороссы – 13,3%, татары – 5,3%.

По другим регионам – Кубанской области, Ставропольской губернии, Черноморской губернии, Области войска Донского – условным конкурентом русских в структуре местного населения являлись малороссы. В Кубанской области они даже несколько преобладали над русскими – 47,4% против 42,6%. Высока была их доля в Ставропольской губернии – 36,6% против 55,2% у русских и в Области войска Донского – 28,1% против 66,8%. В Черноморской губернии, наряду с русскими – 42,6%, малороссами – 16,1%, имели значительное представительство также армяне – 10,9% и греки – 10,3% (табл. 1).

Было бы при этом принципиально неверно противопоставлять русскую и малоросскую миграцию на Северный Кавказ. Русские и малороссы выступали в данном случае единой культурно-исторической общностью, связанной православной культурой, представлявшей единый уровень образования и квалификации. Но фиксация направленности миграционных потоков с Малороссии (Украины) именно в сторону Кавказа имеет важное значение для реконструкции основных потоков внутренней миграции в Российской империи.

катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в.: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.

²³ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам Российской Империи кроме губерний Европейской России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php

Таблица 1 / Table 1

Доля русского народа в структуре населения ряда административных единиц юга Российской империи по переписи 1897 г. / The share of the Russian people in the structure of the population of a number of administrative units of the south of the Russian Empire according to the census of 1897

Административная единица	%
Астраханская губерния	40,8
Дагестанская область	2,3
Кубанская область	42,6
Область войска Донского	66,8
Саратовская губерния	87,1
Ставропольская губерния	55,2
Терская область	29,0
Черноморская губерния	42,9

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам Российской Империи кроме губерний Европейской России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php

Этнодемографические процессы в регионе по переписи 1926 г.

Революция и Гражданская война явились, безусловно, одним из исторических кризисов российской цивилизации. Единое государство распадается и затем собирается снова уже на иной проектной основе. Русский народ сохраняет свою роль в качестве основной силы цивилизационного строительства, но позиционируясь уже не в связи с православием, а в качестве носителя пролетарского сознания, имея в виду географическую распространённость индустриального сектора экономики. Вместе с тем как опора прежней царской империи русский народ подвергается дискредитации в новой массовой пропаганде и левой культуре. Русская национальная идентичность лишается предпочтительности в случаях двойной самоидентификации. Создание национальных государственных образований в период Гражданской войны и переход к модели национально-территориального устройства привел к некоторому оттоку русского населения из регионов, позиционируемых по принадлежности к титульной нации. Новые этнодемографические тенденции фиксируются в материалах переписи 1926 г.²⁴

²⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года...

Наблюдаемый прежде в Российской империи устойчивый рост русского населения на Северном Кавказе остановился, оставаясь в целом на уровне 1917 г. Доля русских в Северо-Кавказском крае по переписи 1926 года составила 46,2%, что только на десятые доли процента отличалось от последних показателей для Северного Кавказа периода Российской империи. Однако в связи с переходом национально-территориальной модели произошла определенная реконфигурация расселения русских. Существенно их долевое представительство по Астраханской губернии, достигнув 74,7%. Русское население превышало половину жителей Майкопского – 65,2%, Ставропольского – 62,6%, Терского – 58,5% округов. Однако в новых национально-территориальных образованиях русские везде без исключения оказались в меньшинстве. Их доля по Адыгейской (Черкесской) АО составила 25,8%, Дагестанской АССР – 12,5%, Калмыцкой АО – 10,7%, Кабардино-Балкарской АО – 7,5%, Северо-Осетинской АО – 6,6%, Черкесской АО – 3,9%, Чеченской АО – 2,9%, Карачаевской АО – 1,7%, Ингушской АО – 1,2%. В исторической динамике по отношению ко временам Российской империи определенный рост удельного веса по районам этнического горского расселения наблюдается только в Дагестане, что было связано с развитием инфраструктур нефтяной отрасли.

Переход к национально-территориальной модели и отток из соответствующих автономных образований представителей нетитульных наций приводил к процессам региональной этнизации. Более трех четвертей населения составляли представители одной титульной нации, что традиционно оценивается как уровень мононациональной государственности в Калмыцкой АО – 75,6% калмыки, Карачаевской АО – 81,3% карачаевцы, Северо-Осетинской АО – 84,3% осетины, Ингушской АО – 93,1% ингуши, Чеченской АО – 94,0% чеченцы (См. таблицу 2). Такая этническая структура вступала в противоречие с идеологией советского интернационализма, и следовало ожидать в дальнейшем развитие курса на интернационализацию общественной жизни.

Важнейшей мерой предотвращения этнизации регионов являлось назначение на первые посты руководства национальным автономным образованием лиц, не принадлежащих к титульной нации. Так, например, во главе Дагестанской АССР с момента ее создания в 1921 году и до окончания Великой Отечественной войны из тринадцати первых (ответственных) секретарей Дагестанского областного комитета ВКП(б) было только два представителя титульных наций Дагестана. Причем оба не аварцы, занимавшие первую позицию по численности в республике, один даргинец,

другой – лезгин. Среди остальных – 4 евреев, 3 русских, 2 азербайджанцев, 1 украинец, 1 осетин.

Опорой советской власти на Кавказе являлись города, служившие местами концентрации русского населения. Некоторые из городов северо-кавказского региона были выделены в особые автономные образования. Так, во Владикавказе по переписи 1926 года русские составляли 53,4% жителей, тогда как осетины – только 14,3%. Существенным было также представительство армян – 8,7%, грузин – 6,7%, украинцев – 5,3%. Преимущественно русским городом оставался Грозный – 68,4% состава населения. Чеченцы на момент переписи составляли лишь 2% населения города и численно уступали проживавшим в Грозном украинцам, армянам, татарам.

Таблица 2 / Table 2

**Доля русского народа в структуре населения
ряда административных единиц юга РСФСР по всесоюзной переписи 1926 г. /
The share of the Russian people in the structure of the population of a number
of administrative units of the south of the RSFSR for the All-Union Census of 1926**

Административная единица	%
Астраханская губерния	74,7
Северо-Кавказский край	46,2
Донской округ	46,1
Кубанский округ	33,8
Майкопский округ	65,2
Ставропольский округ	62,6
Терский округ	58,5
Адыгейская АО	25,8
Дагестанская АССР	12,5
Ингушская АО	1,2
Кабардино-Балкарская АО	7,5
Калмыцкая АО	10,7
Карачаевская АО	1,7
Северо-Осетинская АО	6,6
Черкесская АО	4,0
Чеченская АО	2,9

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php

Усилилась по ряду административных образований региона и Северному Кавказу в целом украинская компонента. Доля украинцев в Северо-Кавказском крае по данным на 1926 год составила 37,4%, что только на 8,8% уступало доле русского населения. Миграция украинцев в юго-восточном направлении была катализирована в значительной мере драматическими событиями Гражданской войны, происходившими на Украине. Необходимо иметь в виду и то, что в условиях радикальной русофобской пропаганды украинская идентичность оказывалась даже более предпочтительной в сравнении с русской. Если в период Российской империи дифференциация на русских и малороссов была в значительной степени условной, то теперь, когда существовала уже Украинская ССР, это создавало определенное латентное напряжение. Особенно заметным оказалось диспаритетное положение в соотношении между украинцами и русскими в Кубанском округе – 62,6% против 33,8%. Доля украинцев превышало долю русских также в Кабардино-Балкарской АО, Карачаевской АО, Северо-Осетинской АО.

Несмотря на фиксируемый кризис, связанный с русской национальной идентичностью, масштаб его не был таким, чтобы можно было говорить об угрозах цивилизационной гибели. Бегства русских с периферии в центр не происходило, а миграционные волны имели межрегиональную направленность. Демографические потенциалы цивилизационнообразующего народа на Северном Кавказе были таковы, что частично утраченные позиции при соответствующем политическом повороте могли быть восстановлены, что, собственно, и происходит в следующее десятилетие.

Этнодемографические процессы в регионе по переписи 1939 г.

Перепись 1939 г. отражала начавшийся поворот сталинской политики в национальном вопросе²⁵. Доля русского населения увеличивалась во всех без исключения крупных административных образованиях рассматриваемого региона. По Орджоникидзевскому (Ставропольскому) краю их удельный вес увеличился на 19,8%, по Краснодарскому краю – на 53%, по Кабардино-Балкарской АССР – на 28,4%, по Северо-Осетинской АССР – на 30,6%, по Калмыцкой АССР – на 34,9%, по Карачаевской АО – на 41,3%, по Адыгейской АО – на 58,5%. Менее заметен был рост в Дагестанской АССР, где увеличение составило менее 2%. Но в созданной на основе слияния Чеченской и Ингушской АО, в которых доля русских была минимальной, Чечено-Ингушской АССР их удельный вес достиг 28,8%. Русские пре-

²⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года...

взошли по численности вторые титульные нации в двухосновных автономных республиках – в Чечено-Ингушской – ингушей и в Кабардино-Балкарской – балкарцев. В Адыгейской АО русские к 1939 году стали составлять абсолютное большинство – 71,1% против 22,8% адыгейцев. Абсолютное большинство их было установлено также в Черкесской АО – 58,3% против 17,2% черкесов. В Калмыцкой АССР установилось примерное равенство между русскими – 45,7% и калмыками – 48,6%. Русские превысили треть населения в Кабардино-Балкарской АССР – 35,9% и Северо-Осетинской АССР – 37,3%.

Определенную роль в столь существенном возрастании доли русских сыграли соответствующие установки в регистрации национальной принадлежности. Русскими теперь записывались, в частности, многие украинцы. Это подтверждается стремительной минимизацией украинской идентичности в сравнении с переписью 1926 года по всем административным образованиям, в которых они имели прежде значительное представительство. В Краснодарском крае, где они ранее составляли абсолютное большинство, их удельный вес снижается до 4,7%. В Ставропольском крае доля украинцев сократилась с трети населения до 2,4%, сравнившись с численностью ставропольских немцев. По Адыгейской АО она снизилась до 2,5%, Карачаевской АО – 1,5%, Кабардино-Балкарской АССР – 3,1%, Северо-Осетинской АССР – 2,2%, Калмыцкой АССР – 0,5%.

Однако одной лишь перерегистрацией украинцев русскими произошедшие этнодемографические изменения в регионе не изменить. Простое сложение русских и украинцев, проживавших в Кабардино-Балкарской АО по переписи 1926 г., давало бы результат в 16% в структуре населения. Такое же сложение по Северо-Осетинской АО давало бы удельный вес в 13,4%, между тем как доля русских в 1939 г. в Кабардино-Балкарской АССР составила 35,9%, а в Северо-Осетинской АССР – 37,3%.

Следовательно, более значимую факторную роль в изменении этнодемографической структуры сыграла миграционная динамика. Массовая миграция русских в национальные республики была связана с осуществляемой в СССР индустриализацией и культурной революцией. Русское население выступало в данном случае как носитель соответствующих квалификационных потенциалов для преимущественно аграрного региона с доминирующим укладом традиционного общества.

В 1930-е гг. сложилась окончательно модель управления в национальных республиках и областях, сообразно с которой на пост первого секретаря ставился русский, тогда как на пост второго секретаря – пред-

ставитель титульной нации. На момент переписи 1939 г. представитель титульной нации из всех автономных республик и областей региона – Темиров Ибрагим Калмукович – стоял во главе областного комитета ВКП(б) Карачаевской АО. Список остальных персоналий высшего руководства автономных республик и областей выглядел следующим образом: Дагестанская АССР – Линкун Николай Иосифович, Кабардино-Балкарская АССР – Кудрявцев Александр Васильевич, Калмыцкая АССР – Лаврентьев Петр Васильевич, Северо-Осетинская АССР – Иванов Никита Петрович, Чечено-Ингушская АССР – Быков Федор Петрович, Адыгейская АО – Чекаловский Федор Григорьевич, Черкесская АО – Борзов Василий Яковлевич. Посредством установки на кооптирование на высший управленческий уровень представителей русского этноса предотвращалась этнизация и клановизация власти в национальных регионах, произошедшая позже в результате перехода к системе «коренизации».

Этнодемографические процессы в регионе по переписи 1959 г.

Следующая перепись населения СССР прошла через двадцать лет, за которые Советский Союз прошел потрясение войной, ряд народов Северного Кавказа прошли депортацию и затем, будучи реабилитированными, в большинстве вернулись на историческую родину. Несмотря на все трагические испытания российская цивилизационная общность находилась в фазе подъема, достигнув исторического максимума геополитического влияния в мире. Характерно, что доля русских по всем административным территориям региона возросла (кроме Адыгейской АО). За редким исключением перепись 1959 г. зафиксировала исторический максимум удельного веса русских по административным образованиям региона²⁶. По краям и областям их долевым показателем варьировался в диапазоне от 91,7% в Ростовской области до 77,5% в Астраханской. По четырем из семи национальным автономиям региона доля русских была выше доли титульных наций: по Калмыцкой АССР – 55,9% против 35,09% калмыков, по Чечено-Ингушской АССР – 49,0% против 34,3% чеченцев и 6,8% ингушей, по Адыгейской АО – 70,42% против 21,2% адыгейцев, по Карачаево-Черкесской АО – 51,0% против 24,4% карачаевцев и 8,7% черкесов. Депортации, безусловно, явились важным фактором изменения этнодемографической структуры региона, обусловив объективно приток мигрантов на насильственно высвобожденные территории. И именно по автономным образованиям, прошедшим через депор-

²⁶ Всесоюзная перепись населения 1959 года...

тацию титульных народов, фиксировался по переписи 1959 года наибольший долевым прирост русского населения. По Чечено-Ингушской АССР он составил, в сравнении с переписью двадцатилетней давности, 20,2%, по Калмыцкой АССР – 10,2%.

Однако рост удельного веса русского населения происходил, хотя и в несколько меньших объемах, и в тех автономных образованиях, которых политика депортации коренных народов миновала. Так, прирост доли русских в Дагестанской АССР составил в межпереписной период 5,8%, достигнув отметки в 20,1% населения республики. Русские по численности вышли в этот период в Дагестане на вторую позицию после аварцев – 22,5% и опередив существенно даргинцев – 13,9%.

Последующий период в истории СССР представлял собой нисходящую фазу советского проекта. Очередной цивилизационный кризис фиксировался и по этнодемографическим показателям. Начиная с переписи 1970 г. по всем национальным автономиям рассматриваемого региона обнаруживается устойчивое сокращение доли представителей русского этноса и возрастание удельного веса титульных народов. Эти изменения не носили, как впоследствии в 1990-е гг., характера катастрофы, происходили сравнительно медленно, а потому, вероятно, не воспринимались на уровне руководства страной в качестве серьезной угрозы. Между тем за тридцать лет, с 1959 по 1989 годы, совокупные изменения удельного веса русских в автономных республиках и областях оказались значительными²⁷. По Адыгейской АО доля русских в структуре населения снизилась на 2,4%, Кабардино-Балкарской АССР – на 6,8%, Карачаево-Черкесской АО – на 8,6%, Северо-Осетинской АССР – на 9,7%, Дагестанской АССР – на 10,9%, Калмыцкой АССР – на 18,2%, Чечено-Ингушской АССР – на 25,9%. Русские утратили первую позицию по численности населения в Чечено-Ингушской АССР уже к переписи 1970 г. Доля же чеченцев в населении республики возросла за тридцать лет на 23,4%. К 1989 г. было утрачено большинство, имевшееся ранее у русских по Калмыцкой АССР.

Процессы демографической деруссификации и этнизации региона в позднесоветский и постсоветский периоды

Те процессы демографического исхода русских из национальных республик и автономий, которые станут вызовом для российской государственной общности в 1990-е гг., латентно обнаруживались еще в бреж-

²⁷ Всесоюзная перепись населения 1970 года.; Всесоюзная перепись населения 1979 года.; Всесоюзная перепись населения 1989 года...

невский период. Сказывалась и частичная утрата цивилизационнообразующим народом пассионарных потенциалов, утрата интереса к освоению периферии. Помимо миграционного оттока на снижение доли русских оказывало влияние усугубляющееся их отставание от титульных наций по коэффициентам рождаемости. На более ранних исторических этапах детность в русских семьях, как минимум, была не ниже, чем в семьях горцев Северного Кавказа.

Неблагоприятно сказался на положении русского населения в регионе проводимый в эти годы курс на коренизацию управленческих кадров. Прослеживается тенденция этнической гомогенизации и клановизации элит национальных республик и автономий. На момент переписи 1970 года по двум из семи автономий региона пост первого секретаря областного комитета занимал русский (Карачаево-Черкесская АО – Бурмистров Федор Петрович, Чечено-Ингушская АССР – Апряткин Семен Семенович), по остальным пяти – представитель титульной нации (Адыгейская АО – Берзегов Нух Асланчериевич, Дагестанская АССР – Умаханов Магомед-Салам Ильясович, Калмыцкая АССР – Городовиков Басан Бадьминович, Кабардино-Балкарская АССР – Мальбахов Тимбора Кубатиевич, Северо-Осетинская АССР – Кабалоев Билар Емазаевич).

По краям и областям юга России кризис снижения доли русского народа первоначально не обнаруживается, за исключением Астраханской области. По Краснодарскому и Ставропольскому краям за межпереписной период обнаруживается даже некоторый долевого прирост русских, соответственно 1% и 4,3%. Однако уже на этапе 1979–1989 гг. тенденция снижения доли русских становится всеобщей. Их удельный вес за тридцать оказался снижен по Астраханской области на 5,5%, Краснодарскому краю – на 2,7%, Ставропольскому краю – на 7,3%, Ростовской области – на 4,7%. В цивилизационном плане вслед за утратой этнически смешанных территорий происходила следующим шагом постепенная сдача позиций и в сопредельных областях.

Распад СССР мог перекинуться в 1990-е гг. и на Российскую Федерацию. Северный Кавказ стал, как известно, одной из главных болевых точек для постсоветской России. Чеченская война могла потенциально не только привести к отпадению от России северо-кавказского региона, но и вызвать в качестве последствий всеобщую войну национальной периферии против федерального центра. На уровне национальных республик принимаются Конституции, фактически утверждающие их суверенность в отношении к Российской Федерации. Русскоязычное население в силу ряда сложившихся объективных причин покидают ряд национальных

республик региона, что зафиксировала перепись 2002 г. Следующая перепись 2010 г. обнаруживала замедление темпов оттока русских, но не смену самой тенденции²⁸. На Западном Кавказе русские перестали полностью быть значимым фактором демографических процессов, будучи сведены в долевым отношении по Республике Дагестан до 3,6%, Чеченской Республике – до 1,9%, Республике Ингушетии – до 0,8%. Доля титульной нации составила применительно к Чечне 95,1%, к Ингушетии – 93,5%. Произошедшую этнизацию не следует считать восстановлением исходного до русской колонизации Кавказа состояния. Триста лет назад этническая и конфессиональная карта расселения в регионе была гораздо более гетерогенизирована. Резкое снижение доли русских фиксируется не только по западнокавказским республикам, где оно достигло предельного минимума, но и по всем другим национально-территориальным образованиям. По Республике Адыгее удельный вес русских в сравнении с советским временем уменьшился на 6,4, что можно считать на фоне других республик умеренной величиной. Доля русских сократилась в сравнении с переписями 1989 г. – последним показателем советской эпохи и 1959 г. – показателем исторического максимума в Республике Кабардино-Балкария – на 9,4 и 16,4%, соответственно, в Республике Калмыкия – 8,1 и 26,3%, в Республике Карачаево-Черкесия – 11,3 и 19,6%, в Республике Северная Осетия – 9,3 и 19,0%. Численность карачаевцев и калмыков по переписи 2002 года превысила долю русских в соответствующих республиках, хотя еще в позднесоветское время их в обоих случаях было большинство.

В целом, по Северо-Кавказскому Федеральному округу русские в 2010 г. составили 30,3%. Вместе же с другими народами, не относимыми к коренным этносам Северного Кавказа, их совокупный удельный вес не будет превышать 36%. Такое изменение этноструктуры исторически возвращает ситуацию в регионе ко временам окончания Кавказской войны. Этническая гомогенизация продуцирует угрозы для самого существования России как цивилизационной общности, о чем говорил Президент в Послании Федеральному Собранию 2012 г. Данный вывод ни в коей мере не означает призыва к русификации или предоставлению этнических преференций, напротив, заставляет акцентировать внимание на обеспечении соблюдения этнодемографических пропорций в целях обеспечения национального единства государства. Обратимся к таблице 3.

²⁸ Всероссийская перепись населения 2002 года.; Всероссийская перепись населения 2010 года...

Таблица 3 / Table 3

Доля русского народа в структуре населения ряда административных единиц юга РСФСР и РФ по переписям 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг. / The share of the Russian people in the structure of the population of a number of administrative units of the south of the RSFSR and the Russian Federation in the censuses of 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010

Административная единица	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Краснодарский край	86,8	89,4	88,3	89,3	86,7	86,6	86,5
Ставропольский край	82,4	85,4	83,4	87,7	84,0	81,6	80,1
Астраханская область	нет	77,5	75,5	74,8	72,0	69,9	61,2
Ростовская область	90,3	91,3	91,2	90,9	86,6	89,4	88,7
Адыгейская АО (Республика Адыгея)	71,1	70,4	71,7	70,6	68,0	64,5	61,5
Дагестанская АССР (Республика Дагестан)	14,3	20,1	14,7	11,6	9,2	4,7	3,6
Кабардино-Балкарская АССР (Республика Кабардино-Балкария)	35,9	38,7	37,2	35,1	32,0	25,1	22,6
Калмыцкая АССР (Республика Калмыкия)	45,7	55,9	45,8	42,6	37,7	33,6	29,6
Карачаевская АО	42,3						
Черкесская АО	58,3						
Карачаево-Черкесская АССР (Республика Карачаево-Черкессия)		51,0	47,1	45,1	42,4	33,7	31,4
Северо-Осетинская АССР (Республика Северная Осетия-Алания)	37,3	39,6	36,6	31,7	29,9	23,2	20,6
Чечено-Ингушская АССР	28,8	49,0	34,5	29,1	23,1		
Чеченская Республика						3,4	1,9
Республика Ингушетия						1,2	0,8

Источники: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php; Всесоюзная

перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php; Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php; Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php

Выводы

Данные статистики позволяют, таким образом, зафиксировать на рассматриваемом историческом интервале две фазы подъема в долевой представленности русских на Юге России (XVIII – начало XX в. и середина 1930-х – 1950-е гг.), фазу надлома (1917 г. – середина 1930-х гг.) и фазу упадка, разделяемую, в свою очередь на два этапа по степени динамики этнографических изменений (1960-е – 1980-е гг. и 1990-е – 2000-е гг.).

Возрастание доли русского населения в регионе устойчиво прослеживается на протяжении всего периода Российской империи, соотносясь с тенденцией усиливающейся цивилизационной интеграции. Особенно активно этот процесс происходил во второй половине XIX столетия, будучи связан с окончанием Кавказской войны и приведя к социальной и культурной доминации русского (великоросского) большинства существенно дополняемого малоросской компонентой. Гибель Российской империи, Гражданская война в России и специфика осуществления национальной политики большевиков в 1920-е гг. определили приостановку роста численности русского населения и его частичный отток из национальных автономий преимущественно в близлежащие административные образования. Приходящийся на середину 1930-х гг. сталинский поворот в национальной политике катализировал новую волну увеличения доли русского населения в национальных автономных образованиях региона. Приток русского населения определялся в тот период в значительной мере курсом на индустриализацию и культурную революцию, обуславливающим запрос на приток соответствующих профессиональных кадров, носителей квалификационных потенциалов. Исторический максимум русского представительства в регионе был зафиксирован Всесоюзной переписью 1959 г. Последующий период существования СССР характеризуется доминированием тенденции сокращения удельного веса русского населения в национальных автономиях и их этнизации. В постсоветский период эти тенденции были катализированы политическими факторами, приведя к принципиальному

изменению этнографической структуры региона. Сложившаяся ситуация является индикативным проявлением цивилизационного кризиса и требует фундаментального решения через усиление цивилизационнообразующих потенциалов России, связанных прежде всего с русской культурой.

Таким образом, гипотеза о наличии факторной связи между направленностью миграционных потоков цивилизационнообразующего народа (от центра к периферии или с периферии к центру) и состоянием самой цивилизации получает статистическое подтверждение. Цивилизационные подъемы России оказывались на рассматриваемом временном интервале соотнесены с возрастанием доли русского народа в регионах национальной периферии, а цивилизационные и государственные кризисы сопряжены с падением его удельного веса. Знание этой закономерности позволяет целевым образом управлять этнодемографическими процессами в целях обеспечения государственного единства и национальной безопасности России.

© Багдасарян В.Э., Реснянский С.И., 2018

Рукопись поступила: 19 августа 2018 г.

Submitted: 19 August 2018

References

- Avtorkhanov, A. *K osnovnym voprosam istorii i Chechni* [To the main issues of history and Chechnya]. Grozny: Serlo Publ., 1930 (in Russian).
- Bagdasaryan, V.E. “Russkoyazychnaya diaspora stran blizhnego zarubezhia v postsovetskiy period: istoriko-demograficheskiye protsessy.” [Russian-speaking diaspora of the countries of the near abroad in the post-Soviet period: historical and demographic processes] *Politika i Obshchestvo*, no. 10 (2015): 1363–1374 (in Russian).
- “Russkoyazychnoye naseleniye stran blizhnego zarubezhia: demograficheskoye vydavlivaniye cherez prizmu postimperskogo tranzita.” [Russian-speaking diaspora of the near abroad countries: demographic extrusion through the prism of post-imperial transit] In *Politicheskiye protsessy na postsovetskom prostranstve. Materialy IV Mezhdunarodnoy konferentsii*. Moscow: IIUMGOU Publ., 2015: 23–46 (in Russian).
- Bagirov, M.D. “K voprosu o kharaktere dvizheniya myuridizmai Shamilya.” [To the question of the character of the movement of muridism and Shamil] *Bolshevik*, no. 13 (1950): 22–31 (in Russian).
- Barsenkov, A.S., and Vdovin, A.I. *Istoriya Rossii. 1917–2009*. Moscow: Aspekt Press Publ., 2010 (in Russian).
- Bokov, F.P. “Po povodu kontseptsii dobrovolnogo vkhozheniya Checheno-Ingushetii v sostav Rossii: Teoretiko-metodologicheskii aspekt.” [Concerning the concept of voluntary entering of Checheno-Ingushetia into Russia: The Theoretical and Methodological Aspect] In *F.P. Bokov*. Grozny. Kniga, 1990 (in Russian).

- Brodel, F. *Vremya mira. Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII* [Time of peace. Material civilization, economics and capitalism. XV–XVIII]. Moscow: Vesmir Publ., 2007 (in Russian).
- Bruk, S.I. “Kabuzan V.M. Dinamika chislennosti i rasseleniya russkogo etnosa (1678–1917).” [Kabuzan V.M. Dynamics of the number and settlement of the Russian ethnosc (1678–1917)] *Sovetskaya etnografiya*, no. 4 (1982): 9–25 (in Russian).
- , and Kabuzan, V.M. “Etnicheskiy sostav naseleniya Rossii (1719–1917).” [Ethnic composition of the population of Russia (1719–1917)] *Sovetskaya etnografiya*, no. 6 (1980): 24–34 (in Russian).
- Bushuyev, S.K. *Izistorii vneshnepoliticheskikh otnosheniy v period prisoyedineniya Kavkaza k Rossii (20-e – 70-e gody XIX veka)* [History of foreign policy relations during the period of the accession of the Caucasus to Russia]. Moscow: MGU Publ., 1955 (in Russian).
- Danilevskiy, N.Ya. *Kavkaz i ego gorskiye zhiteli v nyneshnem ikh polozhenii: s obyasnением istorii, religii, yazyka, oblika, odezhdy, stroyeniy, vospitaniy, pravleniya, zakonov, korennykh obychayev, nraov, obraza zhizni, pishchi, obrazovaniya i trgovli gortsev Kavkaza* [The Caucasus and its mountain inhabitants in their current situation: with the explanation of history, religion, language, appearance, clothing, buildings, education, government, laws, indigenous customs, customs, lifestyle, food, education and trade of the Caucasus mountaineers]. Moscow: Universitetskaya tipografiya Publ., 1846 (in Russian).
- Dubrovin, N.F. *Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze* [History of the war and dominance of the Russians in the Caucasus]. Vol. 1, book 1. St-Peterburg: Tipografiya Departamenta udelov Publ., 1871 (in Russian).
- Fadeyev, A.V. “Myuridizm kak orudie agressivnoy politiki Turtsii i Anglii na Severo-Zapadnom Kavkaze v XIX stoletiy.” [Muridism as an instrument of the aggressive policy of Turkey and England in the North-Western Caucasus in the 19th century]. *Voprosy istorii*, no. 9 (1951): 76–96 (in Russian).
- Fadeyev, R.A. *Shestidesyat let Kavkazskoy voyny* [Sixty years of the Caucasian War]. Tiflis: Voenno-pokhodnaya tipografiya Glavnogo shtaba Press, 1860 (in Russian).
- Gritsenko, N.P. *Istoki druzhby checheno-ingushskogo naroda s velikim russkim narodom* [The origins of the friendship of the Chechen-Ingush people with the great Russian people]. Groznyy: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatelstvo Publ., 1962 (in Russian).
- Isupov, V.A. *Demograficheskiye katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX v.: istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic disasters and crises in Russia in the first half of the twentieth century: historical and demographic essays]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 2000 (in Russian).
- Kabuzan, V.M. *Formirovaniye mnogonatsionalnogo naseleniya Pribaltiki (Estonii, Latvii, Litvy, Kaliningradskoy oblasti Rossii) v XIX–XX vv. (1795–2000 gg.)* [Formation of the multinational population of the Baltic states (Estonia, Latvia, Lithuania, Kaliningrad region of Russia) in XIX–XX centuries. (1795–2000)]. Moscow: IRI RAN Publ., 2009 (in Russian).

- *Narody Rossii v pervoy polovine XIX v.: Chislennost i etnicheskiy sostav* [Peoples of Russia in the first half of the 19th century: Number and ethnic composition]. Moscow: Nauka Publ., 1992 (in Russian).
- *Narody Rossii v XVIII veke: Chislennost i etnicheskiy sostav* [Peoples of Russia in the 18th century: Number and ethnic composition]. Moscow: Nauka Publ., 1990 (in Russian).
- *Naseleniye Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekakh: Etnostatisticheskoye issledovaniye* [The population of the North Caucasus in the XIX–XX centuries: Ethnographic research]. St-Peterburg: BLITs Publ., 1996 (in Russian).
- *Russkiye v mire: Dinamika chislennosti i rasseleniya (1719–1989). Formirovaniye etnicheskikh i politicheskikh granits russkogo naroda* [Russians in the world: Dynamics of numbers and resettlement (1719–1989). Formation of ethnic and political boundaries of the Russian people]. St-Peterburg: BLITs Publ., 1996 (in Russian).
- *Narodonaseleniye Rossii v XVIII – pervoy polovine XIX v.: (Po materialam reviziy)* [Population of Russia in XVIII – the first half of the XIX century: (Based on audit evidence)]. Moscow: Akademiya Nauk SSSR Publ., 1963 (in Russian).
- Kinyapina, N.S., Bliyev, M.M., and Degoyev, V.V. *Kavkaz i Srednyaya Aziya vo vneshney politike Rossii. Vtoraya polovina XVIII – 80-e gody XIX v.* [Caucasus and Central Asia in Russia's Foreign Policy. The second half of the XVIII – 80th years of the 19th century]. Moscow: MGU Publ., 1984 (in Russian).
- Kobrin, V.B. “Pod pressom ideologii.” [Under the pressure of ideology] *Izvestiya AN SSSR*, no. 12 (1990): 25–40 (in Russian).
- Kokiyev, G. “Voyenno-kolonizatsionnaya politika tsarizma na Severnom Kavkaze.” [Military-colonial policy of tsarism in the North Caucasus] *Revolutsiya i gorets*, no. 4 (1929): 30–35; no. 5 (1929): 33–38 (in Russian).
- Kots, A., and Steshin, D. *Vernutsya li russkiye na Kavkaz?* [Will the Russians return to the Caucasus?]. <https://www.kp.ru/daily/23718/53778/> (in Russian).
- Kovalevskiy, P.I. *Kavkaz. Istoriya zavoyevaniya Kavkaza* [Caucasus. History of the conquest of the Caucasus]. Vol. 2. St-Peterburg, 1915 (in Russian).
- Narochnitskaya, N. A. *Rossiya i russkiye v sovremennom mire* [Russia and the Russians in the Modern World]. Moscow: Algoritm Publ., 2009 (in Russian).
- Polyakov, Yu.A., ed. *Naseleniye Rossii v XX veke. Istoricheskiye ocherki* [The population of Russia in the 19th century. Historical essays]. Vol. 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2000 (in Russian).
- Ocherki istorii Checheno-Ingushskoy ASSR* [Essays on the history of the Chechen-Ingush ASSR]. Vol. 1. Grozny: Checheno-Ingushskoe Publ., 1967; Vol. 2, 1972 (in Russian).
- Ocherki istorii Dagestana* [Essays on the history of Dagestan]. Vol. 2. Makhachkala: Dagknigoizdat Publ., 1957 (in Russian).
- Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR* [Essays on the history of the Kalmyk ASSR]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1967; Vol. 2, 1970 (in Russian).
- Ocherki istorii Karachayevy-Cherkessii* [Essays on the history of Karachayevy-Cherkessia]. Stavropol: Stavropolskoye Publ., 1967–1972 (in Russian).

- Ocherki istorii Sovetskoy Kabardino-Balkarii* [Essays on the history of Soviet Kabardino-Balkaria]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1958 (in Russian).
- Pervaya vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy Imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniya po rodnomu yazyku i uyezdam Rossiyskoy Imperii krome guberniy Evropeyskoy Rossii* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Distribution of the population by the native language and regions of the Russian Empire except for the provinces of European Russia]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php (in Russian).
- Pokorennyy Kavkaz: Ocherki istoricheskogo proshlogo i solvremennogo polozheniya Kavkaza* [The conquered Caucasus: Essays on the historical past and the plight of the Caucasus]. St-Peterburg: Rodina Publ, 1904 (in Russian).
- Pokrovskiy, M.N. *Diplomatiya i voyny tsarskoy Rossii v XIX stoletii* [Diplomacy and wars of tsarist Russia in the 19th century]. Moscow: Krasnaya nov' Publ., 1924 (in Russian).
- Potto, V. *Kavkazskaya vojna v otdelnykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh* [The Caucasian War in selected essays, episodes, legends and biographies]. 5 vols. St-Peterburg: E. Evdokimov's Publ., 1887–1890 (in Russian).
- Prepodavanie istorii v Rossii i politika (Materialy kruglogo stola)* [Teaching history in Russia and politics (Roundtable materials)]. Moscow: Nauchny ekspert. 2010 (in Russian).
- Putin, V.V. *Rossiya: Natsionalny vopros* [Russia: The National Question]. http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (in Russian).
- Rashin, A.G. *Naseleniye Rossii za 100 let (1811–1913): Statisticheskiye ocherki* [Population of Russia for 100 years (1811–1913): Statistical essays]. Moscow: Gosudarstvennoye statisticheskoye izdatelstvo Publ., 1956 (in Russian).
- Tsagareyshvili, Sh. V., ed. *Shamil – stavlennik sultanskoy Turtsii i angliyskikh kolonizatorov* [Shamil – protege of the Sultan Turkey and the British colonialists]. Tbilisi: Gosizdat Gruzinskoy SSR Publ., 1953 (in Russian).
- Smirnov, N.A. “Sheykh Mansur i ego turetskiye vdokhnoviteli.” [Sheikh Mansour and his Turkish inspirers] *Voprosy istorii*, no. 10 (1950): 19–39(in Russian).
- Sukhopleshchenko, K.Yu. *Etnokratii na Severnom Kavkaze: institutsionalizatsiya i legitimatsiya* [Ethnocracy in the North Caucasus: institutionalization and legitimization]. Ph.D. diss., Yuzhiy federalniy universitet. Rostov-na-Donu, 2010 (in Russian).
- Troitskiy, E.S. *Russkaya etnopolitologiya* [Russian ethnopolitology]. 3 vols. Moscow: Granitsa Publ., 2003 (in Russian).
- Vdovin, A.I. *Russkiye v XX veke. Tragedii i triumfy velikogo naroda* [Russians in the 20th century. Tragedies and triumphs of the great people]. Moscow: Veche Publ., 2013 (in Russian).
- Vserossiyskaya perepis naseleniya 2002 goda. Natsionalnyy sostav naseleniya po regionam Rossii* [The 2002 All-Russia Population Census. National composition of the population by regions of Russia]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php (in Russian).
- Vserossiyskaya perepis naseleniya 2010 g. Naseleniye po natsionalnosti. Po subyektam Rossiyskoy Federatsii* [All-Russia population census 2010 Population by nationality.

- By Subjects of the Russian Federation]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php (in Russian).
- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda. Natsionalnyy sostav naseleniya po regionam RSFSR* [All-Union Population Census of 1926. National composition of the population by regions of the RSFSR]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php (in Russian).
- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1939 goda. Natsionalnyy sostav naseleniya po regionam Rossii* [All-Union Population Census of 1939. National composition of the population by regions of Russia]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php (in Russian).
- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1959 goda. Natsionalnyy sostavnaseleniya po regionam Rossii* [All-Union Population Census of 1959. National Population by Region of Russia]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php (in Russian).
- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1970 goda. Natsionalnyy sostav naseleniya po regionam Rossii* [All-Union Population Census of 1970. National composition of the population by regions of Russia]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php (in Russian).
- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1979 goda. Natsionalnyy sostav naseleniya po regionam Rossii* [All-Union Population Census of 1979. National composition of the population by regions of Russia]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php (in Russian).
- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1989 goda. Natsionalnyy sostav naseleniya po regionam Rossii* [All-Union Population Census of 1989. National composition of the population by regions of Russia]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (in Russian).
- Yakunin, V. I., Sulakshin, S.S., and Bagdasaryan, V.E. *Gosudarstvennaya politika vyvoda Rossii iz demograficheskogo krizisa* [State policy of Russia's withdrawal from the demographic crisis]. Moscow: Ekonomika; Nauchnyy ekspert Publ., 2007 (in Russian).
- Yandarov, A.D. *Sufizm i ideologiya natsionalno-osvoboditelnogo dvizheniya* [Sufism and the ideology of the national liberation movement]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1975 (in Russian).
- Yanova, M.V. *Istoriya Kalmykii: problemy istoriografii kontsa XVIII – nachala XXI vv.* [History of Kalmykia: problems of historiography of the late 18th – early 21st centuries]. Ph.D. diss., RUDN University, 2013 (in Russian).
- Zhiromskaya, V.B. Kiselev, I.N., and Polyakov, Yu.A. *Polveka pod grifom «sekretno». Vsesoyuznaya perepis 1937 goda* [Half a century, classified as “secret.” All-Union Census of 1937]. Moscow: Nauka Publ., 1996 (in Russian).
- *Osnovnyye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX v.* [The main trends of the demographic development of Russia in the twentieth century]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2012 (in Russian).
- Zisserman, A.L. *Dvadtsat pyat let na Kavkaze (1842–1867)* [Twenty-five years in the Caucasus (1842–1867)]. 2 parts. St-Petersburg: A.S. Suvorin's Publ., 1879 (in Russian).

The civilizational role of Russian people in the development of the Russia's southern regions through the prism of ethno-demographic dynamics

Vardan E. Bagdasaryan^a, Sergey I. Resnyansky^b

^aMoscow State Regional University
10A Radio St., Moscow, 105005, Russia
vardanb@mail.ru

^bRUDN University
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia
s-r44@yandex.ru

Abstract: The article examines the share of the Russian ethnos in the ethno-demographic structure of the south of Russia for a period of 300 years, and investigates changes in the relative proportion of Russians and representatives of the titular peoples in the respective administrative units over time. The geographical scope of the study covers the North Caucasus region as well as some adjacent territories, taking into consideration the changes that occurred in Russia's administrative division. In particular, the article is based on the materials of audits and population censuses in the Russian Empire (1897) and the USSR (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989) as well as in the Russian Federation (2002, 2010). Methodologically, the present study correlates civilizational approach theory with an empirical study of ethno-demographic processes. The authors advance the theory that civilizational ups and downs correlate with the dynamics of migration by the civilization-forming people, and with their settling in the ethnic periphery. The article argues that in the regional ethnic make-up, the share of Russians, as the civilization-forming people, reflects the region's degree of integration in the Russian civilizational system. In particular, a clear correlation is visible between the descending phase of the Soviet project and the decrease of representatives of the Russian ethnos in the national and administrative entities of the region. Given that over centuries Russia developed as a multi-national state – as a state-civilization kept together by the Russian people at its center – the authors emphasize the need to strengthen Russia's statehood.

Keywords: the Russians, titular nation, North Caucasus, ethno-demography, population census, civilizational approach, civilization-forming people, migration, ethnic structure of the population

For citation: Bagdasaryan, Vardan E., Resnyansky, Sergey I. "The civilizational role of Russian people in the development of the Russia's southern regions through the prism of ethno-demographic dynamics." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 4 (2018): 834–862. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-834-862>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-863-889>

Научная статья / Research article

Этнополитическая ситуация в регионе устья Оки накануне Батыева нашествия

А.А. Кузнецов

Нижегородский университет им. Лобачевского
603140, Россия, Нижний Новгород, ул. Ленина, 27
nalbuz@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена реконструкции этнополитической ситуации в регионе устья Оки до 1238 г. Там в 1221 г. был основан Нижний Новгород. Будущий 800-летний юбилей города придает статье общественно-культурную актуальность. Академическая актуальность и новизна статьи определены тем, что эти аспекты истории Восточной Европы и Северо-Восточной Руси рассматриваются впервые. Исследование базируется на изучении летописей и нарративов XVII–XIX вв. и топонимики. Был сформирован массив репрезентативных источников по проблеме этнополитической ситуации на устье Оки. Он включает в себя Лаврентьевскую летопись, Ипатьевскую летопись, Симеоновскую летопись, Толковую Палею, «Слово о погибели русской земли», результаты археологических и топонимических исследований. В статье автор предлагает оригинальную трактовку Черемиси-Мещеры в регионе устья Оки. Автор доказывает, что эта Черемись проживала между течениями рек Волга, Ока и Клязьма; Черемись не имеет прямого отношения к марийцам. В статье приводятся аргументы в пользу гипотезы, что до 1221 г. на устье Оки славянское население отсутствовало. Предположение о проживании там бродников не подтверждается. Для интерпретации Пургасовой Руси не хватает репрезентативных источников. Мордва жила на удалении от устья Оки. В этом регионе присутствовали половцы. Рассматриваемая территория не входила в зону политического влияния Волжской Булгарии. Поэтому доказывается, что Нижний Новгород был основан на пустынном месте. Локус вокруг Нижнего Новгорода являлся фронтиром. Там сталкивались интересы Булгарии и Владимирского княжества. Основание Нижнего Новгорода изменило природу конфликта в этом фронтире. Была блокирована Черемись. Началось военно-дипломатическое наступление на мордву. Союзниками Владимирского княжества выступали половцы. Русско-булгарская война 1223–1230-х гг. закончилась в пользу Владимирского княжества. Реконструкция сложной этнополитической ситуации в регионе устья Оки позволяет начать исследования имперских практик владимирских князей накануне нашествия монголов.

Ключевые слова: Нижний Новгород, летописи, устье Оки, Владимирское княжество, Волжская Булгария, мордва, черемись, половцы, фронт

Для цитирования: Кузнецов А.А. Этнополитическая ситуация в регионе устья Оки накануне Батыева нашествия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 4. С. 863–889. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-863-889>

Введение

При устоявшейся традиции изучения прошлого Владимирского княжества в домонгольское время на его «исторической карте» обнаруживаются «белые пятна». Одним из них – и в географическом, и в историческом аспектах – является регион в радиусе 100 км от Нижнего Новгорода. Это пространство вокруг важного военно-политического центра, основанного в 1221 г., охватывает земли по берегам Оки от устья Клязьмы до впадения в Волгу, у самой Волги – от Городца до Нижнего Новгорода, левобережья Клязьмы, территории к югу от Нижнего Новгорода. Традиционно считается, что на месте Нижнего Новгорода и к югу от него на правом берегу Оки и Волги проживали мордовские племена, а Заволжская часть региона была редко заселена предками нынешних марийцев – черемисами. Кроме того, есть предположение, что данный локус как маргинальная периферия Владимирского княжества мог быть заселен русскоязычным населением – бродниками, политически независимыми. Также большинством исследователей априори подразумевается, что данная территория и проживавшие на ней этносы до 1221 г. находились в сфере экономического и военно-политического влияния Волжской Булгарии.

В эту устоявшуюся в историческом знании плюралистическую этнокультурную картину устья Оки накануне и в момент основания Нижнего Новгорода не совсем вписываются источниковедческие и исторические факты. Не ясна ситуация с черемисью, названной в «Повести временных лет» (ПВЛ) среди народов, проживавших близ устья Оки, поскольку в летописях XV в. на этом месте в тексте появилась мещера. Крайне пестры, запутаны и нечетки уникальные упоминания в достаточно поздних источниках (XVII–XIX вв.) этнических реалий устья Оки до 1221 г.: то русский, то мордовский, то болгарский предшественник Нижнего Новгорода; топонимические легенды и народная этимология. Неожиданным для ранней истории Нижнего Новгорода оказались половцы, которыми руководил в 1229 г. сын Пуреша, считающегося предводителем мордовского племени. Много трактовок вызывает загадочная Пургасова Русь¹. К этим проблемам примыкают дискуссионные в историографии вопросы о наборе привлекаемых источников в соотношении с разной степенью их достоверности, о характере колонизации со стороны Владимирского княжества, целей,

¹ Фомин В.В. Пургасова Русь // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 3–17.

преимущества и последовательности его военно-политических практик в XII–XIII вв., времени основания тех или иных городов в Северо-Восточной Руси и их роли в освоении земель на востоке, точности проецирования археологических данных на этнические реалии, терминологическом постижении исторической реальности и пр.

Реконструкции этнополитической ситуации в первой трети XIII в. на крайнем востоке Волго-Окского междуречья, выстроенной на основе ответов на эти и другие вопросы, посвящена данная статья.

Цель публикуемого исследования обусловлена и общественно-политической актуальностью, связанной с намеченным (согласно Указу Президента РФ от 22.09.2015 г.) официальным празднованием в 2021 г. 800-летия Нижнего Новгорода. Кроме прочего, ожидание важного события дает повод для осмысления итогов и определения перспектив развития одного из крупных культурно-политических центров России и Евразии. И важное место среди итогов должны занимать те, что связаны с оценкой влияния на исторический процесс и позитивный вклад в историю России Нижнего Новгорода с самого момента его основания, например, Ополчение Минина и Пожарского, «кузница Победы». Такая потребность определяется еще и тем, что историческая наука накопила новые знания, выработала новые подходы к изучению истории Древней Руси, Владимирского княжества и Восточной Европы в домонгольский период. То же самое можно сказать и о развитии знания о прошлом Нижегородского края.

Основными источниками в исследовании данной темы являются Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская первая летописи, сохранившие в своем составе сведения XII–XIII вв. Эти известия – ростовской, владимирской, киевской и новгородской летописных традиций – являются основными для решения поставленных вопросов. Кроме того, Ипатьевская и Лаврентьевская летописи сохранили древнейшие редакции ПВЛ. Софийская первая, Новгородская четвертая и Новгородская Карамзинская летописи с читаемой в них «Повести о битве на Липице» позволяют историкам рассуждать о наличии бродников на рубежах Северо-Восточной Руси. Московский летописный свод конца XV в. дает сведения о договорах залесских князей XII в. с волжскими булгарами. Нижегородский летописец – локальный памятник XVII в. – содержит сведения о русском предшественнике Нижнего Новгорода и о проживании мордвы прямо на его месте. В обеих редакциях «Истории Российской» В.Н. Татищева имеется сведение о том, что на месте Нижнего Новгорода стоял «град болгарский». В исторических очерках нижегородских краеведов П.И. Мельникова (Андрея Печерского), Н.И. Храмцовского появились «легенды»/«предания» о мордовском/бул-

гарском предшественнике Нижнего Новгорода. Археологические данные имеют вес в решении проблемы лишь в сопряжении с письменными источниками, данными топонимии и этнонимии.

Отдельно проблема этнической ситуации в регионе устья Оки в первой трети XIII в. в науке не ставилась. Как само собой разумеющаяся неакадемическая трактовка этнической ситуации проявилась в трудах крупных нижегородских краеведов XIX в. П.И. Мельникова (Андрея Печерского), Н.И. Храмовского, А.С. Гациского. С разной вариативностью она воплощалась на страницах нижегородского (горьковского) краеведения XX в. Из его представителей, пожалуй, можно выделить неопубликованные труды И.А. Кирьянова, где автор своеобразно подошел к проблеме Черемиси-Мещеры². Наверное, впервые к проблеме этнокультурного своеобразия территории раннего Нижнего Новгорода обратился и начала ее решать на основе широкого круга источников Б.М. Пудалов³. Отдельные аспекты этого вопроса разрабатывались историками В.А. Кучкиным⁴, В.Я. Петрухиным⁵, В.В. Фоминым⁶ и др., археологами⁷, исследователями этногенеза мордвы, марийцев, татар, частично затрагивались исследователями отношений Древней Руси и Булгарии. Отражением многоголосицы мнений являются статьи разных авторов, помещенные в энциклопедическое издание «Древняя Русь...»⁸. Не выбивается из такого историографического контекста и зарубежная русистика. Сосредотачивая внимание на собственно древнерусских (славянских) князьях, их походах и основанных ими городах, иностранные историки склонны игнорировать проблемы этнополитического своеобразия на восточных границах Руси и региона устья Оки в частности. Единственное замечание, очевидно, почерпнутое из трудов С.М. Соловьева,

² Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 7875. Оп. 2. Д. 76. Л. 7.

³ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области, 2003.

⁴ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984; Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород: Кварц, 2011.

⁵ Петрухин В.Я. Финские племена и призвание варягов // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 212–214; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Языки русской культуры, 1998.

⁶ Фомин В.В. Пургасова Русь // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 3–17.

⁷ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987; Грибов Н.Н., Ланшин В.А. Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // Археологические вести. Вып. 15. М.: Наука, 2008. С. 149–153.

⁸ Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М.: Ладомир, 2014.

А.Е. Преснякова, касается продвижения Владимирского княжества на восток и основания Нижнего Новгорода в связи с борьбой с агрессивной Волжской Булгарией. Это мнение в вариациях читается в труде крупнейшего знатока Древней Руси – Джона Феннела⁹, а также в работе учеников Дмитрия Оболенского – Саймона Франклина и Джонатана Шепарда¹⁰. Булгарский аспект проблемы этнической ситуации на устье Оки «с высоты птичьего полета» представлен в разделе «Кембриджской истории России», написанной Мартином Дымником¹¹. Историк-эмигрант А.В. Соловьев считал, что бродники, упомянутые в Повести о битве на Липице, представляли собой население, зависимое от русских князей и проживавшее между Городцом и Муромом¹². Это наблюдение обосновал затем Б.М. Пудалов. При малом внимании к проблеме этнополитической ситуации устья Оки зарубежная историография оказывается полезной своими концептуальными наработками. Концепт фронта, представленный в работах А. Каппелера и А. Рибера (см. ниже), много дает для представления сложной этнокультурной картины на крайнем востоке Волго-Окского междуречья.

В данной статье автор обобщает и свои последние исследования в области нижегородики по разным аспектам этнополитической истории домонгольского времени, в ряде мест представляя опыт их автореферирования. Многие из них были вызваны потребностями в ответе на те или иные точки зрения, высказанные коллегами устно – на конференциях, обсуждениях в кулуарах.

Черемись-Мещера

Первое полноценное этноописание устья Оки читается в начальной части ПВЛ: «На Беле озере седять Весь а на Ростове озере Меря а на Клещине озере седять Меря же а по Оце реце кде втечь въ Волгу языкъ свои Мурома и Черемиси свои языкъ и Мордва свои языкъ» и чуть ниже «И се суть инии языке иже дань дают Руси Чюдь Весь Меря Мурома Черемись Мордва Пермь Печера Ямь Литва Зимегола Корсь Нерома Либь»¹³. Если Муром локализуется в связи с Муромом, возможно как субгруппа морд-

⁹ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. М.: Прогресс, 1989.

¹⁰ Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси. 750–1200. СПб: «Дмитрий Буланин», 2000.

¹¹ *The Cambridge history of Russia*, vol. 1 (N.p.: Cambridge University Press, 2006).

¹² Соловьев А.В. Городенские князья и Деремела (к толкованию «Слова о полку Игореве») // *Russia Mediaevalis*. Т. VII. Munchen, 1992. P. 80.

¹³ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. Стб. 10, 11; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. Стб. 8.

вы¹⁴, то с географическим размещением Черемиси и Мордвы возникают вопросы.

Подспорьем в их решении может стать текстология второго фрагмента – о данниках Руси (исследование В.Я. Петрухиным этногеографических экскурсов ПВЛ показало, что мордву и черемись надо исключить из перечня финно-угорских народов, плативших дань Руси: данниками были лишь мурома, весь, меря¹⁵). Весь перечень разбивается на две части: финно-угорские народы и, начиная с финской *Ями (Еми)*, балты. В финно-угорской части наблюдается строгая географическая последовательность. *Чудь* проживала от нынешней Эстонии до земель Пскова и Новгорода. От *Чуди* на восток лежали земли *Веси*. Далее на юг к Волге в районе будущих Ярославля, Костромы и, конечно, Ростова обитала *Меря*. От нее взор летописца переходит на *Мурому* – стык Верхнего и Среднего Поочья. Затем следуют *Черемись*, *Мордва* и на далеко на северо-восток – *Пермь* и *Печера*. Очевидно, что очередность не случайна и отражает соседство финно-угорских народов. Более конкретно перечисление «языков» с привязкой к ориентирам читается в первом фрагменте. Этнотопонимы представлены в том же порядке, что и «данники». *Мурома*, *Черемись* и *Мордва* «прикреплены» к Оке, где она впадает в Волгу. Четкая последовательность трех «языков»: *Мурома–Черемись–Мордва* – позволяет говорить о местах их проживания. От Мурома вниз по Оке к ее устью друг за другом расселялись *Мурома*, *Черемись* и *Мордва*. Учитывая, что наиболее системные и плотные упоминания Мордвы в летописях идут после основания Нижнего Новгорода и в связи с ним, то ее племена применительно к ПВЛ надо расположить у устья Оки. Следовательно, *Черемись* должна была тянуть к берегам Оки между *Муромой* и *Мордвой*.

Такое географическое определение Черемиси в ПВЛ противоречит распространенному в научной среде представлению о ее расселении в средние века между левобережьем Волги и Поволжьем. Это представление зиждется на жесткой презумпции того, что Черемис(ы)ь – это предки марийцев¹⁶. Ведь от черемисов XVI в. наблюдается четкая преемственность

¹⁴ Рябинин Е.А., Кузнецова В.Н. Муромы // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М.: Ладомир, 2014. С. 529–530.

¹⁵ Петрухин В.Я. Финские племена и призвание варягов... С. 212–214.

¹⁶ Голубева Л.А. Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 107; Агеева Р.А. Страны и народы: Происхождение названий. М.: Наука, 1990. С. 64; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России... С. 204; Никитина Т.Б., Архипов Г.А., Сепеев Г.А. Проблема происхождения мари // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000. С. 187;

по отношению к марийцам. Поэтому проецирование ареала марийцев на домонгольское время безосновательно дает такую локализацию Черемиси, что противоречит ПВЛ. Однако других аргументов, кроме совпадения названий, нет. Такая слабо подкрепленная однозначность тезиса, что этноним *черемисы* маркирует предков марийцев/марийцев, позволяет распространить его на оним *чер(е)мись* в трех письменных источниках по домонгольской истории: «Ответное письмо царя Иосифа»¹⁷, уже рассмотренную ПВЛ и «Слово о погибели Русской земли» («И за Дышючимъ моремъ; от моря до болгарь, от болгарь до буртась, от буртась до чермись, от чермись до морьдвй, – то все покорено было Богомъ крестияньскому языку... Буртаси, черемиси, вьда и морьдва бортьничаху на князя великого Володимера»¹⁸). «Письмо царя Иосифа» и «Слово о погибели Русской земли» не дают оснований для четкой локализации Черемиси в домонгольское время: ее можно поместить на место будущих марийцев и туда, где ее определил автор этно-географического экскурса ПВЛ (из многих авторов, пожалуй, лишь В.Т. Пашуто осторожно подошел к этому вопросу, решая его на основе ПВЛ и «Слова о погибели», ограничившись размытым замечанием: «Окраиной вассальной иноязычной сферы, подвластной Суздаю, была земля черемисов, которые несли медовую дань»¹⁹).

Поэтому ПВЛ остается главным источником для историко-географического постижения Черемиси. Тогда оним *Черемись* покрывает регион, очерченный левобережьями Клязьмы (от Владимира к устью) и Нерли, к северу от Оки на участке от устья Клязьмы до впадения в Волгу и Волгой от Городца до устья Оки. По суше локус *Черемись* ограничивался дорогой от Владимира до Городца: Владимир – устье Нерли Клязьминской – Боголюбово – село (урочище) Омут (Омуцкое) у Суздаля – на север и далее на восток (севернее Палеха) – Городец²⁰.

С учетом того, что на этой территории археологические следы проживания кого-либо стремятся к минимуму, то название *Черемись* является, вероятнее всего, хоронимом, обусловленным этнонимом, этноязыковая

Рябинин Е.А. Черемись // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М.: Ладомир, 2014. С. 873.

¹⁷ Еврейско-хазарская переписка о народах Хазарии. Ответное письмо царя Иосифа (пространная редакция) // Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России... С. 352.

¹⁸ Слово о погибели Русской земли // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. С. 90.

¹⁹ Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. С. 214, 243.

²⁰ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. С. 204.

природа которого в домонгольское время не ясна. Так или иначе, но тогда Черемись – это не только и не столько живущий за пределами Руси этнос – предок мари, а до XII в. географически близкая (и иноязычная по отношению к славянам) периферия Древнерусского государства.

Представленная гипотеза о Черемиси подкрепляется решением вопроса о Мещере. Эта проблема, подобно черемисской, имеет, казалось бы, традицию решения: *Мещера* – финно-угорское племя в Поочье (Клязьма, Москва и Средняя Ока), жившее между муромой и мордвой, возможно, родственное *мадьарам*; название *мещера* перешло на звание этнической группы татар-*мишарей*²¹. Среди аргументов в пользу такой точки зрения важными являются упоминания Мещеры в этногеографических экскурсах ПВЛ (sic!), что не подтверждается ее каноническими текстами в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Сама же трактовка Мещеры как предшественницы татар-мишарей определяется некритическим использованием сведений письменных источников и наложении топонимии относительно позднего времени (Рязанская Мещора) на археологические данные.

В средневековых письменных источниках произошла замена домонгольского онима *Черемись* онимом *Мещера*. Впервые это замещение фиксируется в Толковой Палее XIII в.: «...Седять первыи языкъ варяжьскыи вторыи словеньскъ трети чюдъ четвертыи ямь пятыи лопь шестыи пьрмь семыи корела осмыи печера девятыи югра десятыи литва ятвязи ... проуси ... недрова ... меря ... мордъва ... мещера ... моурома ... корсь»²².

Этот перечень Толковой Палеи составлен на основе ПВЛ, и *Мещера* упомянута на месте *Черемиси*. Вероятно, в этом перечне Мещера заменила Черемись во второй половине XIII в., т.к. в «Слове о погибели Русской земли» (до 1246 г.) упоминается Черемись. В этом случае Мещеру надо локализовывать на месте Черемиси – Нижнее Поочье от устья Клязьмы до устья Оки – и не идентифицировать ее с Мещерой на Средней Оке (Рязанская земля, а также Подмосковье).

Лишь затем в ряде летописей XV–XVI вв. Мещера заменяет Черемись в этногеографических экскурсах ПВЛ²³. Появление Мещеры в составе ПВЛ –

²¹ Голубева Л.А. Мещера // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 92; Агеева Р.А. Страны и народы: Происхождение названий. М.: Наука, 1990. С. 64–65; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России... С. 207; Рябинин Е.А. Мещера // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М.: Ладомир, 2014. С. 488.

²² Вилкул Татьяна. Толкова Палея и Повесть временных лет. Сюжет о «разделении языкъ» // *Ruthenica*. Киев, 2007. Т. 6. С. 83.

²³ Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. Т. 25. С. 339; Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ.

текстовый феномен. Такая «операция» была проведена в тех летописях, где читается известие 1392 г. о получении в Орде московским князем Василием Дмитриевичем права на Нижний Новгород с Городцом, Мещерой и Торусой²⁴. Но есть версия и более жесткого присоединения Нижнего Новгорода к Москве, исполненная произвола по отношению к Нижнему Новгороду, например, в Рогожском летописце и Симеоновской летописи²⁵, где Черемись находится на своем месте в разделе ПВЛ²⁶. Первую версию присоединения Нижнего Новгорода к Москве в 1392 г., связанную с пожалованием Тохтамыша, можно назвать легитимизирующей, а другую – волюнтаристской. Легитимизирующая версия выражает интересы московских властей, заинтересованных в наиболее полном перечислении владений, которые они получали. Кроме Нижнего Новгорода, Городца и некоей Торусы, Москва обзавелась Мещерой, ранее бывшей во власти нижегородских князей. Очевидно, что это отнюдь не Меще(о)ра Рязанского княжества. Замена Черемиси Мещерой была в разделе ПВЛ ряда русских летописей XV–XVI вв. сделана задним числом для узаконения присоединения последней. Получается, что до 1392 г. территории Черемиси и Мещеры были одним и тем же локусом, только с разными онимами.

Свидетельствует в пользу этих выводов и незащищенная докторская диссертация 1970-х гг. крупного нижегородского краеведа И.А. Кирьянова о неславянском населении Поочья и Верхнего и Среднего Поволжья²⁷. В ней имеется глава о Черемиси-Мещере. На основе комплексного изучения письменных источников XIV–XVI вв., топонимии и антропонимии И.А. Кирьянов показал, что ареалом Черемиси-Мещеры стала территория правобережья Оки напротив устья Клязьмы (маркер Мещерск – совр. Горбатов), что его население еще в XV–XVI вв. называлось то черемисами, то мещеринами и что не относит их ни к марийцам, ни к мишарям (позднее это население было ассимилировано русскими). Данный анклав Черемиси-Мещеры надо расширить за счет района, ограниченного Волгой, нижней Окой, Клязьмой и сухопутным путем от Владимира до Городца. На терри-

М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 6; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 5; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. Т. 26. С. 12.

²⁴ Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. Т. 25. С. 219.

²⁵ Рогожский летописец // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 15. Стб. 162–163; Симеоновская летопись // ПСРЛ. М.: Знак, 2007. Т. 18. С. 142.

²⁶ Рогожский летописец... Т. 15. Стб. 1; Симеоновская летопись... С. 5.

²⁷ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 7875. Оп. 2. Д. 76. Л. 5

тории заречной части Нижнего Новгорода существует водоем *Мещерское озеро* – топонимический след проживания Мещеры на этой территории. С учетом отсутствия четко выраженных археологических следов в этой местности – в правобережье Волги и левобережья Оки от ее устья до левобережной Клязьмы – можно предположить, что она была промысловым владением Черемиси (затем называемой Мещерой).

Выявление Черемиси как этногеографической реальности в Нижнем Поочье позволяет выявить дополнительные аспекты военно-политической деятельности залесских князей. Владимиром Мономахом после набега болгар в 1107 г. на Клязьме возводятся Владимир и Ярополч (ок. совр. Вязников). Они блокировали возможное проникновение врагов по Клязьме внутрь Ростовской земли²⁸. Однако в дальнейшем правобережье Клязьмы продолжило укрепляться градами: в 1158–1174 гг. устье Клязьмы закрыл Гороховец²⁹. В 1217 г. в летописи был упомянут Стародуб³⁰ (совр. Клязьминский городок недалеко от Коврова). Все течение Клязьмы оказалось прикрытым крепостями. Течение реки было естественной границей Владимирского княжества с Черемисью. Гороховец, поднявшийся у устья Клязьмы, стал форпостом проникновения Владимирского княжества на Нижнюю Оку и земли по ее обоим берегам. Это утверждение позволяет усомниться в вышеприведенном тезисе, согласно которому Черемись на левом берегу Оки была лишь промысловой территорией. Поэтому надо формулировать проблему Черемиси-Мещеры как важный этнополитический фактор при минимуме его отражения в источниках. Кроме того, Черемись надо отнести, наряду с мордовскими племенами, к автохтонам.

При Андрее Боголюбском, кроме Гороховца, был заложен самый древний город Нижегородской области – Городец, появившийся во временной промежутке с 1164–1171 гг.³¹ Кроме прочего, он стал еще одним пунктом, связанным с ограничением Черемиси рubeжной сухопутной дорогой от Владимира. Логическим продолжением такого контроля должно было стать и «оседлание» Владимирским княжеством устья Оки. Очевидно, данное стремление и стало одной из причин основания Нижнего Новгорода в

²⁸ Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород: Кварц, 2011. С. 12–13.

²⁹ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб.: Наука, 2006. С. 173; Кучкин В.А. Северо-Восточная Русь при Юрии Долгоруком и его преемниках // Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье... С. 24.

³⁰ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 442.

³¹ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области, 2003. С. 71–75.

1221 г. Его появление замкнуло цепь градов вокруг левобережной Черемиси и сразу дало возможность воздействовать на правобережную Черемись и породило выход на мордовский рубеж и серию столкновений с мордвой владимирских князей.

Державное очерчивание территории Черемиси Андреем Боголюбским и Георгием Всеволодовичем – от Гороховца и Городца к Нижнему Новгороду – позволило их преемникам до XVII в. решать задачи освоения территории Черемиси (Мещеры). Уже с XV в., после переименования Черемиси, упоминаемой в ПВЛ, в Мещеру, оним *Черемись* стал перемещаться на предков марийцев. Причины этого процесса неизвестны.

Славянское население и устье Оки до 1221 г.

Достоверные письменные источники не содержат точных сведений о присутствии восточных славян в локусе впадения Оки в Волгу до 1221 г. Лишь в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях читается известие о зимнем – 1171/1172 г. – рейде на волжских булгар сына Андрея Боголюбского – Мстислава. Согласно этому сообщению болгарская погоня отказалась от преследования небольшой дружины за 20 верст до устья Оки³². Естественно, что эта информация не свидетельствует о постоянном пребывании и проживании русских на месте будущего Нижнего Новгорода.

В позднем памятнике местного летописания XVII в. – Нижегородском летописце – содержится уникальное известие о «старом городке», стоявшем чуть выше устья Оки на ее правом берегу. Старый Городок якобы основали «великие князи суздальские», когда ходили на «взыскание града»³³. Местоположение Городка таково, что с ним связаны были остатки крепости первой половины XV в., в которой располагался московский гарнизон до 1445 г.³⁴ Не зная его истории, нижегородцы XVII в. предложили легендарное объяснение, проявившееся затем в летописи.

В XIX в. П.И. Мельников (Андрей Печерский) уже пытался свести известие Нижегородского летописца и наличие остатков крепости XV в. Результатом такой процедуры стало появление загадочной легенды об Абрамовом городке в «Очерках мордвы». По этой легенде, дружина безы-

³² Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 364; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. Стб. 564–565.

³³ Нижегородский летописец // *Шайдакова М.С.* Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2006. С. 140, 147, 155, 173–174, 187–188, 202, 216–217, 229–230, 242, 253, 262.

³⁴ *Грибов Н.Н., Латшин В.А.* Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // *Археологические вестн.* Вып. 15. М.: Наука, 2008. С. 149–153. *Он же.* *Грибов Н.Н.* Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН, 2018. С. 258–267.

мянного русского князя разгромила поселение мордвина Абрамки (на месте близ будущего кремля) и обосновалась в построенной крепости вверх по Оке. Затем русских изгнали мордвины, собравшиеся со всей округи, и тогда владимирский князь пришел и основал Нижний Новгород. События легенды развивались незадолго до 1221 г.³⁵ Позднее П.И. Мельников отверг эту легенду, объявив ее сочинением некоего автора³⁶, но текст зажил своей жизнью. В труде Н.И. Храмцовского время легенды было перенесено на 1171/1172 г., князь получил имя Мстислава Андреевича, а мордовский Абрамов Городок стал превращаться в болгарскую факторию Ибрагимов Городок. Текстология этих нарративов в работах П.И. Мельникова и Н.И. Храмцовского показала их принадлежность к истории нижегородской литературной традиции XIX в.³⁷ Поэтому о присутствии русского славянского населения непосредственно на устье Оки до основания Нижнего Новгорода говорить нельзя.

Проблема славянского населения в дальних окрестностях Нижнего Новгорода в первой трети XIII в. связана еще и с бродниками и Пургасовой Русью. Наличие бродников в этом регионе выводится из «Повести о битве на Липице», читаемой в летописях XV в. «Повесть» рассказывает о том, что на стороне владимирского князя Георгия (Юрия) Всеволодовича и его брата Ярослава выступили бродники³⁸. Поскольку между решением владимирского князя о выходе на войну и прибытием на Липицкое поле прошло мало времени, то бродники должны были располагаться где-то поблизости, а не на юге Руси, где раньше о них упоминали летописи. Следующим шагом в обретении бродников на волго-окских границах Владимирского княжества стала их идентификация как Пургасовой Руси, обитавшей в Пургасовой волости³⁹. Два последних словосочетания единожды фигурируют в

³⁵ Мельников П.И. Очерки мордвы // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова. М.–СПб., 1909. Т. 7. С. 414–415.

³⁶ Гациский А.С. Нижегородка // Гациский А.С. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 2001. С. 44.

³⁷ Кузнецов А.А. Абрамов городок, Старый городок на Дятловых горах: ономастические аспекты развития нарратива о предшественнике Нижнего Новгорода // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей. Вып. 14. Нижний Новгород: изд-во Pixel-print, 2016. С. 68–74.

³⁸ Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 188, 191; Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 265, 269; Новгородская Карамзинская летопись. Вторая выборка // ПСРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. Т. 42. С. 108, 109.

³⁹ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. СПб.: Наука, 2006. С. 183; Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших рус-

Лаврентьевской летописи под 1229 г. в связи с мордовским предводителем Пургасом⁴⁰.

Изучение формирования «Повести о битве на Липице» показало, что она является литературным сочинением – памфлетом против владимирских князей – основанном на сведениях Новгородской первой летописи о битве на Липице. И если в рассказе Новгородской первой летописи бродники не упоминаются на Липице, то в «Повести о битве на Липице» они появились как средство шельмования владимирских князей и как результат публицистического реванша за предательское поведение бродников в битве на Калке в 1223 г.⁴¹ Поэтому сам предмет обсуждения – бродники в Северо-Восточной Руси – отсутствует. По одному же упоминанию Пургасовой Руси нельзя сделать никаких уверенных гипотез, кроме очень шаткого предположения, что это могли быть славяне, бежавшие в мордовские земли. И такой процесс мог проходить уже после 1221 г. Привлечение археологического материала ничего не дает для идентификации Пургасовой Руси. Например, В.В. Фомин предложил считать «Пургасову Русь» остатком варяжской – из балтийских славян (версия А.Г. Кузьмина) – или иранской Руси (версия Е.С. Галкиной), инородной для этнического мордовского массива. В.В. Фомин привлек большой массив археологического и антропологического материала⁴². Но аргументы В.В. Фомина взяты из археологических исследований: ссылки идут на артефакты, не относящиеся к мордовским, но найденные на территории, где в XIV–XXI вв. проживала и проживает мордва. Этот ареал проживания мордвы в Восточной Европе формировался в ордынское и постордынское время. До нашествия Батыя карта этнического расселения разных этносов Восточной Европы, в том числе и мордвы, отличалась от той, что является привычным для XVIII – начала XXI в. Поэтому попытка привязать Пургасову Русь к той или иной археологической немордовской «аномалии» на территории сегодняшнего размещения мордвы требует дополнительных аргументов, коих не приведено. Эти неспецифические для мордвы древности находятся достаточно далеко от Нижнего Новгорода, на территории нынешней Республики Мордовия. Чтобы дойти туда русским дружинам в 1229 г., надо было преодолеть достаточно протяженный пояс расселения незамирной (по крайней

ских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области, 2003. С. 204–205.

⁴⁰ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. Стб. 451.

⁴¹ Кузнецов А.А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2006. С. 199–277, 302–311.

⁴² Фомин В.В. Пургасова Русь // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 10–14.

мере, источники умалчивают об обратном) мордвы, начинавшийся в 60 км к югу от Нижнего Новгорода. И логичнее где-то в этом районе размещать племенное объединение Пургаса. Кроме того, аргументация В.В. Фомина строится на предположении, что Пургасова Русь – это либо иранская, либо балтийская Русь, которые сами по себе весьма предположительны (точки зрения А.Г. Кузьмина и Е.С. Галкиной суть допущения) в этно-историческом контексте региона в домонгольское время. И сама версия В.В. Фомина выстраивается на основе обусловленных допущений, в том числе и археологических. В силу этого непрямого доказательного ряда интересное мнение В.В. Фомина попадает в ряд интересных догадок о Пургасовой Руси⁴³.

Вышеприведенные рассуждения позволяют утверждать, что постоянное славянское население появилось на устье Оки вместе с Нижним Новгородом. Проблема Пургасовой Руси остается открытой в силу единичности и лапидарности ее упоминания.

Устье Оки, мордовские племена и половцы

Сведения о мордве домонгольского времени, почерпнутые из достоверных письменных источников (Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская первая летописи), позволяют говорить о том, что мордва находилась на периферии политического и географического интересов древнерусского книжника. Более того, складывается ощущение, что после этногеографических экскурсов ПВЛ представления у древнерусских интеллектуалов о мордве были туманны и путаны, типа: «Где-то там; за тридевять земель» – лишь в связи с конкретными упоминаниями в событиях XII в. (в XI в. мордвы нет). Два события эти конфликтны. То мордва нападает в 1104 г. на Муром⁴⁴, то Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, возвращаясь из общерусского похода на болгар, «коне пусти на мордву» (так и неясно, где проживавшую)⁴⁵. Редкие, нечеткие упоминания мордвы в контексте конфликтов косвенно подтверждают тезис В.Я. Петрухина, что она не входила в число данников Руси. И применительно к XII в. нет оснований видеть ее населением будущего Нижнего Новгорода, скорее местом ее обитания была земля недалеко от Мурома.

Плотный пласт сведений о мордве представлен в Лаврентьевской летописи (в других летописях только его повторения с сокращениями) в

⁴³ Фомина В.В. Пургасова Русь... С. 5–10.

⁴⁴ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. Стб. 279–280; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. Стб. 255–256; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 3. С. 19, 203.

⁴⁵ Лаврентьевская летопись... Стб. 390.

связи с основанием Нижнего Новгорода. В 1226 г. – победоносный поход братьев великого владимирского князя Святослава и Ивана Всеволодовичей на мордву, в ходе которого было взято несколько сел⁴⁶. В сентябре 1228 г. войска под руководством ростовского князя, племянника великого владимирского князя, Василька Константиновича и воеводы Еремея Глебовича уже были в пределах мордовских за Нижним Новгородом, когда владимирский князь Георгий (Юрий) Всеволодович приказал вернуться из-за непогоды⁴⁷. В масштабном походе на мордву в январе 1229 г. участвовали дружины Георгия и Ярослава Всеволодовичей, Василька и Всеволода Константиновичей, муромского князя Юрия Давыдовича (действовал со стороны Муром). Была разорена Пургасова волость, мордва укрылась в лесах. Туда устремились «молодии Ярославли и Василкови, и Всеволожи». Мордва обошла их лесами и «избиша». Тогда же на ротника Георгия Всеволодовича – Пуреша – хотел напасть болгарский князь, но, узнав об опасной близости русских дружин, ретировался⁴⁸. В апреле 1229 г. состоялся ответный рейд Пургаса на Нижний Новгород: город отбил, но были сожжены монастырь Богородицы и церковь вне укреплений⁴⁹. Не взявшего Нижний Новгород Пургаса разгромил Пурешев сын с половцами: были избиты вся мордва и загадочная «Пургасова Русь» (единственное упоминание Пургасовой Руси не оставляет возможности для ее идентификации), а Пургас едва убежал⁵⁰. В 1232 г. «посла великый князь Георги сына своего Всеволода на Мордву а с ним Феодоръ Ярославич и Рязанскыи князи и Муромскыи и пожгоша села их а Мордвы избиша много»⁵¹.

Можно констатировать, что появление Нижнего Новгорода стало началом целой серии походов русских князей на мордву, которая жила на некотором удалении от устья Оки. На территории будущего Нижнего Новгорода постоянных мордовских поселений не было. Уже не раз в литературе отмечалось, что мордва не жила непосредственно на берегах крупных рек в силу своего политического развития⁵². Изучение сведений о владимирско-мордовских отношениях в 1220-е гг. показывает, что можно говорить о наличии к югу от Нижнего Новгорода двух мордовских объединений. Одно из них возглавлял Пургас, другое предположительно – Пуреш (если только

⁴⁶ Лаврентьевская летопись... Стб. 448–449.

⁴⁷ Там же. Стб. 450–451.

⁴⁸ Там же. Стб. 451.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Стб. 459.

⁵² *Воронин И.Д.* К вопросу о мордовской топонимике // Записки НИИ при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск, 1951. Вып. 13. С. 281–282.

он мордвин – см. ниже). Объединение Пургаса находилось в 100–120 км к югу от Нижнего Новгорода, а Пуреша – 60–80 км⁵³. Нижний Новгород был поставлен, кроме прочего, и как центр продвижения в мордовские земли, и форпост грабительских походов против той мордвы, которая сопротивлялась бесцеремонному вторжению. Тем не менее, в исторической и окологородской среде бытует представление о том, что Нижний Новгород был возведен чуть ли не на месте мордовского поселения.

Эти представления восходят к уже упоминавшемуся сведению о Старом Городке из Нижегородского летописца: «В Нижнем Новгороде под старым городкомъ вверхъ по Оке реке была слобода на берегу Оки реки... А тотъ городокъ поставленъ былъ, какъ великие князи суздальские ходили на взыскание града, где поставити градъ и жити в немъ, и распространити княжение свое суздальское на Низовской земле, за Окою и за Волгою реками. А мордву отогнал и жилища ихъ и зимницы разорил, и землю у нихъ отнял»⁵⁴. Как уже упоминалось, П.И. Мельников для объяснения этого известия сочинил легенду о мордовском Абрамовом Городке и сказание о Скворце и Дятле. Второе было нужно, чтобы от имени мордвина Дятла вывести этимологию Дятловых гор, на которых стоит Нижний Новгород. Ороним Дятловы горы впервые читается только в «Книге Большому Чертежу» (1627 г.), и П.И. Мельников после ее публикации поспешил использовать эту информацию для «расширения» нижегородской истории. Признание этих текстов негодными для изучения основания и ранней истории Нижнего Новгорода позволяет отрицать постоянное присутствие мордвы на месте будущего Нижнего Новгорода.

В историографии устоялся факт: упомянутые в 1229 г. Пургас и Пуреш являются предводителями мордвы. Они действуют в одном локусе, у них созвучны имена. И ситуация, когда один из них противник владимирского князя, другой – его ротник, наверное, соответствует политике «разделяй и властвуй», которую должен был проводить владимирский князь среди мордвы. Однако во втором (косвенном) упоминании Пуреша «победи Пургаса Пурешев сын с Половци»⁵⁵. Итак, в районе недавно основанного Нижнего Новгорода действует сын ротника владимирского князя с половцами. Если исключить созвучие имени Пуреша и Пургаса, то от мордовской природы первого ничего не остается. Если допускать, что Пу-

⁵³ Кузнецов А.А. Князь великий Георгий – основатель Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: Деком, 2017. С. 125.

⁵⁴ Нижегородский летописец... С. 140, 147, 155, 173–174, 187–188, 202, 216–217, 229–230, 242, 253, 262.

⁵⁵ Лаврентьевская летопись... Стб. 451.

реш – мордвин, то тогда имеется единственное упоминание роты со стороны финно-угров. Зато более в XII – начале XIII в. естественной была рота со стороны половцев. Под 1183 г. даже упоминается «рота Половецкая», в которую их водил Всеволод Юрьевич у болгарского Великого города⁵⁶. Даже если Пуреш – мордвин, то почему его сын руководит половцами, на каких основаниях? Контекст упоминания половцев в летописном отрывке естественен. Поэтому надо полагать, что половцы в лесной зоне к югу от Нижнего Новгорода – данность. Причем данность такая же, как загадочная «Пургасова Русь».

Устье Оки и Волжская Булгария

Исходная проблема: многими исследователями разделяется мысль о том, что до 1221 г. устье принадлежало (входило в сферу влияния / контролировалось Волжской Булгарией).

Обзор русско-булгарских отношений на протяжении XII в. показывает, что русские княжества, прежде всего Владимирское (Ростовское), проводили активную экспансию в отношении Волжской Булгарии. Последняя после набега 1107 г. на Суздаль и до рейда на Устюг и Унжу в 1220 г. вообще не предпринимала наступательных акций и, по сути, стала объектом агрессивных устремлений владимирских князей (1164, 1172, 1183, 1186, 1205 гг.). В ходе этого военно-политического шествия Владимирского княжества был заложен Городец, и фактом своего существования он обуславливал необходимость борьбы за устье Оки. Появление там в 1221 г. Нижнего Новгорода, кроме замыкания Черемиси, решало задачи закрепления Владимирского княжества на стратегически выгодном участке средотечения Верхней и Средней Волги, установление доминирования на Оке по отношению Муромскому, Рязанскому и даже Черниговскому княжествам, начала продвижения в мордовские пределы.

При анализе этих и иных преимуществ, которые давало обладание устьем Оки, возникают и недоумение, почему «природа терпела эту пустоту», и соблазн заполнить ее то русским, то мордовским, то болгарским предшественником Нижнего Новгорода. Если первым двум уже отказано в праве на историческое существование, то в отношении болгарского поселения и контроля местности ситуация обстоит сложнее.

Волжская Булгария в силу своего экономического, политического развития и военного потенциала была весомым конкурентом Руси и русских княжеств в Поволжье в X – первой трети XIII в. Поэтому она могла претендовать на важный стратегический пункт впадения Оки в Волгу. Кро-

⁵⁶ Лаврентьевская летопись... Стб. 389.

ме этого соображения имеется упоминание в летописях переговоров владимирского князя Георгия (Юрия) Всеволодовича с булгарами в Городце и о заключении с ними мира в конце 1220 г.⁵⁷ Условий мира в источниках не приводится, однако в 1221 г. (вероятно, стык весны – лета, поскольку в августе все силы Владимирского княжества ушли к Новгороду) был основан Нижний Новгород⁵⁸. Этот факт позволяет предположить, что на переговорах в Городце речь шла будто бы и об уступке булгарами Владимирскому княжеству устья Оки. В пользу болгарского присутствия на устье Оки до 1221 г., казалось бы, свидетельствует и текст об Ибрагимовом (Абрамовом) Городке – болгарской фактории – у Н.И. Храмцовского.

Слабыми местами этого предположения являются:

1) стояние русских дружин на устье Оки зимой 1171/1172 г. и прекращение болгарской погони за 20 верст до этого места; надо объяснить, когда этот район подпал под власть болгар во временном интервале 1172–1220 гг. – сведений для этого нет;

2) переговоры 1220 г. были вызваны угрозой со стороны владимирского князя повторить большой поход против болгар, и речь в Городце шла об именно этом; факт уступки булгарами территории априори предполагает у них наличие административной системы управления, демаркации и охраны рубежей, более присущих государству модерна – ничего этого применительно к началу XIII в. в Северо-Восточной Руси и Булгарии не наблюдается;

3) на территории Нижнего Новгорода не обнаружено следов и артефактов пребывания болгар или славян до 1221 г.;

4) повествование, приведенное Н.И. Храмцовским, где упоминается болгарская фактория Ибрагимов Городок, есть развитие литературного текста П.И. Мельникова об Абрамовом Городке; на превращение мордовского поселения в болгарское повлиял В.Н. Татищев (его труд Н.И. Храмцовский использовал⁵⁹); в рассказе об основании Нижнего Новгорода В.Н. Татищев писал: «где издавна был град болгарский и от русских разорен»⁶⁰ (первая редакция второй части: «бе бо ту первее град болгарский»⁶¹) – однако в исторических источниках ни до, ни после В.Н. Татищева такой информации нигде не содержится; ее разовое появление, если даже это заимствова-

⁵⁷ Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л.: Наука, 1949. С. 116–117.

⁵⁸ Лаврентьевская летопись... Стб. 445.

⁵⁹ *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, 1998. С. 21, 525.

⁶⁰ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. М.–Л.: Наука, 1964. С. 212.

⁶¹ Там же. С. 360.

ние из какого-то исторического источника, не позволяет провести ее источниковедческую критику и использовать в реконструкции; тем более, факт литературного происхождения генетически связанных текстов П.И. Мельникова и Н.И. Храмовского дополнительно дискредитирует сведение об Ибрагимовом Городке.

Эти соображения позволяют говорить о том, что в микрорегионе устья Оки до 1221 г. не было постоянного военно-политического и экономического (взимание дани) присутствия болгар, равно как и Владимирского или Муромского/Рязанского княжеств. Парадоксальность такой ситуации объясняется именно стратегической выгодностью положения локуса и его своеобразной ландшафтной равноудаленностью от Владимирского княжества и земель Булгарии. Для того, чтобы закрепиться на месте впадения Оки, нужна была не только крепость с гарнизоном, но и инфраструктура, которая бы связывала бы форпост с «метрополией», обеспечивала бы помощь. До определенного времени таким потенциалом не обладали ни древнерусская государственность, ни болгарская. Военно-политическое и географическое положение между ними на устье Оки можно обозначить термином *фронтир*. Он позволяет охарактеризовать локус при впадении Оки в Волгу как политически ничейную территорию, на которой происходили столкновения русских дружин и болгарских отрядов.

Начиная с Андрея Боголюбского, прослеживается геостратегическое приближение Владимирского княжества к стыку Верхнего и Среднего Поволжья и всей Оки. Оно выразилось в основании Гороховца (при впадении Клязьмы в Оку) и Городца на Волге. Со стороны Волжской Булгарии такого движения не наблюдалось, как и не подтверждается владение ею местом, где потом был основан Нижний Новгород.

После того, как были поставлены Гороховец и Городец, по логике геостратегического закрепления Владимирского княжества на Оке и Волге должно было быть оседлано устье Оки. Это и произошло в 1221 г. основанием Нижнего Новгорода. Этот акт владимирского князя Георгия (Юрия) Всеволодовича укрепил позиции Владимирского княжества во фронтуре схождения Верхнего и Среднего Поволжья с Поочьем и минимизировал там военно-политические позиции болгар. Поэтому с 1223 г. они сопротивлялись и на протяжении 6 лет вели войну против русских к югу от Нижнего Новгорода. При этом болгары использовали конфликтную ситуацию с мордвой. Так, в январе – феврале 1229 г. одновременно с походом русских дружин на «Пургасову волость» болгарский «князь» шел на ротника Георгия Всеволодовича – Пурешу, но, узнав о близости залесских полков, рети-

ровался⁶². Очевидно, это действие болгар надо рассматривать в контексте «скрытой» русско-болгарской войны 1223–1229 гг. Говорить о ней позволяет владимирско-болгарский мир в 1230 г.⁶³, заключенный после истории с замученным в Булгарии христианским купцом Авраамием в 1229 г.⁶⁴. Согласно сообщению о договоре 1230 г. он заключался после 6 лет «розмирья» и предусматривал обмен пленными. Кроме упоминания болгарского князя в 1229 г. к этой войне можно отнести и незаконченную фразу в Лаврентьевской летописи под 1224 г.: «Посла великий князь Гюрги брата своего Володимира и сыновца своего Всеволода Константиновича с полкы»⁶⁵. После записи был летописцем оставлен пробел в 1,5 строки. Данный поход относился к войне с булгарами⁶⁶. Возможно, заключению мира в 1230 г. способствовала монгольская опасность. В 1229 г. сообщается о бегстве болгарских сторожей, саксинов и половцев в центр Булгарии с берега Яика, поскольку там уже появились татары⁶⁷. Выявление этой войны показывает, что болгары не уступали устья Оки на переговорах 1220 г. Основание Нижнего Новгорода было волевым решением владимирского князя, и болгары безуспешно попытались противодействовать этому.

Выводы

К 1221 г. место будущего Нижнего Новгорода на правобережье Оки и Волги было пустынным. Древнерусские княжества и Булгария не могли его закрепить за собой в силу его удаленности. Никаких мордовских поселений непосредственно на крутых правобережных окских и волжских берегах быть не могло. Владимирская (белозерская, муромская, рязанская и пр.) рать или болгарский отряд попросту уничтожили бы это поселение. И для возникновения его нужны были социально-экономические и политические предпосылки (другими словами, наличие государственных начал), должного – для фиксации военно-политической организации – уровня которых у мордвы на рубеже XII–XIII вв. не наблюдается. Поэтому автохтонные мордовские племена селились на некотором расстоянии от Оки и Волги, чтобы не попасть под удары более сильных соседей. Молчание летописей с 1103 г. до 1226 г. о стычках с мордвой дополнительно аргументирует это

⁶² Лаврентьевская летопись... Стб. 451.

⁶³ Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. М.: Знак, 2007. С. 54.

⁶⁴ Лаврентьевская летопись... Стб. 452, 453.

⁶⁵ Там же. Стб. 447.

⁶⁶ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области, 2003. С. 193.

⁶⁷ Лаврентьевская летопись... С. 453.

предположение. Экономика мордвы в силу особенностей ее развития не была нацелена на получение преференций от эксплуатации участка Волжско-Окского пути. Он привлекал, прежде всего, владимирских князей.

Изучение летописных сведений показывает, что и половцы в первой трети XIII в. являлись реальностью в округе Нижнего Новгорода, о чем свидетельствует обыденный контекст их единственного упоминания в микрорегионе, конечно, не в таком массовом проявлении, как в Южной Руси. Данное указание письменных источников может в дальнейшем выступить стимулом для поиска археологических следов присутствия кочевников, привычных исключительно для южнорусских степей. И «кандидатом» в выразители половецкого присутствия может являться Сарлейский могильник, который характеризуется исследователями как результат следствия мордовско-половецкого смешения⁶⁸. И здесь важной проблемой является время прихода номадов в залесенное пространство Волги и Оки: до основания Нижнего Новгорода или после 1221 г. К сожалению, источники на сей счет молчат. Однако в любом случае половцы не были здесь исконными жителями, как мордва и черемись.

Неразрешенной является проблема Пургасовой Руси из-за единичного упоминания в летописи. Даже если из всего спектра предположений предпочесть объяснение их славянами под властью Пургаса, то остается проблема датировки образования этой группировки: может быть, уже после 1221 г. Зато появились основания говорить о Черемиси как этнокультурной реальности до 1221 г. Ее территориальный массив по левому берегу Оки на протяжении XII – первой трети XIII в. обставляется владимирскими городами по Клязьме, Городцом и, в конце концов, Нижним Новгородом. Он же мог выступить и форпостом для движения на Черемись в районе будущего Горбатова на правом берегу Оки.

Эти факты позволяют видеть в районе устья Оки пеструю зону смешения этносов, культурных влияний и политических интересов (Древнерусского государства и Булгарии). Для Булгарии и древнерусских княжеств эта зона представляла ничейную территорию⁶⁹, где их устремления и векторы экспансии могли сталкиваться и противодействовать, то есть фронтир. Его природа определялась и скрытой угрозой со стороны Черемиси,

⁶⁸ *Аникин И.С.* Об этнической принадлежности курганных погребений средневековой мордвы (по материалам Сарлейского могильника) // Поволжские финны и их соседи в эпоху Средневековья: Тезисы докладов. Саранск, 2000. С. 67–70.

⁶⁹ *Чернецов А.В.* К проблеме исторического значения монголо-татарского нашествия как исторического рубежа // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука, 2003. С. 13–14.

против которой возводились города-крепости по Клязьме, а также Городец и Нижний Новгород.

Появление в 1221 г. Нижнего Новгорода знаменовало собой преобразование фронта. Он теперь охватывал лишь порубежную часть мордовского массива, который простирался значительно шире Нижегородского Поволжья, и задевал зону Черемиси на левобережье Оки. Причем этот фронт был удален от Булгарии, и мордва самостоятельно противилась проникновению русских на восток Волго-Окского междуречья. Свою роль в нем играли половцы, тяготевшие к Владимирскому княжеству.

Применение категории «фронт» позволяет представить картину событий и процессов вокруг основания Нижнего Новгорода, отличную от традиционной для историографии. Устье Оки, несмотря на все преимущества своего расположения, до 1221 г. не было освоено в военно-политическом плане. Для Булгарии и Владимирского княжества оно было достаточно далеко, чтобы его контролировать. Поэтому городецкий мир 1220 г. не предусматривал передачу Булгарией Владимирскому княжеству места, где потом был основан Нижний Новгород. Мордва непосредственно на берега Волги и Оки не выходила из-за угрозы быть разгромленной теми же русскими и булгарами.

Использование термина «фронт»⁷⁰ позволяет избежать модернизации в исследовании событий в Волго-Окском регионе после 1221 г. Границы до и после основания Нижнего Новгорода в регионе были размытыми и пористыми. Основанием Нижнего Новгорода Владимирское княжество вторглось в этот фронт, изменило систему его отношений. Всплеск военной активности мордвы и болгар стал реакцией на это вторжение.

Походы владимирских, муромских и рязанских князей на мордву были обусловлены проникновением во фронт Среднего Поволжья. Нижний Новгород, возвысившийся на горах, охваченных петлей Волги и впадающей в нее Оки, породил новый геостратегический горизонт – проникновение в мордовские земли. Вторжение в мордовские земли было обусловлено созданием безопасной округи Нижнего Новгорода, отодвиганием мордвы от берегов Оки на протяжении от Муroma до Нижнего Новгорода, а также жаждой военной наживы. Выйдя в 1221 г. на Волгу в районе устья Оки, решив важные «геополитические» проблемы, Владимирское княжество не

⁷⁰ Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала «Ab Imperio»). Казань, 2004. С. 199; Andreas Kappeler, “The Russian Southern and Eastern Frontiers from the 15th to the 18th Centuries,” *Ab Imperio*, no. 1 (2003): 47–49.

стремилось к систематической эксплуатации мордовских протогосударственных объединений. Ни письменные источники, ни данные археологии не подтверждают распространенного в историографии мнения, что до середины XIV в. Нижний Новгород был центром постоянного взимания дани с мордвы. Стяжательские порывы князей ограничивались добычей в походах на упорного Пургаса. Как указывалось автором статьи в предшествующих публикациях, борьба Владимирского княжества и Пургаса в 1220-е гг. было конфликтом двух правд. Кроме исторической правоты княжества, своим расширением обеспечивавшим будущее российской государственности, была и правда правителя (Пургаса), защищавшего интересы своего малого народа и своей земли. В этом столкновении владимирские Рюриковичи вынуждены были учитывать сопротивление своему имперскому давлению. Видимо, владимирскому князю нужно было гарантировать безопасность Нижнего Новгорода, отрезанного от основной территории Владимирского княжества.

Основание Нижнего Новгорода, пожалуй, впервые дает возможность выявлять причины, мотивы и наблюдать конкретные способы и стратегии освоения территорий иноплеменных и иноязычных этносов древнерусской (а затем и российской) государственностью в борьбе с равным по весу противником. Этот процесс, начавшийся основанием «града на устье Оки» незадолго до нашествия Батые, оказался отложенным на столетие, но затем продолжился в продвижении Российской государственности по Волге и на Восток. И в этой поступи учитывался опыт драматического, конфликтного и неоднозначного включения «иных языков» под державную длань владимирских Рюриковичей, основавших Нижний Новгород. Говоря современным языком, в 1220-е гг. это было начало опыта имперского собирания разных этносов, продолженное уже в XV в.

© Кузнецов А.А., 2018

Рукопись поступила: 27 июля 2018 г.
Submitted: 27 July 2018

References

- Ageeva, R.A. *Strany i narody: Proishozhdenie nazvanii* [Countries and peoples: Origin of names]. Moscow: Nauka Publ., 1990 (in Russian).
- Anikin, I.S. “Ob etnicheskoj prinadlezhnosti kurgannyh pogrebenii srednevekovoi mordvy (po materialam Sarleiskogo mogil’nika).” In *Povolzhskie finny i ih sosedi v epohu Srednevekov’ya* [“On the ethnicity of the burial mounds of the medieval Mordovians (based on the materials of the Sarlai burial ground)]. Saransk: [S.n.], 2000 (in Russian).

- Maureen, Perry, ed. *From Early Rus' to 1689*. Vol. 1 of *The Cambridge history of Russia*. N.p.: Cambridge University Press, 2006.
- Chernetsov, A.V. “K probleme istoricheskogo znacheniya mongolo-tatarskogo nashestviya kak istoricheskogo rubezha.” [The problem of evaluation of historic significance of the Mongol-Tatar invasion as chronological marker] In *Rus' v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni*, 12–17. Moscow: Nauka Publ., 2003 (in Russian).
- Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: enciklopediya* [Old Rus' in the medieval world: an encyclopedia]. Moscow: Ladimir Publ., 2014 (in Russian).
- “Evreisko-hazarskaya perepiska o narodah Hazarii. Otvetnoe pis'mo tsarya Iosifa (prostrannaya redakciya).” [Jewish-Khazar correspondence about the peoples of Khazaria. A response letter to king Joseph (extensive edition)] In Petruhin, V.Ya., and Raevskii, D.S. *Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e*, 352–353. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998 (in Russian).
- Fennel, J. *Krizis srednevekovoi Rusi. 1200–1304* [The Crisis of Medieval Russia 1200–1304]. Moscow: Progress, 1989 (in Russian).
- Finno-ugry i balty v epohu srednevekov'ya* [Finno-Ugric and Baltic in the middle ages.] Moscow: Nauka Publ., 1987 (in Russian).
- Fomin, V.V. “Purgasova Rus'.” [The Rus' of Purgas]. *Voprosy istorii*, no 9 (2007): 3–17 (in Russian).
- Franklin, S., and Shepard, J. *Nachalo Rusi. 750–1200* [The Emergence of Rus: 750–1200]. St-Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2000.
- Gatsiskii, A.S. “Nizhegorodka.” In *Gatsiskii A.S. Nizhegorodskii letopisec*. Nizhni Novgorod: [S.n.], 2001 (in Russian).
- Golubeva, L.A. “Mariicy.” [Maris] In *Finno-ugry i balty v epohu srednevekov'ya*, 107–115. Moscow: Nauka Publ., 1987 (in Russian).
- Gribov, N.N. *Nizhni Novgorod v XV veke: poiski utrachennogo goroda* [Nizhny Novgorod in the XV century: search of lost city]. Moscow: IA RAN Publ., 2018 (in Russian).
- Gribov, N.N., and Lapshin, V.A. “Nizhegorodskii kreml' v XIII–XIV i XV vekah.” [Nizhni Novgorod Kremlin in XIII–XIV and XV centuries] *Arheologicheskie vesti*, no. 15 (2008): 141–156 (in Russian).
- Hramtsovskii, N.I. *Kratkii ocherk istorii i opisanie Nizhnego Novgoroda* [A short essay on the history and description of Nizhny Novgorod]. Nizhni Novgorod: Nizhegorodskaya yarmarka Publ., 1998 (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh lettopisey* [Complete collection of Russian annals]. Vols. 1–5, 15, 25, 42. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1997–2002 (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh lettopisey* [Complete collection of Russian annals]. Vol. 18. Moscow: Znak Publ., 2007 (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh lettopisey* [Complete collection of Russian annals], 37–85. Vol. 26. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2006 (in Russian).
- Kappeler, Andreas. “The Russian Southern and Eastern Frontiers from the 15th to the 18th Centuries.” *Ab Imperio*, no. 1 (2003): 47–49 (in Russian).
- Kuznetsov, A.A. “Abramov gorodok, Staryi gorodok na Dyatlovyh gorah: onomasticheskie aspekty razvitiya narrativa o predshestvennike Nizhnego Novgoroda.” [Abramov gorodok, Staryi gorodok na Dyatlovyh gorah: onomastic aspects of the development

- of the narrative about the predecessor of Nizhni Novgorod] In *Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arheologii: sbornik nauchnyh i metodicheskikh statei*, 68–80. Nizhni Novgorod: Pixel-print Publ., 2016 (in Russian).
- *Knyaz' velikii Georgii – osnovatel' Nizhnego Novgoroda* [Prince George the great is founder of Nizhny Novgorod]. Nizhni Novgorod: Dekom Publ., 2017 (in Russian).
- *Vladimirskii knyaz' Georgii Vsevolodovich v istorii Rusi pervoi treti XIII v. Osobennosti prelomleniya istochnikov v istoriografii* [Prince of Vladimir, Georgy Vsevolodovich in the history of Russia of the first third of the 13th century, features of the refractive index of sources in the historiography]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskiy gosuniversitet Publ., 2006 (in Russian).
- Kuchkin, V.A. *Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv.* [Formation of the state territory of North-Eastern Russia in the 10th–14th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1984 (in Russian).
- *Volgo-Okskoe mezhdurech' e i Nizhny Novgorod v srednie veka* [Volga-Oka interfluve and Nizhny Novgorod in the middle ages]. Nizhni Novgorod: Kvarc Publ., 2011 (in Russian).
- Mel'nikov, P.I. "Ocherki mordvy." ["Essays on the Mordvins"] In *Polnoe sobranie sochinenii P.I. Mel'nikova*. Vol. 7. Moscow; St-Petersburg, 1909 (in Russian).
- Nasonov, A.N. *Russkaya zemlya" i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva. Mongoly i Rus'* [Russian land "and the formation of the territory of the Old Russian state. The Mongols and Russia]. St-Petersburg: Nauka Publ., 2006 (in Russian).
- Nikitina, T.B., Arhipov, G.A., and Sepeev, G.A. "Problema proishozhdeniya mari." [The problem of the origin of the Mari] In *Narody Povolzh'ya i Priural'ya. Komi-zyryane. Komi-permyaki. Mariicy. Mordva. Udmurty, 187–190*. Moscow: Nauka Publ., 2000 (in Russian).
- Shaidakova, M.S. *Nizhegorodskie letopisnye pamyatniki XVII v.* Nizhni Novgorod: Nizhegorodskiy gosuniversitet Publ., 2006 (in Russian).
- Pashuto, V.T. *Vneshnyaya politika Drevney Rusi* [Foreign Policy of Ancient Russia]. Moscow: Nauka Publ., 1968 (in Russian).
- Petruhin, V.Ya. "Finskije plemena i prizvanie varyagov." [Finnish tribes and the calling of Vikings] In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Migracii, rasselenie, voina kak factory politogeneza*, 212–214. Moscow: IVI RAN Publ., 2012 (in Russian).
- Petruhin, V.Ya., and Raevskii, D.S. *Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e* [Essays on the history of the peoples of Russia in antiquity and the early Middle Ages]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998 (in Russian).
- Pudalov, B.M. *Nachal'nyy period istorii drevneishih russkih gorodov Srednego Povolzh'ya (XII – pervaya tret' XIII v.)* [The initial period of the history of the most ancient Russian cities of the Middle Volga region (12th-first third of the 13th century)]. Nizhni Novgorod: Komitet po delam arhivov Administracii Gubernatora Nizhegorodskoi oblasti Publ., 2003 (in Russian).
- Riber, A. "Menyayushiesya koncepcii i konstrukcii frontira: sravnitel'no-istoricheskii podhod." [Changing Concepts and Constructions of Frontiers: A Comparative Historical Approach] In *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sbornik statei (Biblioteka zhurnala «Ab Imperio»)*. Kazan, 2004 (in Russian).

- Ryabinin, E.A. “Cheremis.” In *Drevnyaya Rus’ v srednevekovom mire: enciklopediya*, 873. Moscow: Lodomir Publ., 2014 (in Russian).
- “Meshchera.” In *Drevnyaya Rus’ v srednevekovom mire: enciklopediya*, 488. Moscow: Lodomir Publ., 2014 (in Russian).
- , and Kuznecova, V.N. “Muroma.” *Drevnyaya Rus’ v srednevekovom mire: enciklopediya*, 529–530. Moscow: Lodomir Publ., 2014 (in Russian).
- “Slovo o pogibeli Russkoi zemli.” [A word about the death of the Russian land] In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, 90–91. Vol. 5. St-Petersburg: Nauka Publ., 1997 (in Russian).
- Solov’ev, A.V. “Gorodenskie knyaz’ya i Deremela (k tolkovaniyu “Slova o polku Igoreve”).” [Gorodensky princes and Deremel (to the interpretation of “The Lay of Igor’s Host”)] In *Russia Mediaevalis*, 69–80. Vol. 7, part 1. München: [S.n.], 1992 (in Russian).
- Tatischev, Vasiliy N. *Istoriya Rossiiskaya* [History of Russia]. Vols. 3–4. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964 (in Russian).
- Vilkul, Tat’yana. “Tolkova Paleya i Povest’ vremennyh let. Syuzhet o ‘razdelenii yazyk’.” [Tolkova Palea and the Tale of Bygone Years. The plot of the ‘division of language’] In *RUTHENICA*, 37–85. Vol. 6. Kiev, 2007 (in Russian).
- Voronin, I.D. “K voprosu o mordovskoi toponimike.” [On the question of Mordvinian toponymy] In *Zapiski NII pri Sovete Ministrov Mordovskoi ASSR*, 281–282. Saransk, 1951: (in Russian).

Archives

Gosudarstvenniy obshchestvenno-politicheskii arhiv Nizhegorodskoi oblasti [State socio-political archive of Nizhny Novgorod region], f. 7875, op. 2, d. 76.

Ethno-political situation in the Oka estuary region on the eve of the Mongol invasion

Andrey A. Kuznetsov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
27 Lenin Av., Nizhny Novgorod, 603140, Russia
nalbuz@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the ethno-political situation in the region of the Oka estuary up to 1238. In 1221 Nizhny Novgorod was founded in this region. The forthcoming 800th anniversary of the city lends particular social and cultural relevance to the present study; these aspects of the history of Eastern Europe and North-Eastern Russia are considered here for the first time. The research is based on the study of chronicles and narratives from the 17th to 19th centuries, as well as of toponyms. The source corpus is represented here by the Lavrentyevskaya chronicle, the Ipatyevskaya chronicle, the Simeonovskaya chronicle, the Tolkovaya Paleya, as well as the “Slovo o pogibeli russkoi zemli” (“The word about the death of the Russian land”), in addition to results of archaeological and toponymic research. The author offers a novel interpretation of the Cheremis-Meshcher group in

the region of the Oka estuary, by demonstrating that these Cheremis lived between the rivers Volga, Oka and Klyazma; these Cheremis has no direct relation to the Mari. The article presents arguments in favor of the hypothesis that before 1221 there had been no Slavic population in the Oka estuary. The assumption that Brodniks were living in this region cannot be confirmed. There are not enough representative sources to interpret the occurrence of the term Purgasova Rus'. The Mordvins lived far from the Oka estuary. Polovtsy (Cumans), however, were present in the region. This territory remained beyond the political influence zone of Volga Bulgaria. Accordingly, it must be accepted that Nizhny Novgorod was founded on an uninhabited place. The area around Nizhny Novgorod was a frontier zone where the interests of Volga Bulgaria clashed with those of the Vladimir Principality. The foundation of Nizhny Novgorod changed the nature of the conflict in this frontier. The Cheremis were blocked, and a military-diplomatic offensive was launched on the Mordvins. The Polovtsy (Cumans) acted as allies of the Vladimir Principality, and the latter was victorious in the Russian-Bulgarian war of 1223–1230. The reconstruction of the complex ethno-political situation in the region of the Oka estuary enables us to study the imperial practices of the princes of Vladimir before the Mongol invasion.

Keywords: Nizhny Novgorod, chronicle, the Oka estuary, Vladimir Principality, the Volga Bulgaria, the Mordvins, the Cheremis, the Polovtsy (Cumans), frontier

For citation: Kuznetsov, Andrey A. "Ethno-political situation in the Oka estuary region on the eve of the Mongol invasion." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 4 (2018): 863–889. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-863-889>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-890-913>

Научная статья / Research article

Организации трудовых иммигрантов Чехословакии на территории Фроловского района Нижне-Волжского края в 1920–1930-е гг.

О.В. Ерохина^а, Е.Л. Фурман^б

^а Московский педагогический государственный университет
119571, Россия, Москва, просп. Вернадского, 88
erokhinaov@gmail.com

^б Волгоградский государственный университет,
400062, Россия, Волгоград, просп. Университетский, 100
ekaterina.furman@volsu.ru

Аннотация: В статье, на основе неопубликованных ранее архивных источников, исследуется актуальная в современном научном сообществе проблема трудовой иммиграции. Авторы, на примере создания и деятельности производственных кооперативных объединений чехословацких трудовых иммигрантов («Сельскохозяйственной коммуны Чехословацких эмигрантов» и кустарно-промыслового «Товарищества Чехословацких эмигрантов»)¹ на территории Фроловского района Нижне-Волжского² края в 1920–1930-е годы, реконструировали опыт регулирования трудовой иммиграции в СССР. В процессе исследования удалось проиллюстрировать практику применения советского законодательства в сфере трудовой иммиграции в СССР, а также специфику его применения в конкретной исторической ситуации в рассматриваемом регионе, охарактеризовать направления взаимодействия производственных коопера-

¹ В кавычках используется зарегистрированное в уставе официальное название производственных организаций Чехословацких трудовых иммигрантов // См. подробно: ГАВО. Ф. 2761. Оп. 1. Д. 4.

² В 1920–1930-х гг. в СССР был осуществлен ряд административно-территориальных реформ, в результате которых изменялись границы территориальных единиц, их наименования (так называемое укрупнение и разукрупнение). В 1925 г. Царицынская губерния была переименована в Сталинградскую, которая была включена в состав образованного в 1928 г. Нижне-Волжского края. В 1934 г. Нижне-Волжский край был разделен на Сталинградский и Саратовский края. В название вынесено наименование административных единиц, к территории которых относились организации чехословацких трудовых иммигрантов в рассматриваемый период. С 1926 по 1928 гг. кооперативно-производственные организации располагались на территории Кременской волости Усть-Медведицкого округа Сталинградской губернии. С 1928 по 1934 гг., после ликвидации Усть-Медведицкого округа и образования Нижне-Волжского края, они оказались на территории Фроловского района Хоперского округа Нижне-Волжского края, а после деления последнего на Сталинградский и Саратовский края перешли в состав Фроловского района Сталинградского края.

тивных организаций чехословацких трудовых иммигрантов с партийными и хозяйственными органами власти, выявить основные этапы их становления и развития, а также особенности процесса адаптации иностранных рабочих в СССР. В процессе исследования авторы приходят к выводу, что государственная политика СССР в сфере трудовой иммиграции в процессе ее реализации приобретала весьма определенную региональную специфику. Благодаря комплексной поддержке кооперативных и хозяйственных учреждений, региональных и центральных органов власти производственные объединения чехословацких трудовых иммигрантов сумели преодолеть трудности организационного этапа и впоследствии внести заметный вклад в укрепление и развитие хозяйственного комплекса Фроловского района Нижне-Волжского края. Усилиями граждан Чехословацкой республики впервые во Фроловском районе обувная и кожевенная промышленность была организована на промышленном уровне. На основе созданной трудовыми иммигрантами артели «Красный вагранщик» позже появился завод «Металлист». Описанный опыт государственного регулирования трудовой иммиграции в СССР может быть успешно использован в практике международного сотрудничества современной России.

Ключевые слова: трудовые иммигранты, сельскохозяйственная коммуна, кустарно-промысловое товарищество, Чехословакия, СССР, Сталинградская губерния, Нижне-Волжский край

Для цитирования: Ерохина О.В., Фурман Е.Л. Организация трудовых иммигрантов Чехословакии на территории Фроловского района Нижневолжского края в 1920–1930-х гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2018. Том 17. № 4. С. 890–913. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-890-913>

Введение

В условиях глобализации в современном мире миграция становится неотъемлемым элементом интеграционных процессов, а регулирование миграционных потоков – одной из ведущих проблем социально-экономической политики любого современного государства. В Российской Федерации, которая занимает, наряду с США и Саудовской Аравией, лидирующие позиции в мире по количеству мигрантов, разработка миграционного законодательства, миграционной политики в целом, является залогом формирования оптимальной модели экономического развития. При этом особое внимание в утвержденной 14 июня 2012 г. Концепции миграционной политики Российской Федерации уделяется проблеме привлечения иностранной рабочей силы, регулированию численности иностранных работников на территории РФ³. В связи с этим представляется весьма актуальным обращение к опыту миграционной политики и практики в СССР в 1920–1930-е гг. –

³ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/>

в самый неоднозначный период восстановления и трансформации народнохозяйственного комплекса страны. Иностранная экономическая иммиграция в СССР в рассматриваемый период стала одним из самых заметных явлений отечественной истории XX в. Представители иностранных государств работали в Советском Союзе, заключая индивидуальные контракты или по договорам о технической помощи. Если для первой половины 1920-х гг. преобладающим мотивом приезда в СССР был идеологический, то во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. на первое место выдвигаются экономические причины, обусловленные наступающим мировым экономическим кризисом и, как следствие, – нарастающей безработицей в странах Европы и Северной Америки. Приезжавшие в СССР сельскохозяйственные и промышленные рабочие селились организованными группами и создавали собственные предприятия в аграрной сфере или промышленности. При этом на государственном уровне миграционные потоки подвергались жесткой регламентации: принимались организованные группы трудовых иммигрантов, обеспеченные продовольствием, одеждой, инвентарем и всей необходимой техникой. Особо подчеркивалось, что никаких исключительных преимуществ по сравнению с советскими рабочими и служащими иностранные граждане не получали⁴.

Первые работы, где поднималась проблема использования иностранной рабочей силы в СССР, из немногочисленных публикаций советской историографии, появились уже в 1930-е гг. в процессе разработки государственной миграционной политики и практики ее осуществления. Это прежде всего работы с ярко выраженным пропагандистским уклоном, утверждавшие идеи укрепления международной пролетарской солидарности, руководящую роль коммунистической партии в этом процессе⁵, а также воспоминания самих рабочих и служащих, пребывавших в СССР⁶.

Активизация интереса к истории привлечения иностранной рабочей силы на промышленных стройках и в сельском хозяйстве СССР в 1950–1960-е гг. была связана с наступлением оттепели. В эти годы публиковались работы, освещавшие роль иностранных рабочих и специалистов

⁴ *Тарле Г.Я.* Друзья страны Советов. Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920–1925 гг. М.: Наука, 1968.

⁵ Иностранные рабочие на стройке СССР. М.: Профиздат, 1932; *Рубинер Ф.* Партийно-массовая работа среди иностранных рабочих. М.: Мысль, 1932; *Сибиряк В.* На стройке социалистического отечества (иностранные рабочие и специалисты на наших гигантах). М.: Б.и., 1933.

⁶ *Виттенберг Э., Мате Э., Позе Ф.* Берлинские пролетарии рассказывают. М.: Профиздат, 1933.

в период восстановления народного хозяйства СССР⁷, индустриализации в целом (в том числе по отдельным промышленным предприятиям, созданным с привлечением иностранных рабочих и специалистов)⁸, проблемы международного трудового сотрудничества⁹.

В 1970–1980-е гг. проблема иностранной трудовой иммиграции, международного трудового сотрудничества нашла свое отражение в работах Л.С. Озерова, Ю.А. Львунина, В.И. Касьяненко¹⁰. Роль иностранной помощи в процессе осуществления модернизации советской промышленности оценивалась в исследованиях как вспомогательная.

На современном этапе историография проблемы характеризуется пересмотром устоявшихся в советской исторической науке оценочных суждений, усилением регионального аспекта, а также расширением тематики исследований. В частности, в монографии С.В. Журавлева на основе анализа значительного массива исторических источников, на примере иноколонии рабочих московского Электростроительного завода поднималась проблема социальной адаптации иностранных граждан в СССР и практически неисследованная тема репрессий¹¹. В работах М.М. Загоруйко, В.В. Булатова, Т.В. Юдиной освещались вопросы международного сотрудничества в рамках концессионной политики и практики в СССР в 1920–1930-е гг.¹².

⁷ *Тарле Г.Я.* Друзья страны Советов...

⁸ *Петросян К.А.* Советский метод индустриализации. М.: Госполитиздат, 1951; *Локшин Э.Ю.* Очерк истории промышленности СССР 1917–1940 гг. М.: Политиздат, 1956.

⁹ *Мужиков И.П., Каниметов А.К., Маречек Р. П.* История чехословацкого кооператива «Интергельпо». Фрунзе: Кыргызгосиздат, 1957; *Матушкин П.Г.* Дружба, солидарность: Интернациональные связи уральцев с трудящимися зарубежных стран. Челябинск: Кн. изд-во, 1960; *Горьковский автомобильный: Очерки истории завода / Под ред. П. Алешина, С. Голикова, А. Гуляева, М. Драгунова.* М.: Профиздат, 1964; *Матушкин П.Г.* Урало-Кузбасс – торжество ленинской политики индустриализации. Челябинск: Кн. изд-во, 1966.

¹⁰ *Касьяненко В.И.* Завоевание экономической независимости СССР (1917–1940 гг.). М.: Политиздат, 1972; *Озеров Л.С.* Дело трудящихся всех стран: Международная солидарность трудящихся СССР и зарубежных стран в период строительства социализма в СССР. М.: Политиздат, 1978. *Он же.* Индустриализация СССР и международный пролетариат 1926–1932 гг. М.: УДН, 1983; *Львунин Ю.А.* Интернационализм в действии: Интернациональные связи советского рабочего класса в годы социалистического строительства в СССР. М.: Мысль, 1985; *Касьяненко В.И.* Страна Советов и США: опыт и уроки сотрудничества в 1920–30-х годов. М.: Знание, 1989.

¹¹ *Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «большая история». Иностранцы московского Электростроительного завода в советском обществе 1920–1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000.

¹² *Загоруйко М.М., Булатов В.В.* Наркомзёмовские концессии: сельское хозяйство и водные промыслы. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010; *Judina T.V., Bulatov V.V., Furman E.L.* “Japanese in the Russian Far East (1900s – early 1930s): Manpower problem on Kamchatka and Northern Sakhalin,” *Bylye Gody* 32, no. 2 (2014): 276–281;

В работах исследователя Б.М. Шпотова рассматривались вопросы технико-экономической помощи США при строительстве крупнейших промышленных объектов периода первых пятилеток в СССР¹³. В работах О.А. Белоусовой, В.В. Павловой исследуются, наряду с организационно-производственными вопросами¹⁴, проблемы быта и повседневности иностранных трудовых колоний в СССР, проблемы социальной адаптации трудовых иммигрантов¹⁵.

Общие вопросы регулирования миграционных потоков в постколониальный период на примере России, США и Японии освещаются в работе Барта Люттихуиса¹⁶. В рамках концессионной практики отдельные вопросы трудовой иммиграции рассматривались также в работах германских исследователей К.Х. Шларпа и М. Шмидер, на основе широкого круга источников исследовавших деятельность германских сельскохозяйственных концессий в СССР в 1920–1930-е гг.¹⁷

Последние десятилетия отмечены публикацией новых сборников документов по истории индустриализации в СССР и международному сотрудничеству в этот период¹⁸.

Юдина Т.В. Концессионная политика и практика на Дальнем Востоке в 1920–1940-е гг.: компромиссы и результаты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. № 3 (21). С. 107–113.

¹³ Шпотов Б.М. Политика использования западных технологий как фактор создания крупной индустрии в СССР // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 4. С. 119–122; Шпотов Б.М. Взаимовосприятие американцев и русских в годы первой пятилетки (по материалам прессы и деловой переписки) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 135–140.

¹⁴ Павлова В.В. Использование труда иностранных рабочих в промышленности Советской России в 1920–1930 гг. (на примере завода № 50) // Казанская наука. 2012. № 8. С. 9–14.

¹⁵ Белоусова О.А. Иностранцы специалисты и советская действительность: быт первых кузнецкстроевцев // Кузнецкая старина. Новокузнецк, Кузнецкая крепость: 2003. Вып. 5. С. 256–269; Павлова В.В. Использование труда иностранных рабочих в промышленности Советской России в 1920–1930 гг. (на примере завода № 50) // Казанская наука. 2012. № 8. С. 9–14.

¹⁶ Bart W. Luttikhuis, “Postcolonial Migrants and Identity Politics: Europe, Russia, Japan and the United States in Comparison,” *European Review of History: Revue europeenne d’histoire* 21 (2014): 917–919.

¹⁷ К.Н. Schlarp, “Deutsche Konzessionen in der Sowjetunion 1922–1933 unter besonderer Berücksichtigung der Landwirtschaft,” in *Zwischen Lübeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert*: Norbert Angermann zum 60. Geburtstag. Lünenburg, 1996), 441–476; М. Шмидер, «*Fremdkörper im Sowjet-Organismus*» *Deutsche Agrarkonzessionen in der Sowjetunionen 1922–1934* (Franz Steiner Verlag, 2017), 339.

¹⁸ Индустриализация Советского Союза: Новые документы, новые факты, новые подходы / Отв. ред. С.С. Хромов. М.: Институт российской истории РАН, 1999; Хромов С.С.

Однако, несмотря на актуализацию исследований по истории трудовой иммиграции в СССР в 1920–1930-е гг., отдельные вопросы региональной специфики данного процесса рассматриваются лишь фрагментарно или остаются вне рамок научных исследований. Так, на сегодняшний день отсутствуют специальные исследования, раскрывающие деятельность организаций чехословацких иммигрантов на территории Нижне-Волжского края в 1920–1930-е гг.

Целью нашего исследования является установление роли производственных организаций чехословацких иммигрантов в хозяйственном комплексе Фроловского района Хоперского округа Нижне-Волжского края, в восстановлении и развитии аграрного и промышленного сектора исследуемого региона. В процессе изысканий привлекались ранее неопубликованные документальные материалы, представленные в Государственном архиве Волгоградской области, среди которых особый интерес представляет делопроизводственная документация хозяйственных и партийных органов волостного, окружного, губернского и краевого уровней власти, документация производственных объединений чехословацкой иноколонии, документы личного происхождения, а также законодательные акты органов государственной власти СССР, позволившие реконструировать этапы становления и развития производственных организаций трудовых иммигрантов на территории исследуемого региона.

История создания Чехословацкой сельскохозяйственной коммуны

Весной 1925 г. в окружном центре Годонин на Юге Моравии, в селе Лужице по инициативе окружного комитета коммунистической партии Чехословакии и членов коммунистической партии села Лужице – Якова Гребачка, Яна Флориана, Матодице Бепада, Томаса Кутного – была организована Чехословацкая коммуна, целью которой была подготовка эмиграции своих соотечественников из Чехословакии в СССР¹⁹. Кроме идеологических мотивов, преобладавших у довольно незначительного числа коммунаров, основной причиной отъезда стала нараставшая в Чехословакии безработица, затронувшая в немалой степени и промышленно развитый Годонин²⁰. Некоторые коммунары, побывав в Америке, надеялись «разбогатеть

Иностранные концессии в СССР. М.: Изд. центр Ин-та российской истории РАН, 2006; Россия и США: экономические отношения. 1933–1941 гг.: Сб. док. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Е.А. Тюрина. М.: Наука, 2001.

¹⁹ Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 1229. Оп. 1. Д. 42. Л. 7, 13.

²⁰ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

американским способом» в Советском Союзе, имея весьма расплывчатые представления о социалистической модели экономики, о способе организации производства и распределения в коммуне.

Широкая агитация среди жителей началась весной 1925 г. Каждый вступающий в коммуну вносил паевой взнос в сумме 5 000 крон. Желающие могли вносить несколько паевых взносов не только деньгами, но и имуществом. За сверх внесенные паи им начислялось 3% годовых²¹. На момент организации в составе коммуны насчитывалось 122 семьи и 410 человек²² (по воспоминаниям коммунаров, 147 семей и 520 человек²³). В Советский Союз прибыло 113 семей в количестве 385 человек²⁴.

Коммуна объединяла сельскохозяйственных и промышленных рабочих, а также в большом количестве безработных. Значительная часть коммунаров вступила в коммунистическую партию Чехословакии непосредственно в год отъезда, надеясь на режим наибольшего благоприятствования со стороны советской администрации для коммунистов. Так, 40 человек вступили в партию в период с 1920 по 1923 гг., 15 – в 1924 г. и в 1925 г. – 41 человек²⁵.

Председателем избранного Совета коммуны стал Ян Флориян. В состав Совета коммуны входили также Франц Мыкл, Иосиф Данечек, Людвиг Полак, Яков Гребачка, Карл Паулик и Мария Благо²⁶. Решением организационных вопросов, связанных с приобретением необходимого инвентаря, автомашин, сельскохозяйственной техники, продовольствия и одежды занимался сельский нотариус Я. Гребачка. Он же выбирал будущее место жительства коммунаров в СССР. Находясь в период Первой мировой войны в качестве военнопленного австро-венгерской армии на территории Царицынского уезда Саратовской губернии, Я. Гребачка был хорошо знаком с местными условиями.

В начале 1920-х гг., когда Гребачка был в Лужице секретарем сельской партийной ячейки и весьма авторитетным в Годонинском округе партийным лидером, он рассматривал организацию и выезд коммуны в СССР лишь как выгодную коммерческую и политическую акцию. Оснащая коммуну необходимой техникой и осуществляя различные закупочные операции, ему удалось получить огромные комиссионные практически со всех заводов, у которых коммуна приобретала сельхозтехнику и автомобили для

²¹ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 42. Л. 13.

²² Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.

²³ Там же. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 42. Л. 16.

²⁴ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.

²⁵ Там же. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

²⁶ Там же. Д. 42. Л. 16.

вывоза за рубеж. Кроме того, участвуя в выборах в республиканский парламент Чехии и не набрав нужного количества голосов, он надеялся, что громкая кампания по созданию и отправке коммуны в СССР придаст ему политический вес и поспособствует созданию имиджа успешного организатора²⁷.

Приезд коммунаров в СССР

Центральный комитет компартии Чехословакии через посредничество чешских коммунистов в Коминтерне и лично Клемента Готвальда обратились к советскому правительству с просьбой о выделении чешским эмигрантам пустующих земель для организации сельскохозяйственного производства²⁸. В 1924 г. в Советский Союз (в город Пишпек, в Киргизию) из Чехословакии выехали представители промыслового кооператива «Интергельпо», организованного рабочими города Жилина²⁹.

Советское руководство, заинтересованное в притоке капиталов и трудовых ресурсов для восстановления и модернизации сельского хозяйства и промышленности, активизирует усилия для привлечения иностранных рабочих и специалистов, преимущественно в форме организованных групп, оснащенных необходимым инвентарем и техникой. В первой половине 1920-х гг. принимается ряд постановлений, определяющих организационную и правовую основу трудовой сельскохозяйственной иммиграции в СССР³⁰, в соответствии с которыми Наркомзему РСФСР в целях поднятия и развития сельского хозяйства поручалось выделение из государственного земельного фонда преимущественно на Юго-Востоке и в Поволжье территории в 220 тыс. десятин для обустройства сельскохозяйственной иммиграции³¹.

Непременным условием допуска и устройства сельскохозяйственных иммигрантов являлся ввоз капитала (основного и оборотного) в размерах, обеспечивавших организацию и ведение хозяйства. Размер и формы ввозимого капитала определялись договором. Расходы по переезду и обу-

²⁷ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

²⁸ Там же. Д. 42. Л. 17.

²⁹ С 1926 г. г. Фрунзе, ныне город Бишкек.

³⁰ Постановление СТО РСФСР «О сельскохозяйственной иммиграции» 02.02.1923 г. // Собр. Узак. 1923. № 10. С. 128; Постановление СТО РСФСР «Об отводе земель для сельскохозяйственной иммиграции» 08.06.1923 г. // Собр. Узак. 1923. № 53. С. 525; Декрет СНК РСФСР «Правила о порядке, условиях и сроках использования государственных земельных имуществ» 23.08.1923 г. // Собр. Узак. 1923. № 74. С. 716; Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О сельскохозяйственной иммиграции» 02.02.1925 г. // Собр. Узак. 1925. № 20. С. 134.

³¹ Постановление СТО РСФСР «О сельскохозяйственной иммиграции» 02.02.1923 г. // Собр. Узак. РСФСР 1923. № 10. С. 128.

стройству должны были производиться группами и организациями сельскохозяйственных иммигрантов также за свой счет³². При этом особо подчеркивалось, что трудовые иммигранты должны были обладать навыками ведения «сухого земледелия и рационального животноводства»³³.

Для «облегчения условий передвижения сельскохозяйственной иммиграции» в Советский Союз приглашались представители иммигрантских производственных организаций, так называемые ходоки, которые осуществляли предварительный осмотр передаваемых земельных участков и советских хозяйств. Они знакомились на месте с положением дел и предпринимали необходимые меры по подготовке переезда и приемке земельных участков³⁴.

Общее руководство, контроль и содействие сельскохозяйственной и промышленной иммиграции в СССР, а также эмиграции, осуществляла созданная при Совете труда и обороны (СТО) СССР Постоянная комиссия по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции (далее – КомСТО СССР). Без санкции комиссии в пределы СССР иммигранты не допускались³⁵.

Таким образом, следуя установленному советской администрацией алгоритму действий, для поиска подходящих земельных угодий из Чехословакии в СССР, сначала в Москву, а затем в Сталинград отправились «ходоки» во главе с Я. Гребачка.

Еще в 1922 г. по инициативе Наркомзема СССР Росземзапас провел мониторинг «пустующих» земель по Царицынской губернии³⁶. В результате было установлено, что на 1 ноября 1922 г. в губернии насчитывалось 1 156 501 десятина удобной земли, из которых 421 987 десятин считались свободными и пригодными для земледелия³⁷. При этом большая часть пригодных земель располагалась на территориях казачьих округов – Усть-Медведицкого и Хоперского. Так, на территории Усть-Медведицкого округа из общей площади земельных угодий насчитывалось 71,3% удобной земли

³² Постановление СТО РСФСР «О сельскохозяйственной иммиграции» 02.02.1923 г. // Собр. Узак. РСФСР 1923. № 10. С. 128.

³³ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О сельскохозяйственной иммиграции» 02.02.1925 г. // Собр. Узак. 1925. № 20. С. 134.

³⁴ Постановление СТО РСФСР «О сельскохозяйственной иммиграции» 02.02.1923 г. // Собр. Узак. 1923. № 10. С. 128.

³⁵ Постановление СНК СССР о Постоянной комиссии СТО по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции 17.02.1925 г. // СЗ СССР. 1925. № 16. С. 119.

³⁶ С 1925 г. Сталинградская губерния.

³⁷ ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 30.

(47,3% пашня, 14,2%, выгон, 2,6% сенокос и др.), Хоперского округа – 88,6% удобной земли (из которых 70% – пашня)³⁸.

Данные округа занимали лидирующие позиции по плодородности земель; уровень осадков также был значительно выше, чем в других округах, и достигал 350–500 мм. Отмечался низкий уровень грунтовых вод (от 3 до 17 м), было достаточное количество естественных водоемов³⁹. Привлекательные климатические условия способствовали притоку населения. Так, в Хоперском и Усть-Медведицком округах насчитывалось до 20 человек на 1 кв. версту, в то время как в Ленинском и Николаевском – до 8 человек⁴⁰.

Несмотря на достаточно высокий уровень плотности населения, Губземуправление, следуя инструкциям Наркомзема, предоставило для выбора представителям Чехословацкой коммуны пустующие земли именно в Усть-Медведицком округе, где основную часть жителей составляло казачество, которое в политическом отношении считалось «отсталым». Поэтому переселяющееся на эти земли иммигранты должно было играть, по мнению советского руководства, «роль культуртрегеров и являться политической опорой для работы среди казачества»⁴¹. Для этого Чехословацкая коммуна, учредителями которой были чешские коммунисты, вполне подходила. В итоге в пользование коммунарам был выделен пустующий земельный участок «Соленые пруды» бывшего немецкого землевладельца А. Вебера во Фроловском районе, в 34 км от хутора Фролова.

К концу марта 1925 г. Чехословацкая коммуна уже была полностью укомплектована необходимым инвентарем и сельхозтехникой. Первоначально выезд был назначен на 1 апреля 1925 г., чтобы успеть к весенней посевной кампании. Между тем разрешение на выезд коммуны за рубеж от чешского правительства было получено только к осени 1925 г.⁴² Новый срок выезда был назначен на 15 октября 1925 г., и только 8 ноября 1925 г. коммуна выехала из Чехословакии и 27 ноября прибыла на станцию Арчеда⁴³. В итоге, распродав все свое имущество, коммунары почти месяц провели на съемных квартирах в ожидании отъезда, но самые большие проблемы их ждали впереди.

Из первоначального состава в Советский Союз прибыло 113 семей в количестве 385 человек. На средства внесенных паевых взносов была приобретена техника и сельхозинвентарь: 2 автомашины Шкода, 5 шт. мо-

³⁸ ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л.34.

³⁹ Там же. Л. 34 об.

⁴⁰ Там же. Л. 38.

⁴¹ Там же. Л. 38.

⁴² Там же. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 42. Л. 16.

⁴³ Там же. Л. 13.

лотильных машин с бензиновыми двигателями, 2 мощных 6-корпусных плуга с тракторами Шкода, 200 борон, 50 конных плугов, 25 уборочных косилок-самосбросок, 25 травокосилок, 25 рядовых конных сеялок, 20 культиваторов, 1 комплект вальцевой мельницы с нефтяным двигателем, механическая мастерская в комплекте с токарным и сверлильным станками, двигателем и кузницами – всего на 10 рабочих мест, механизированная плотницко-столярная мастерская на 10 рабочих мест, сапожно-портняжная мастерская на 12 рабочих мест, оборудование кухни и столовой на 600 человек и др. Чехословацкая коммуна, таким образом, была полностью оснащена необходимым оборудованием для успешного ведения сельского хозяйства и укомплектована кадрами.

Однако по прибытии оказалось, что на участке, вопреки уверениям Я. Гребачки, практически не было строений, пригодных для проживания. При этом в пользование коммунарам предоставлялся большой земельный надел размером в 1174 десятины земли. Коммуна в течение трех лет освобождалась от арендной платы за участок и уплаты налогов⁴⁴.

В результате создавшейся ситуации разместить на предоставленном участке смогли только две семьи, остальные члены коммуны были расселены по домам и квартирам местных жителей хутора Фролов. Квартир, топлива и продуктов катастрофически не хватало. Часть семей проживала в товарных вагонах, другие ютились в сараях. Вина за сложившуюся ситуацию была возложена на главного организатора Я. Гребачка, который приехал во Фролово на два месяца раньше членов коммуны и за имевшееся время не подготовил условия к их приезду. На первом же собрании коммуны он был исключен из ее рядов и выдворен за пределы СССР⁴⁵. Однако вслед за организатором уехало еще 37 семей, часть из которых вернулась в Чехословакию, а часть разъехалась в другие регионы Советского Союза. К марту 1926 г. в составе коммуны насчитывалось 83 семьи и 312 человек; из них на частных квартирах были размещены 32 семьи и 110 человек, на участке – 20 семей в составе 82 человек, в казармах размещалась еще 31 семья в количестве 120 человек⁴⁶. На 1 июля 1926 г. в составе организации уже осталось 38 семей и 152 человека, из них 80 мужчин и 72 женщины; трудоспособных – 84 человека, включая подростков с 14 лет⁴⁷.

⁴⁴ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 42. Л. 13–14.

⁴⁶ Там же. Ф. 1722. Оп. 1. Д. 228. Л. 78.

⁴⁷ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 107.

Обустройство на участке и первые годы деятельности коммуны

Наркомзем СССР, учитывая опыт приема других иностранных трудовых колоний, в подписанный коммуной договор включил пункт, обязывающий коммуну открыть в сельскохозяйственном банке Сталинграда вклад на 10 000 руб., который, в случае непредвиденных обстоятельств, должен был стать оборотным капиталом организации. Однако данный пункт договора правлением коммуны так и не был выполнен. В результате по прибытии на границу у коммуны не оказалось средств даже для того, чтобы отправить вагоны с имуществом и техникой к месту проживания.

Несмотря на политику советского правительства, предписывавшую приезжавшим в СССР трудовым иммигрантам обустроиваться и проживать на собственные средства, в сложившихся обстоятельствах коммуне был предоставлен кредит в размере 3 000 руб. от СТО СССР, Сталинградского губисполкома – 2 000 руб., а также кредит материалами от разных организаций на сумму 2 180 руб. В соответствии с постановлением КомСТО СССР от 1 марта 1926 г. об оказании помощи «Сельскохозяйственной коммуне Чехословацких эмигрантов»⁴⁸ через посредничество Фроловского сельскохозяйственного товарищества коммуне выделялся кредит и ссуда от Сталинградского сельхозбанка в размере 12 000 руб. на транспортировку вагонов, закупку продуктов питания, оплату топлива и квартир, закупку скота, семян и другие производственные нужды⁴⁹, 855 пудов семян (пшеницы, ячменя, селекционных семян овса и подсолнечника). Также коммунары получили разрешение реализовать лишней грузовой транспорт и приобрести на вырученные средства трактора⁵⁰. Помощь коммуне строительными материалами, продуктами питания регулярно оказывалась также волостным исполкомом Арчадино-Чернушинской и Кременской волостей, окружным комитетом Усть-Медведицкого округа, а также местными кооперативными учреждениями.

Губернскому совету народного хозяйства на состоявшемся 1 марта 1926 г. междуведомственном совещании партийных и хозяйственных организаций губернии было предложено разместить часть кустарей коммуны на фабрично-заводских предприятиях, а не занятых в производстве коммуны сельскохозяйственных рабочих – в совхозах губернии. Также было решено принять меры к оказанию всесторонней материально-технической и финансовой помощи той части коммуны, которая будет организована в

⁴⁸ ГАВО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 509. Л. 55.

⁴⁹ Там же. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 3. Л. 6; Ф. 37. Оп. 3. Д. 509. Л. 57–58.

⁵⁰ Там же. Ф. 37. Оп. 3. Д. 509. Л. 59–60.

отдельные ремесленные артели⁵¹. Выделенные коммуне средства были сразу же направлены на производственные нужды – приобретение племенного и рабочего скота, тракторов «Фордзон», а также погашение предыдущих кредитов.

Между тем в распоряжении коммуны находился значительный земельный массив – территория бывшего совхоза «Соленые пруды», на обустройство которого и уходила большая часть выделенных государственным и кооперативными учреждениями средств. Предоставленные коммуне 1 174 десятины земли распределялись следующим образом: пашня и сенокос составляли 883 десятины, неудобной земли – 264 десятины, 17 десятин было занято лесными угодьями, а на площади 8 десятин располагалась усадьба⁵².

Весной 1926 г., в первый год работы коммуны, посевная площадь составила 172,5 десятин⁵³. Большую часть посевов выделили под пшеницу – 76 десятин, под ячмень – 32 десятины, овес – 26 десятин и проч.⁵⁴ Возделывались коммунарами также овощные, бахчевые и технические культуры. Однако в тот год из-за позднего сева и низкого уровня осадков урожайность ожидалась ниже средних показателей по губернии.

К 1927 г. общая сумма задолженности коммуны составила более 20 тыс. рублей⁵⁵. Все заемные средства направлялись на производственные нужды – реорганизацию хозяйства, улучшение жилищных условий, создание новых производственных мощностей. Так, уже к концу 1926 г. было отремонтировано семь жилых помещений, в которых разместились двадцать семь семей, однако дефицит жилого фонда сохранялся и часть коммунаров вынуждена была по-прежнему размещаться в хуторе Фролов. Была открыта хлебопекарня, отремонтировано помещение для слесарной мастерской, приступили к строительству мельницы, организовано кирпичное производство.

В 1927 г. в сельскохозяйственном производстве было занято 23 члена коммуны, часть коммунаров ушла в организованные кустарные мастерские. Сокращение людских ресурсов, проблемы с техникой не позволяли достичь стабильного роста посевной площади. Так, если в 1926 г. она составляла 172,5 десятин, а в 1927 г. достигла 329 десятин, то в 1928 г. вновь сократилась до 288,5 десятин, что было обусловлено, в первую очередь,

⁵¹ ГАВО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 509. Л. 54.

⁵² Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 106.

⁵³ Там же. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

⁵⁴ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 107.

⁵⁵ Там же. Л. 107.

отсутствием исправной техники и переходом фактически к ручному труду и распашке с привлечением тягловой силы⁵⁶. Привезенная коммунарами техника без профессионального обслуживания и запасных деталей постоянно выходила из строя⁵⁷. Заказанные в Чехословакии детали, как правило, приходилось ждать больше года. Значительная часть привезенной техники являлась просто мертвым капиталом в балансе коммуны, поскольку ее технические характеристики не соответствовали местным климатическим условиям.

Между тем список инвентаря в описи имущества коммуны состоял из 45 позиций, среди которых были на тот момент и весьма редкие для советской деревни трактора, грузовики, культиваторы, рядовые и дисковые сеялки, плуги для уборки картофеля, травокосилки, лобогрейки, молотилки с двигателями, триеры, машинки для обработки льна, большой пресс для фруктов, свекло- и соломорезки, сеялки для семян огородных культур, кукурузные молотилки и другая техника на общую сумму более 30 тыс. руб. В описи значились и совершенно экзотические для деревенских жителей детские коляски, пишущие машинки, стиральная машина, коптилки, машины для колбасного производства и другое оборудование, которое, к сожалению, в условиях скудости советской деревни и ограниченности финансовых возможностей коммунаров приходилось распродавать⁵⁸.

Более перспективной для коммуны оказалась сфера развития скотоводства, в которой удалось уже в первые годы достичь заметных результатов. При этом особое внимание уделялось развитию племенного скотоводства и, в частности, коров симментальской породы и свиней йоркширской.

Таблица 1 / Table 1

**Поголовье скота в «Сельскохозяйственной коммуне чехословацких эмигрантов» (1926–1928 гг.) /
Livestock in the “Agricultural commune of Czechoslovak emigrants” (1926–1928)**

Годы	Лошадей	Волов	Коров	Мелкий скот	Овец	Свиней
1926	8	8	7	5	–	–
1927	10	18	19	15	–	–
1928	15	29	14	21	79	80

Источник: ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 3. Л. 6–7.

⁵⁶ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

⁵⁷ Там же. Л. 9.

⁵⁸ Там же. Л. 15; Ф. 1772. Оп. 1. Д. 228. Л. 45–46.

Как видно из таблицы 1, третий производственный год позволил в сельскохозяйственной коммуне практически по всем видам удвоить или утроить показатели.

Создание и деятельность «Товарищества Чехословацких эмигрантов»

Среди приехавших из Чехословакии коммунаров, кроме сельских пролетариев, были рабочие разных специальностей: 2 слесаря, 3 сапожника, 5 каменщиков, 3 тракториста, а также имевшие навыки работы в кирпичном и черепичном производстве, выработке бечевы. Это позволило в декабре 1925 г., кроме сельскохозяйственного производства, в хуторе Фролов организовать ремонтные механические мастерские – слесарную, столярную, кузницу и пошивочные – обувную и портняжную, в которых было занято около 50 человек⁵⁹. В конце 1926 г. задействованные в мастерских рабочие объединились в производственно-кооперативное «Товарищество Чехословацких эмигрантов» и артель «Чешский металлист» (позже «Красный вагранщик»).

Усилиями членов «Товарищества Чехословацких эмигрантов» была восстановлена полуразрушенная мельница и электростанция во Фролове. В 1928 г. товариществом были организованы первая механизированная обувная мастерская, подсобное полукустарное кожевенное производство в хуторе Грачи. В 1929 г. началось строительство более мощного кожевенного завода, который был введен в эксплуатацию в 1930 г.⁶⁰

В соответствии с уставом кооперативно-промысловое «Товарищество Чехословацких эмигрантов» учреждалось как организация со смешанным производством (мукомольное, хлебопекарное, кожевенное, сапожное) в системе кустарно-промысловой кооперации Сталинградской губернии под эгидой Сталкожпромсоюза⁶¹. С 1930 г., после закрытия мукомольного производства, акцент был перенесен на развитие обувного и кожевенного производства.

В 1926 г. в составе кустарно-промыслового товарищества на момент организации числилось 15 членов. В дальнейшем наблюдался их заметный рост: в 1927 г. – 26, 1928 – 41, 1929 – 50, 1930 – 62, 1931 – 66, 1932 – 80, 1933 – 78, 1934 – 133, 1935 – 175, 1936 – 204 человека⁶².

На предприятиях товарищества практиковалась сдельная оплата труда, был введен хозрасчет. В 1931 г. за перевыполнение промфинплана то-

⁵⁹ ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 107.

⁶⁰ Там же. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 об.

⁶¹ Там же. Д. 4. Л. 1.

⁶² Там же. Л. 2; Д. 10. Л. 1; Д. 30. Л. 63.

варищество было награждено Сталкожпромсоюзом переходящим Красным знаменем и почетной грамотой⁶³. Стабильного роста производства товариществу удалось достичь уже во второй пятилетке.

Таблица 2 / Table 2

**Рост валовой продукции производственных предприятий
«Товарищества Чехословацких эмигрантов» во второй пятилетке (в тыс. руб.) /
Growth of gross output of production enterprises of the “Association of
Czechoslovak Emigrants” in the second five-year plan (in thousand rubles)**

Вид производственного предприятия	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Кожевенное	375	420,1	471,1	477,5	508,2
Обувное	842	923,5	1007,1	1079,6	1159
Галантерейное	–	12,5	250	555	750

Источник: ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 6. Л. 2; Д. 6. Л. 3.

Как видно из таблицы 2, производственным предприятиям товарищества удалось достичь стабильного роста валовой продукции, в связи с чем появилась возможность организовать новую линию по производству галантерейных товаров. Кроме того, благодаря внедрению рацпредложений удалось наладить фактически безотходное производство. Так, в ассортименте выпускаемой товариществом продукции были сандалии мужские, чукьяки, ботинки, сапоги и туфли. При этом кожаные обрезки, остававшиеся после изготовления основного ассортимента, использовались при изготовлении так называемых спортинок и детских ботинок; совсем мелкие части кожаных лоскутов направлялись на изготовление столярного клея. Только в 1932 г. товарищество реализовало на потребительском рынке 5 000 пар чукьяк, 1 500 ботинок, 200 пар спортсменок и другую обувь⁶⁴. Благодаря стабильному росту производства в 1932 г. прибыль товарищества составила 63 700 руб.⁶⁵

На заводе по производству кожаных изделий вырабатывалась телячья, свиная, овечья кожа. Во второй пятилетке планировалось полностью перейти к переработке кожи рыб, желудочной пленки и изготовлению искусственной кожи (так называемой имитации кожи)⁶⁶.

⁶³ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 6. Л. 2; Д. 10. Л. 1.

⁶⁴ Там же. Л. 4.

⁶⁵ Там же. Д. 7. Л. 7.

⁶⁶ Там же. Д. 6. Л. 3.

Свидетельством стабилизации финансового положения товарищества являлся и факт поступательного расширения жилищного фонда, организация собственной столовой, строительство нового кирпичного здания обувной фабрики. К 1933 г. вводился в эксплуатацию склад готовой продукции стоимостью 5 000 руб., жилой дом на пять семей. К концу второй пятилетки планировалось всех рабочих товарищества обеспечить жильем⁶⁷. Сумма всех капиталовложений в товариществе за 1935 г. составила 33 821 руб. (средства были направлены на приобретение новых торговых и производственных зданий, промышленного оборудования)⁶⁸.

По мере расширения производства основных предприятий одной из проблем для правления товарищества стало снабжение предприятий необходимым объемом сырья. В первую очередь, сырьем обеспечивались городские предприятия в системе Сталкожпромсоюза, затем уже сельские, которые зачастую снабжались по остаточному принципу. Поэтому своеобразным «браком по расчету» стало слияние «Сельскохозяйственной коммуны Чехословацких эмигрантов» и «Товарищества Чехословацких эмигрантов». Коммуна благодаря слиянию смогла погасить кредиты, а для товарищества коммуна стала своеобразной сырьевой базой и подсобным хозяйством.

Таким образом, после приезда в Усть-Медведицкий округ часть коммунаров осталась в хуторе Фролов, организовав мастерские и затем кустарно-промысловые кооперативы, другая часть коммунаров продолжила заниматься сельским хозяйством на участке «Соленные пруды». До 1932 г. «Чехословацкая сельскохозяйственная коммуна» и производственное «Товарищество Чехословацких эмигрантов», а также артель «Красный вагранщик» (в 1960–1970-е гг. завод «Металлист») с литейно-механическим и кроватным производством существовали отдельно. В 1932 г. «Чехословацкая коммуна» стала сельскохозяйственным цехом «Товарищества Чехословацких эмигрантов».

Благодаря слиянию было решено сразу несколько проблем кооперативно-производственных организаций трудовых иммигрантов. Товарищество обеспечивало себя продуктами сельскохозяйственного производства, мясом. Скот, имеющийся у членов товарищества, снабжался кормами. Были ликвидированы долги коммуны, выполнен план по посеву, отремонтирова-

⁶⁷ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.

⁶⁸ Там же. Д. 29. Л. 27.

ны здания и подсобные постройки. Один трудодень рабочего сельхозцеха после слияния составлял 2 руб. 50 коп.⁶⁹

Оборот товарищества за 1935 г. достиг 1 095 349 руб., из этого объема на долю сельскохозяйственного производства приходилось 136 751 руб.⁷⁰ Укрепление финансовой базы товарищества способствовало расширению производственных мощностей. Так, в 1933 г. ежемесячно выпускалось более 5 000 пар чувяк и 500 ботинок⁷¹. В 1935 г. обувные ремонтные мастерские товарищества были открыты в 11 населенных пунктах Сталинградского края. Продукция товарищества была известна далеко за пределами Фроловского района. Ее покупали, кроме Сталкожпромсоюза, предприятия и организации Саратова и Ростова⁷².

Культурно-просветительская деятельность в чехословацкой иноколонии

Как уже отмечалось ранее, выделяя чехословацкой сельхозкоммуне земли в Усть-Медведицком округе, населенном преимущественно казачеством, власти преследовали не в последнюю очередь культурно-просветительские задачи. Надеялись, что Чехословацкая коммуна среди политически амбивалентного казачества будет играть роль «культуртрегерскую», демонстрируя высокий уровень аграрной культуры и политическую активность.

Действительно, среди приехавших в Советский Союз коммунаров отмечался высокий уровень грамотности: все коммунары от 14 до 44 лет считались грамотными, дети от 6 до 14 лет проходили обучение в коммуне⁷³. В апреле 1927 г. в коммуне открылась своя школа. Однако в процессе обучения иностранцы сразу же столкнулись с проблемой дефицита учебной литературы на родном языке и отсутствием достаточного количества школьного оборудования.

В 1927 г. Сталинградский губернский отдел народного образования выделил окружному комитету народного образования 450 руб. на организацию детской площадки в коммуне. Ясли, которые были созданы коммунарами летом 1926 г., стали для Арчадино-Чернушинской волости настоящим событием. Из волостных сел съезжались местные жители, чтобы посмотреть, как организовано учреждение для детей коммунаров. Питание,

⁶⁹ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 7. Л. 13.

⁷⁰ Там же. Д. 30. Л. 9.

⁷¹ Там же. Д. 7. Л. 69 об.

⁷² Там же. Д. 13. Л. 61.

⁷³ Там же. Д. 3. Л. 7.

оборудование, оплата воспитателей производились из общего бюджета коммуны⁷⁴.

При коммуне функционировал клуб, рассчитанный на 50 человек, в котором регулярно ставились пьесы европейских авторов. Большим успехом, по воспоминаниям коммунаров, пользовались две пьесы, автором которых был учитель коммуны. Только в 1928 г. было поставлено 10 спектаклей, из которых 5 на русском языке и 5 на чешском. Некоторые коммунары играли на музыкальных инструментах, что позволило со временем создать свой оркестр. Имелись в коммуне собственные кино- и радиоустановки, регулярно отмечались советские праздники, на которые приглашалось местное население. В октябре 1926 г. в коммуне была организована своя партийная ячейка. 96 членов коммуны изъявили желание пройти перерегистрацию и вступить в ряды ВКП(б), однако из всех поданных заявок было утверждено всего лишь 34⁷⁵.

В коммуне выписывались газеты «Известия», «Поволжская правда», «Крестьянская газета», «Пионер» на русском языке и три периодических издания на чешском языке. Усилиями рабочих «Товарищества чехословацких эмигрантов» был организован выпуск многотиражки «Голос кустаря» (позже «За ширпотреб»), которая тиражировалась на собственном копировальном аппарате – стеклографе. Тираж газеты составлял 500 экземпляров; она выпускалась раз в пять дней и являлась первым печатным органом промысловой кооперации в округе⁷⁶.

В середине 1930-х гг. наступил очередной этап реорганизации производственно-кооперативных объединений чехословацких трудовых иммигрантов. Сельхозцех «Товарищества Чехословацких эмигрантов» был реорганизован в колхоз «Парижская коммуна», который в 1958 г. был объединен в Зеленовский зерносовхоз. В предвоенные годы часть коммунаров интегрировалась в хозяйственные и партийные управленческие кадры Фроловского района. Так, например, Карл Адольфович Паулик – председатель правления сельхозцеха «Товарищества Чехословацких эмигрантов» с 1936 по 1937 гг. являлся заместителем директора МТС артели «Чернушка», в 1938–1939 гг. – заведующим парткабинетом Фроловского районного комитета ВКП(б), а в 1943–1944 гг. возглавлял Райпромкомбинат города Фролово. Он был участником Великой Отечественной войны, воевал в составе

⁷⁴ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.

⁷⁵ Там же. Д. 3. Л. 7.

⁷⁶ Там же. Д. 6. Л. 4.

1-го Чехословацкого армейского корпуса, сформированного в СССР. После войны до 1959 г. работал в артели «III Интернационал»⁷⁷.

Еще один коммунары – Томас Юзефович Томан работал в коммуне механизатором с 1925 по 1930 гг., был приглашен преподавателем в школу «Колхозной молодежи», затем в сельскохозяйственный техникум во Фролово, где преподавал механизацию сельского хозяйства. В 1938 г. вернулся в кустарно-промысловую артель «Красный вагранщик», но уже на должность технического руководителя, где проработал до 1944 г.⁷⁸ До сих пор в Волгоградской области проживают потомки прибывших в 1925 г. в Сталинградскую губернию чехословацких коммунаров.

Выводы

На примере функционирования организаций трудовых иммигрантов Чехословакии в Сталинградской губернии можно прийти к выводу, что государственная политика СССР в сфере трудовой иммиграции в процессе ее реализации приобретала весьма определенную региональную специфику. Так, вопреки существующим законодательным постановлениям, предписывавшим организованным группам трудовых иммигрантов осуществлять обустройство и организацию производственной деятельности, опираясь на внутренние источники накопления, коммуне из Чехословакии оказывалась всесторонняя хозяйственно-экономическая помощь со стороны советских, партийных и кооперативно-хозяйственных организаций разного уровня.

Несмотря на многочисленные трудности, которые пришлось преодолеть чехословацким трудовым иммигрантам, опыт организации и функционирования созданных ими на территории Сталинградской губернии кооперативно-производственных объединений являлся успешным примером международного сотрудничества трудящихся в СССР. К 1936 г. в «Товариществе Чехословацких эмигрантов» состояло уже более 200 человек. При этом организация являлась по-настоящему интернациональной. Сообща в ней трудились чехи, австрийцы, немцы, русские, украинцы, евреи, мордвинны. Производственные предприятия граждан Чехословацкой республики внесли заметный вклад в развитие и укрепление хозяйственного комплекса Сталинградской губернии. Благодаря усилиям членов товарищества было организовано фабричное производство обуви и кожаных изделий. Во многих селах Усть-Медведицкого округа (позже Хоперского округа) появились ремонтные обувные мастерские товарищества, открылись первые ясли, была введена в эксплуатацию электростанция. Из кустарной артели «Крас-

⁷⁷ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 42. Л. 10.

⁷⁸ Там же. Л. 14.

ный вагранщик», созданной чехословацкими рабочими, в 1960–1970-е гг. вырос завод «Металлист». Описанный опыт государственного регулирования трудовой иммиграции в СССР может быть успешно использован и в практике международного сотрудничества современной России.

© Ерохина О.В., Фурман Е.Л., 2018

Рукопись поступила: 31 июля 2018 г.

Submitted: 31 July 2018

References

- Aleshina, P., Golikov, S., Guljaev, A., and Dragunov, M. *Gor'kovskiy avtomobil'nyy: Ocherki istorii zavoda* [Gorky Automobile: Essays on the history of the plant]. Moscow: Profizdat, 1933 (in Russian).
- Bart, Luttikhuis W. "Postcolonial Migrants and Identity Politics: Europe, Russia, Japan and the United States in Comparison." *European Review of History: Revue europeenne d'histoire* 21 (2014): 917–919. <https://doi.org/10.1080/13507486.2014.892704>
- Belousova, O.A. "Inostrannye specialisty i sovetskaya deystvitel'nost': byt pervykh kuzneckstroevev." [Foreign experts and Soviet reality: life first kuznetskstroii] In *Kuzneckaya starina*, 256–269. Issue 5. Novokuzneck: Kuzneckaya krepost Publ., 2003 (in Russian).
- "Dekret SNK RSFSR 'Pravila o porjadke, uslovijah i srokah ispol'zovaniya gosudarstvennykh zemel'nyh imushhestv' 23.08.1923 g.'" [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR "Rules on the procedure, conditions and terms of use of state landed property" August 23, 1923] In *Sobranie zakonov i rasporyazheniy Rabochekrestyanskogo pravitelstva RSFSR*, 1923, no. 74, art. 716 (in Russian).
- Inostrannye rabochie na stroyke SSSR* [Foreign workers at the construction site of the USSR]. Moscow: Profizdat Publ., 1932 (in Russian).
- Judina, T.V., Bulatov, V.V., and Furman, E.L. "Japanese in the Russian Far East (1900s – early 1930s): Manpower problem on Kamchatka and Northern Sakhalin." *Bylye Gody* 32, no. 2 (2014): 276–281.
- "Koncessionnaya politika i praktika na Dal'nem Vostoke v 1920–1940-e gg.: kompromissy i rezul'taty." [Concession policies and practices in the Far East in the 1920s–1940s: trade-offs and results] *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations* 21, no. 3 (2016): 107–113. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.3.13> (in Russian).
- Kasyanenko, V.I. *Zavoevanie ekonomicheskoy nezavisimosti SSSR (1917–1940 gg.)* [The conquest of the economic independence of the USSR (1917–1940)]. Moscow: Politizdat, 1972 (in Russian).
- *Strana Sovetov i SShA: opyt i uroki sotrudnichestva v 1920–30-h godov* [Country of Soviets and the USA: experience and lessons of cooperation in 1920–30s]. Moscow: Znanie Publ., 1989 (in Russian).

- Khromov, S.S. *Industrializaciya Sovetskogo Soyuz: Novye dokumenty, novye fakty, novye podhody* [Industrialization of the Soviet Union: New Documents, New Facts, New Approaches]. Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN Publ., 1999 (in Russian).
- *Inostrannye kontsessii v SSSR: Istoricheskiy ocherk. Dokumenty* [Foreign Concessions in the USSR. Historical Sketch. Documents]. 2 parts. Moscow: RAN Publ., 2006 (in Russian).
- Lokshin, Je. Yu. *Ocherk istorii promyshlennosti SSSR 1917–1940 gg.* [Essay on the history of industry in the USSR in 1917–1940]. Moscow: Politizdat Publ., 1956 (in Russian).
- Lvunin, Yu.A. *Internacionalizm v deystvii: Internacional'nye svyazi sovetskogo rabochego klassa v gody socialisticheskogo stroitel'stva v SSSR* [Internationalism in Action: International Relations of the Soviet Working Class in the Years of Socialist Construction in the USSR]. Moscow: Mysl Publ., 1985 (in Russian).
- Matushkin, P.G. *Druzhba, solidarnost'!: Internacional'nye svyazi ural'cev s trudyashhimisya zarubezhnyh stran* [Friendship, Solidarity!: International Relations of the Urals with Workers of Foreign Countries]. Chelyabinsk: Book Publ., 1960 (in Russian).
- *Uralo-Kuzbass – torzhestvo leninskoj politiki industrializacii* [Ural-Kuzbass – the triumph of the Leninist policy of industrialization]. Chelyabinsk: Book Publ., 1966 (in Russian).
- Muzhikov, I.P., Kanimetov, A.K., and Marechek, R.P. *Istoriya chehoslovackogo kooperativa «Intergel'po»* [The history of the Czechoslovak cooperative Intergel'po]. Frunze: Kyrgyzgosizdat Publ., 1957 (in Russian).
- Ozerov, L.S. *Delo trudyashhihsya vseh stran: Mezhdunarodnaya solidarnost' trudyashhihsya SSSR i zarubezhnyh stran v period stroitel'stva socializma v SSSR* [The Work of Workers of All Countries: The International Solidarity of the Working People of the USSR and Foreign Countries During the Construction of Socialism in the USSR]. Moscow: Politizdat, 1978 (in Russian).
- *Industrializaciya SSSR i mezhdunarodnyy proletariat 1926–1932 gg.* [The industrialization of the USSR and the international proletariat of 1926–1932]. Moscow: UDN, 1983 (in Russian).
- Pavlova, V.V. “Ispol'zovanie truda inostrannyh rabochih v promyshlennosti Sovetskoy Rossii v 1920–1930 gg. (na primere zavoda № 50).” [Use of labor of foreign workers in the industry of Soviet Russia in 1920–1930 (on the example of the plant № 50)] *Kazanskaya nauka*, no. 8 (2012): 9–14.
- Petrosyan, K.A. *Sovetskiy metod industrializacii* [The Soviet method of industrialization]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1951 (in Russian).
- Rubiner, F. *Partiyno-massovaya rabota sredi inostrannyh rabochih* [Party and mass work among foreign workers]. Moscow: Mysl' Publ., 1932 (in Russian).
- Schlarp, K.H. “Deutsche Konzessionen in der Sowjetunion 1922–1933 unter besonderer Berücksichtigung der Landwirtschaft.” *Zwischen Lübeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert*: Norbert Angermann zum 60. Geburtstag. Lünenburg, 1996 (in Deutsche).
- Schmider, M. “*Fremdkörper im Sowjet-Organismus*” *Deutsche Agrarkonzessionen in der Sowjetunionen 1922–1934*. Franz Steiner Verlag, 2017 (in Deutsche).

- Sevostyanov, G.N., Tyurina, E.A., and Bakhturina, A.Yu. *Rossiya i SShA: yekonomicheskie otnosheniya. 1933–1941 gg.: Sb. Dok.* [Russia and the United States: economic relations. 1933–1941: Collection of documents]. Moscow: Nauka Publ., 2001 (in Russian).
- Shpotov, B.M. “Politika ispol’zovaniya zapadnyh tehnologiy kak faktor sozdaniya krupnoy industrii v SSSR.” [The policy of using Western technologies as a factor in creating a large industry in the USSR] *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, no. 4 (2003): 119–122 (in Russian).
- “Vzaimovospriyatie amerikancev i russkih v gody pervoy pyatiletki (po materialam pressy i delovoy perezpiski).” [The mutual perception of Americans and Russians during the First Five-Year Plan (based on press and business correspondence)] *Otechestvennaya istoriya*, no. 4 (2007): 135–140 (in Russian).
- Sibiriyak, V. *Na strojke socialisticheskogo otechestva (inostrannye rabochie i specialisty na nashih gigantah)* [At the construction site of the socialist homeland (foreign workers and specialists on our giants)]. Moscow: [S.n.], 1933 (in Russian).
- Sobranie uzakoneni i rasporyazheniy Raboche-krestyanskogo pravitelstva RSFSR* [The meeting is legalized and the orders of the Workers ‘and Peasants’ Government of the RSFSR], no. 10, art. 134, 1923; no. 53, art. 525, 1923; no. 74, art. 716, 1923; no. 15, art. 119, 1925; no. 20, art. 134, 1925 (in Russian).
- Tarle, G.Ya. *Druz’ya strany Sovetov. Uchastie zarubezhnyh trudyashchihsya v vosstanovlenii narodnogo hozyajstva SSSR v 1920–1925 gg.* [Friends of the Soviet Union. Participation of foreign workers in the restoration of the national economy of the USSR in 1920–1925]. Moscow: Nauka Publ., 1968 (in Russian).
- Vittenberg, Je., Mate, Je., and Poze, F. *Berlinskie proletarii rasskazyvayut* [Berlin proletarians tell]. Moscow: Profizdat Publ., 1933 (in Russian).
- Zagorul’ko M.M., and Bulatov V.V. *Narkomzemovskie koncessii: sel’skoe hozjajstvo i vodnye promysly* [Concessions of the People’s Commissariat of Agriculture: agriculture and water crafts]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe Publ., 2010 (in Russian).
- Zhuravlev, S.V. “Malen’kie lyudi” i “bol’shaya istoriya”. *Inostrancy moskovskogo Jelektrozavoda v sovetskom obshchestve 1920–1930-h gg.* [“Little People” and “big story”. Foreigners of the Moscow Electroavod in Soviet society of the 1920s–1930s.]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000 (in Russian).

Archives

- GAVO, f. R-1229, op.1, d. 3, 4, 6, 7, 10, 12, 13, 29, 30, 42.
GAVO, f. R-10, op. 1, d. 57.
GAVO, f. R-1722, op. 1, d. 228.
GAVO, f. R-37, op. 3, d. 509.

The organization of labour immigrants from Czechoslovakia in Frolov district of the Lower-Volga region in the 1920 and 1930s

Olga V. Erokhina^a, Ekaterina L. Furman^b

^a Moscow Pedagogical State University, Institute of History and Politics

88 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia

erohina1@mail.ru

^b Volgograd State University,

100 Prosp. Universitetsky, Volgograd, 400062, Russia

ekaterina.furman@volsu.ru

Abstract: Based on unpublished archival sources, this article considers the history and development of industrial organizations of labour immigrants from Czechoslovakia on the territory of the Lower Volga region in the 1920 and 1930s. The activities of the “Agricultural commune of Czechoslovak emigres” and the handicraft “Association of Czechoslovak Emigrants” illustrate how Soviet legislation was applied to labour immigration, how party authorities and economic bodies related to the two immigrant units, and how foreign workers adapted to the conditions in the USSR. Despite the many difficulties that labour immigrants had to overcome, their activities on the territory of Stalingrad province constitute a successful example of international workers’ cooperation in the USSR. The authors demonstrate that the production associations of labour immigrants from Czechoslovakia made a significant contribution to the strengthening and development of the economic complex of Frolov district in the Lower Volga region during the period under review. Through the efforts of the Czechoslovak citizens, shoe production and tanning were organized for the first time on industrial level. Later a metal plant emerged on the basis of the “Krasny Vagranshik” artel created by immigrants from Czechoslovakia. The experience of state regulation on labour immigration in the USSR can be successfully used in modern Russia’s practice of international cooperation.

Keywords: labour immigrants, agricultural commune, artisanal association, Czechoslovakia, USSR, Stalingrad province, Lower-Volga region

For citation: Erokhina, Olga V., Furman, Ekaterina L. “The organization of labour immigrants from Czechoslovakia in Frolov district of the Lower-Volga region in the 1920 and 1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 4 (2018): 890–913. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-890-913>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-914-941>

Научная статья / Research article

Обеспечение кадрами советских школ Южного Урала в послевоенный период (1945–1956 гг.)

Р.З. Алмаев

Башкирский государственный педагогический университет
имени М. Акмуллы
450000, Россия, Уфа, ул. Октябрьской революции 3 а
almaev_history@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются актуальные для отечественной и зарубежной историографии вопросы реализации государственной образовательной стратегии после Великой Отечественной войны на материалах южноуральского региона. Привлекаемые новые архивные материалы позволяют осветить особенности обеспечения школ РСФСР и конкретно – Южного Урала учительскими кадрами в период позднего сталинизма и начала хрущевской «оттепели». Автором раскрываются основные мероприятия, проводимые управленческим аппаратом региона, по восстановлению сети высших и средне-специальных педагогических учебных заведений, преодолению дефицита учителей. В статье доказывается, что в результате комплексных мер, осуществляемых в течение первого десятилетия после Великой Отечественной войны на Южном Урале, благодаря выпускам педагогических учебных заведений удастся изменить к лучшему качественный состав учительства, освободить от работы значительную часть преподавателей, не имевших соответствующего образования и не желавших повышать свою квалификацию. Кроме того, анализируются причины большой сменяемости учительских кадров в поствоенный период. В статье показаны преобразования в развитии педагогических и учительских институтов, педагогических училищ Башкирской АССР, Курганской, Оренбургской, Челябинской областей в изменяющихся общественно-политических и экономических условиях. Автором выявляются основные факторы, повлиявшие на реорганизацию учительских институтов и оптимизацию педагогических училищ в регионе. В статье реконструируется механизм функционирования партийно-государственного управленческого аппарата, курировавшего образовательные учреждения России, показана степень его эффективности. Специальное внимание в связи с этим уделяется анализу демографических процессов в стране, которые привели к частичной или полной незанятости части учителей в 1950-е гг., именуемой скрытой безработицей. Делается вывод о том, что в условиях ожидаемого демографического спада высшие органы государственной власти и образования СССР оказались не в состоянии рационально распределить резерв учительских кадров.

Ключевые слова: общеобразовательная школа, учительство, педагогическое образование, скрытая безработица, Южный Урал, Министерство просвещения РСФСР

Для цитирования: Алмаев Р.З. Обеспечение кадрами советских школ Южного Урала в послевоенный период 1945–1956 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2018. Том 17. № 4. С. 914–941. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-914-941>

Введение

Советское учительство после завершения Великой Отечественной войны представляло собой одно из самых крупных профессиональных сообществ страны, вовлеченных в масштабные созидательные процессы. Учителя, составлявшие значительную часть интеллигенции Советского Союза, играли особую роль в жизни общества. Государство нуждалась в большом количестве грамотных, квалифицированных кадров во всех сферах народного хозяйства. Обеспечение общеобразовательных школ достаточным количеством квалифицированных учителей имело не только практическую ценность, но и репутационное значение. Репутация страны-супердержавы, приобретенная благодаря решающему вкладу СССР в победу над нацистской Германией, и научно-технические достижения второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. обязывали советское руководство уделять значительное внимание общеобразовательным школам, и при этом широко не транслировать населению сложности с распределением и использованием учительских кадров.

Поскольку и в современных условиях существуют многочисленные проблемы, связанные с изменениями социально-демографической, экономической ситуации в стране и ее регионах, наблюдается сокращение контингента студентов педагогических вузов, это повышает актуальность данной темы исследования.

Новизна данной статьи заключается в выявлении и анализе процессов, повлиявших на обеспечение общеобразовательных школ Южного Урала учительскими кадрами, времени позднего сталинизма (1945–1953) и начала становления культурно-образовательных правил эпохи «оттепели» (1953–1956). Конечная хронологическая граница исследования объясняется исчерпанностью советских модернизационных преобразований, пост-сталинской идеологической рефлексией и отражением в сознании высшей политической элиты страны новых тенденций в развитии системы образования. Наиболее фундаментальная проработка теоретических и практических основ новой модели образования начинается после XX съезда партии (февраль 1956 г.). Поскольку целый ряд рассматриваемых процессов имели продолжение во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., некоторые сюжеты исследования выходят за рамки обозначенных хронологических рамок.

Важно выяснить, насколько рациональными были затраты государства на подготовку учителей; как материальное положение учителя сказывалось на стабильности с распределением учительских кадров? Какими возможностями обладала централизованная система управления в решении вопросов распределения и трудоустройства учителей, связанных с закономерностями социально-экономического и демографического развития военных и послевоенных лет?

В территориально-административном плане исследование охватывает Южный Урал в границах Башкирской АССР и трех областей – Курганской, Оренбургской (с 1938 по 1957 гг. именовалась Чкаловской областью), Челябинской, близких не только по природно-географическим условиям, но и историко-экономическим и социо-культурным особенностям развития.

В советской историографии история учительства как особой социально-профессиональной группы рассматривалась в рамках обобщающих работ, посвященных советской культуре,¹ интеллигенции², подготовке педагогических кадров³. Существенный задел в изучении данной темы был сделан министрами просвещения Башкирской АССР С.Р. Алибаевым⁴ и Ф.Х. Мустафиной⁵.

Советские исследователи не предпринимали попыток оценки влияния бытовых условий, социального статуса, психологических особенностей учительского труда на состояние и распределение учителей в советских республиках. В публикациях не поднималась проблемы, возникавшие в системе распределения педагогов по школам. Особенность историографической ситуации советского этапа заключалась в преимущественно беспроblemном освещении положения учительства. В рамках конструктивно-позитивного подхода к оценке образовательных преобразований советская общеобразовательная школа позиционировалась как образец лучшей средней школы в мире.

В современной историографии появляются новые исследовательские направления, рассматривающие вопросы материальной обеспеченности,

¹ *Кабанов П.И.* История культурной революции в СССР. М: Высшая школа, 1972.

² Советская интеллигенция. Краткий очерк истории (1917–1975). М: Государственное издательство политической литературы, 1977.

³ *Веселов В.Р.* Формирование учительских кадров в СССР. Учеб. пособие по спецкурсу. М: МГПИ, 1983.

⁴ *Алибаев С.Р.* Школы Башкирской АССР (прошлое, настоящее и пути дальнейшего развития). Уфа: Башкнигоиздат, 1966.

⁵ *Мустафина Ф.Х.* Развитие всеобщего среднего образования в СССР (1917–1978 гг.). Уфа: Башкнигоиздат, 1979.

социального статуса, образа жизни, ценностей, места в советском обществе провинциальных учителей⁶. Проблему социально-психологического облика советского учительства в провинции освещает А.М. Ходырев⁷.

Более отчетливо острота проблемы с распределением учительских кадров в послевоенные десятилетия обозначилась благодаря исследованиям Л.И. Анайкиной⁸. В новейших трудах исследователи обновляют фактографическую базу, обращаясь к «белым пятнам» истории школьного образования, в частности ее социальным аспектам. Привлечение ранее табуированных источников позволило Г.М. Ивановой обратиться к замалчиваемой ранее в историографии проблеме безработицы среди советских учителей в середине 1950-х гг.⁹

Положению сельских учителей Оренбургской области посвящены исследования Л.А. Кривцовой¹⁰. Отдельные аспекты подготовки учительских кадров в Башкирской АССР представлены в научных публикациях Г.А. Асадуллиной и М.Ш. Шагеевой¹¹.

Вопросам подготовки советских учителей посвящены и труды зарубежных ученых. По утверждению американского исследователя Е. Томаса Юинга, «по своему социальному статусу, характеру работы и профессиональному облику советский учитель был похож на учителя любой другой страны мира, уникальным же оказывается его вовлеченность в политику»¹².

⁶ Белова М.Г. Повседневная жизнь учителей / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2015.

⁷ Ходырев А.М. Исторические аспекты отечественного образования в провинции // Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах: коллективная монография / Под науч. ред. Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной, Н.Н. Летиной, М.В. Новикова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013.

⁸ Анайкина Л.И. Становление системы народного образования в РСФСР (1922–1991 гг.). Нижний Новгород: Бегемот, 2000.

⁹ Иванова Г.М. Социальные аспекты развития советской системы образования в 1950–1960-е гг. // Вестник славянских культур. 2013. № 3. С. 25–31.

¹⁰ Кривцова Л.А. Сельское учительство Оренбургской области второй половины XX века: количественные и качественные изменения // Известия Оренбургского аграрного университета. 2006. Том. 3. № 11–1. С. 99–101.

¹¹ Асадуллина Г.А. Некоторые аспекты становления среднего педагогического образования в БАССР (на примере Месягутовского башкирского педагогического техникума в 1929–1945 гг.) // Вестник ВЭГУ. 2013. № 2 (64). С. 163–167; Шагеева М.Ш. Учительские институты Башкирской АССР и их роль в подготовке педагогических кадров 1930–1950-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12. С. 200–203.

¹² Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. С. 263.

Источниковую базу статьи составляют документы центральных и региональных архивов. Исходя из структуры партийно-государственного управления образованием, большое значение для нашего исследования имели материалы Российского государственного архива социально-политической истории, отложившиеся в фонде Бюро ЦК КПСС по РСФСР. По степени научно-исторической важности следует выделить также привлеченные материалы из фондов Российского государственного архива новейшей истории, в том числе фонда Аппарата ЦК КПСС, который обеспечивал работу Политбюро, Секретариата, комиссий и Бюро ЦК КПСС, готовил заключения и предложения по поступающей в ЦК информации, касающиеся состояния и подготовки учительских кадров страны. Обширный материал по теме исследования хранится в фондах Министерств просвещения СССР и РСФСР в Государственном архиве Российской Федерации. Высокой репрезентативностью отличаются материалы фондов Национального архива Республики Башкортостан, Центра документации новейшей истории Оренбургской области, в которых нашли отражение многие аспекты реализации государственной политики СССР в сфере просвещения, затрагивающие в том числе положение учительства изучаемого региона.

Кадровый голод после войны и пути решения учительской проблемы на Южном Урале

Осуществление советским правительством стратегических планов построения коммунистического общества требовало развития человеческого капитала. На этапе восстановления народного хозяйства после окончания Великой Отечественной войны нехватка квалифицированных учителей в общеобразовательных школах представляла серьезную государственную проблему. За военный период численность учителей по РСФСР уменьшилась с 670 тыс. человек в 1940 г. до 592 тыс. человек в 1945 г.¹³ По РСФСР особенно не хватало учителей с высшим образованием для старших классов.

Так, в Башкирской АССР за годы войны общее количество педагогов сократилось более чем на 2800 человек (с 22,1 тыс. в 1940/1941 учебном году до 19,3 тыс. в 1945/1946 учебном году)¹⁴. Общеобразовательные школы испытывали острую потребность в учителях необходимой квалификации, особенно для начального звена. К началу 1946 г. свыше половины учи-

¹³ *Калашиков А.Г.* Задачи органов народного образования в 1946 году // Народное образование. 1946. № 1. С. 37–42.

¹⁴ Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. 798. Оп. 9. Д. 14а. Л. 47.

телей начальных школ Башкирии нуждались в повышении педагогической квалификации на базе педагогических институтов или училищ¹⁵.

Количественное сокращение преподавательского состава школ объяснялась объективными причинами военных лет. Не все учителя-мужчины вернулись с фронтов Великой Отечественной войны. Военный период способствовал повышению социальной мобильности учительства. Некоторые учителя выдвигались на выборную общественную и советскую работу, райкомы и горкомы ВКП(б). Этот факт свидетельствовал о повышении роли этой социальной группы в условиях военного лихолетья.

При этом встречалось немало случаев, когда учителя самых дефицитных специальностей отказывались возвращаться в школы, продолжая работать не по профилю. Часть квалифицированных специалистов предпочитала устраиваться в сферы, далекие от школьного образования. Нередко демобилизованные учителя, обустроиваясь в мирной жизни, не обращались в органы народного образования. Бывшие учителя и директора школ предпочитали переходить на более привлекательные должности, например секретарями или редакторами районных газет, директорами театров, заведующими райсобесов, завскладами, следователями и даже продавцами магазинов¹⁶.

Подобная практика вызывала критику со стороны органов государственной власти. Как справедливо замечал в 1946 г. заместитель наркома просвещения РСФСР А.Г. Калашников, на местах имелось «много случаев прямого разбазаривания учительских кадров»¹⁷.

Советское руководство осознавало, что подлинная послевоенная модернизация страны выходит далеко за рамки экономического развития. Она требовала закрепления достигнутых в 1920–1930-е гг. глубинных трансформаций в политической, социокультурной и духовной областях.

В целях подготовки учительских кадров новой формации в Советском Союзе еще в довоенный период складывается многоуровневая структура педагогического образования, прошедшая испытание Великой Отечественной войной. В педагогических институтах и университетах в течение четырех лет на базе средней школы готовились преподаватели старших классов

¹⁵ НА РБ. Ф. 798. Оп. 9. Д. 16. Л. 18.

¹⁶ См. об этом подробнее: *Алмаев Р.З.* Провинциальный учитель Южного Урала послесталинской эпохи: социокультурный портрет // *Культура и власть в СССР. 1920–1950-е годы: Материалы IX международной научной конференции.* Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2017. С. 413.

¹⁷ *Калашников А.Г.* Задачи органов народного образования в 1946 году... С. 37–42.

(8–10 классов) средней школы. Учительские институты в течение двух лет вели подготовку на базе средней школы и педагогического училища педагогов для 5–7 классов семилетней и средней школы. В педагогических училищах осуществлялась подготовка учителей начальных классов (1–4 классов).

Правовую основу программы подготовки учительских кадров после завершения войны заложило постановление СНК СССР от 20 августа 1945 г. «Об улучшении дела подготовки учителей»¹⁸. Нормативный документ определял структуру высших и средних учебных педагогических заведений. Педагогические институты делились на четыре категории, учительские институты – на две и педагогические училища – на три. В соответствии с этой классификацией устанавливалось постоянное число студентов для набора на первый курс. В педагогических институтах он составлял 600, 400, 200, 150 человек соответственно; в учительских институтах – 200 и 125 человек; в педагогических училищах – 120, 90 и 60 человек. Кроме того, численность факультетов напрямую зависела от категории вуза. В педагогических институтах первой и второй категории могли функционировать шесть факультетов, третьей – четыре факультета, четвертой категории – три факультета. Для каждого типа вузов определялся минимум кафедр, кабинетов и лабораторий¹⁹.

В крупнейших педагогических вузах Южного Урала – Башкирском, Чкаловском и Челябинском – действовало шесть факультетов (исторический, языка и литературы, физико-математический, географический, естествознания, иностранный). Магнитогорский и Шадринский пединституты осуществляли подготовку специалистов на трех факультетах – литературном, историческом и физико-математическом²⁰.

Ускоренные сроки и темпы введения всеобщего бесплатного семилетнего образования обязывали органы управления на местах уделять внимание и другим формам получения педагогического образования и повышения квалификации.

Принятый 19 декабря 1945 г. приказ Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР и НКП РСФСР «О заочном обучении учителей» устанавливал следующие сроки обучения на заочных отделениях:

¹⁸ Об улучшении дела подготовки учителей: Постановление СНК СССР № 2088 от 20 августа 1945 г. // Народное образование. Основные постановления, приказы и инструкции / Сост. А.М. Данев. М.: Учпедгиз, 1948. С. 375–376.

¹⁹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1941–1961 гг.) / Под ред. Ф.Г. Паначина. М.: Педагогика, 1988. С. 105.

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 9771. Л. 10, 18.

университетов – 6 лет, педагогических институтов – 3 года и педагогических училищ – 4 года. Учителям начальных классов, не имеющим соответствующего образования, предписывалось обучаться на заочных отделениях педучилищ, учителям семилетних и средних школ, соответственно, – учительских и педагогических институтов.

На Южном Урале велась достаточно плодотворная работа по обеспечению общеобразовательных школ учительскими кадрами. Обозначенный в правительственных документах курс на массовое распространение обязательного педагогического образования для учительских кадров местные власти сочетали с привлечением учителей-фронтовиков и педагогов, прибывавших из других регионов страны вместе с семьями на крупные стройки послевоенных пятилеток²¹.

О большом наплыве студентов в Башкирский государственный педагогический институт (БГПИ) имени К.А. Тимирязева в первом послевоенном учебном году писала газета «Красная Башкирия»: «Из 640 человек, пожелавших учиться в институте, было принято 420 абитуриентов. Среди принятых – 25 инвалидов Великой Отечественной войны. В числе первокурсников много фронтовиков. Студентами историко-литературного факультета стали Герои Советского Союза М.И. Абдуллин и Д.С. Сергеев, орденосец из Чишминского района Белалова и другие»²².

Эта категория студентов, несмотря на трудности учебы, становилась образцом серьезного и творческого отношения к учебе и дисциплине.

Первые послевоенные наборы в педагогические институты отличались необычным социальным составом. Война уравнивала возраст студентов. Вместе с семнадцатилетними выпускниками школ за партами оказались представители военного поколения молодежи. Например, сразу три брата Кузеевых стали однокурсниками БГПИ – фронтовики Джавид, Рустем и самый младший Раиль²³.

Золотым фондом педагогических институтов Южного Урала называли студентов и преподавателей-фронтовиков. В Челябинском педагогическом институте с фронтов Великой Отечественной войны вернулись к преподавательской работе Д.А. Клюкин (бывший директор института), А.Ф. Лучинин, А.П. Стуков, М.Н. Мельников, Ю.В. Карасов, С.И. Дергачев, Л.Я. Леванидов и другие²⁴.

²¹ НА РБ. Ф. 798. Оп. 9. Д. 14 а. Л. 46.

²² Начало занятий в вузах // Красная Башкирия. 1945. Сентябрь.

²³ Ямалов М.Б., Алмаев Р.З. Р.Г. Кузеев (1923–1998). Уфа: Вагант, 2008. С. 16.

²⁴ Челябинский государственный педагогический университет. Челябинск: ЧГПУ, 2004. С. 91.

Из 31 преподавателя БГПИ, участника Великой Отечественной войны, 20 осталось в живых. Большинство из них продолжило научно-преподавательскую деятельность. Огромным авторитетом в студенческой аудитории пользовались Ш.Х. Чанбарисов (впоследствии ректор БашГУ), Ш.М. Назаров, З.И. Сираев, С.Н. Нигматуллин, Д.М. Шнейдер, А.И. Каримов, В.Г. Прокшин, М.Д. Маслов, А.А. Цветаев, А.И. Чанышев, Н.З. Диаров, Ф.Г. Газизов и другие²⁵. Возвратившиеся в вузы преподаватели-фронтовики, как правило, являлись людьми, преданными своей профессии. Словно соревнуясь с потерянным на войне временем, несмотря на влияние идеологии на систему образования, они разворачивали многогранную просветительскую деятельность, создавая особую атмосферу в студенческой среде.

Особенностью учебного процесса первых послевоенных лет стали большой отсев студентов и выпуск значительной части студентов без диплома. Так, только по итогам 1946/1947 учебного года из БГПИ выбыло 242 студента. До 40% от общего числа отсеявшихся студентов приходилось на молодежь из отдаленных районов Башкирии. Они были вынуждены бросать учебу по причине недостатка мест в общежитии и отсутствия возможностей снимать жилплощадь.

Для поддержания необходимого количества студентов руководство вузов шло на нарушение приказа Министерства высшего образования и просвещения РСФСР. Например, проверка работы Башпединститута имени К.А. Тимирязева (от 15 апреля 1948 г.) инспектором вузов Минпроса РСФСР Д.Ф. Тарасовым выявила систематическое превышение плана приема в течение трех лет. Это служило своеобразной перестраховкой от возможного отсева²⁶.

Властные структуры в центре и на местах прикладывали немало усилий для преодоления сложностей в работе высших педагогических учебных заведений в послевоенные годы. Однако на практике сохранялись многочисленные трудности в работе педагогических вузов Южного Урала. Особенно остро ощущался недостаток учебных площадей. Так, сложная ситуация наблюдалась в вузах Оренбургской области. На протяжении многих лет ни один из институтов не имел типовых учебных помещений, все они размещались в приспособленных зданиях. Чкаловский педагогический институт занимал помещение дореволюционной мужской гимназии, Орский педагогический – бывшей гостиницы²⁷.

²⁵ *Кульшарипов М.М., Низамов А.И.* История Башкирского государственного университета. Уфа: БГУ, 1997. С. 75.

²⁶ НА РБ. Оп. 29. Д. 590. Л. 16 об.

²⁷ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее — ЦДННАО). Ф. 371. Оп. 18. Д. 1642. Л. 1.

Башкирский педагогический институт с контингентом студентов в 1200 человек теснился в двух небольших корпусах. Руководство института приложило немало усилий, чтобы вернуть учебное здание по улице Сталина, занимаемое военным заводом²⁸. Подобная же ситуация с учебными площадями сложилась и в педагогических вузах других городов – Стерлитамака, Бирска, Кургана, Челябинска.

Подготовку педагогов для 5–7 классов общеобразовательных школ осуществляли Бирский, Уфимский, Стерлитамакский, Бугурусланский, Чкаловский, Магнитогорский, Челябинский, Златоустовский, Шадринский учительские институты. В 1949 г. осуществляется реорганизация Месягутовского педагогического училища в учительский институт. В отличие от педагогических институтов планы приема в учительские институты систематически не выполнялись. Так, план приема в Уфимский учительский институт в 1947, 1948 гг. был выполнен только на 70%²⁹. Низкие результаты приемной комиссии во многом объяснялись отсутствием целенаправленной работы по обеспечению набора в учительский институт.

Национальный состав студентов педагогических институтов Оренбургской, Курганской и Челябинской областей в целом соответствовал этнической структуре своего региона. Более остро проблема подготовки национальных кадров наблюдалась в Башкирской АССР. В докладе секретаря парторганизации БГПИ М.Д. Маслова на городском партсобрании города Уфы 15 июня 1950 г. отмечалась тенденция сокращения студентов коренной национальности. Если в 1938/1939 учебном году численность студентов-башкир составляла 25%, то в 1949/1950 учебном году их насчитывалось лишь 15,8%³⁰. Более низкое представительство башкир в студенческой среде по сравнению с довоенным временем объяснялось плохим знанием русского языка абитуриентами – башкирами и татарами – и недостаточно эффективной организацией набора студентов руководством вузов.

Тем не менее, количество учителей в школах продолжало возрастать. К концу 1940-х – началу 1950-х гг. значительно увеличиваются контингенты и выпуски педагогических, учительских институтов и педучилищ. В 1949/1950 учебном году в пяти педагогических институтах Южного Урала обучалось 4394 студента, что превышало контингент 1945/1946 учебного года в 2,3 раза³¹.

²⁸ НА РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 582. Л. 155.

²⁹ Там же. Л. 16.

³⁰ *Тимиргазиева А.И.* Из истории подготовки педагогических кадров в БАССР в 1950–1970 годы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 1. С. 42.

³¹ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 9763. Л. 5, 61, 63, 65; Оп. 75. Д. 4642. Л. 5, 38, 63, 65, 67.

Например, в Башкирии за годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) ускоренность темпов подготовки и переподготовки учителей выразилась в увеличении их числа более чем на 8,2 тыс. человек³². При этом количественный рост учителей не всегда подкреплялся качеством преподавания.

Внешне оптимистическую картину портили многочисленные трудности, диспропорции между предложением и спросом в учителях необходимой специальности и квалификации. За радужными цифрами скрывалась и труднодостижимая задача массового охвата учителей заочным обучением в силу предпенсионного возраста, семейных обстоятельств, состояния здоровья. Кроме того, у педагогов возникали сложности из-за внушительных нагрузок в ходе совмещения учебы и преподавания в школе.

В условиях послевоенных лет сохранялась тенденция значительной текучести учительских кадров по вине отдельных горкомов и райкомов партии. Судя по архивным документам, использование учителей, директоров школ не по назначению, массовые их перемещения наблюдались в течение всего 1950 г. в Аскинском, Бураевском, Мишкинском, Кигинском районах Башкирии³³.

Депутаты Верховного совета БАССР на заседаниях своих сессий неоднократно обращали внимание на использование учителей республики не по назначению из-за бесконтрольности со стороны Министерства просвещения БАССР. По определению депутата второй сессии четвертого созыва 2–3 ноября 1955 г. Ш.Н. Садыкова, «министерство довольствовалось предоставлением отделам народного образования права комплектовать школы учителями. При распределении выпускников институтов больше всего направляет их в города и в ближайшие к железным дорогам районы»³⁴.

Районные и городские отделы народного образования допускали прием на преподавательскую работу молодых специалистов без направления Министерства народного образования или справки о предоставлении возможности самостоятельно устраиваться на работу.

В этой связи исполком Оренбургского облсовета неоднократно предупреждал руководителей предприятий, организаций, учреждений о том, что согласно действовавшему законодательству (постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 25 мая 1949 г. и от 30 августа 1954 г.) запрещался прием на работу молодых специалистов в течение трех лет после окончания учебного заведения при отсутствии соответствующих документов. На это время запрещалось использовать выпускников вузов и средне

³² НА РБ. Ф. 798. Оп. 9. Д. 14 а. Л. 47.

³³ Там же. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1976. Л. 34.

³⁴ Там же. Ф. 798. Оп. 9. Д. 69. Л. 20, 21.

специальных учебных заведений в управленческом аппарате, а также производить перемещения на работы, не связанные со специальностью, полученной в учебном заведении³⁵.

Существовавшая в стране централизация управления образованием допускала промежуточный уровень децентрализации. Он выражался в совместной работе местных органов народного образования с областными (республиканскими) комитетами КПСС, Советами депутатов трудящихся, с профсоюзными, комсомольскими и хозяйственными органами. Основными недостатками такой децентрализации на местах являлись ее негибкость и недостаточная согласованность действий отраслевых и партийно-советских органов управления школьным образованием.

В связи с широкими масштабами семилетнего и среднего образования и быстрым ростом количества школ и учителей расширяются полномочия городских и районных отделов народного образования; происходит делегирование права принятия решений от центральных к более мелким территориальным образовательным подразделениям. Они фактически начинают проводить всю работу по подбору и распределению учителей. Компетенция крайоно, облоно и министерств просвещения АССР сводится к формальному изданию приказов о назначении, переводе и увольнении учителей.

Отсутствие стабильности с распределением учительских кадров свидетельствовало о наличии многочисленных проблем, связанных также с тяжелым материальным положением учителей. Повседневность профессиональной и бытовой жизни учительства отражались в так называемых «письмах населения во власть». Особого отношения заслуживают письма в центральные газеты, специализированные педагогические издания – «Учительскую газету», журналы «Народное образование», «Советская педагогика». В них содержатся свидетельства о фактах грубейших нарушений постановлений правительства со стороны местных властей по своевременности оплаты труда работникам образования, предоставления жилья, льгот сельским учителям и учителям-пенсионерам.

Вот типичные строки из письма учительницы семилетней школы села Кырпы Калтасинского района Башкирской АССР А.В. Бакуриной в редакцию газеты «Правда»:

«Преподаю в данной школе второй год. Всего работает 15 учителей, но заботы о них нет. Очень тяжелое положение создалось у нас с квартирами. Школьных домов нет, а частную квартиру найти нам очень трудно.

³⁵ Народное образование в СССР. Сборник нормативных актов. М: Юридическая литература, 1987. С. 258.

Сельский совет не может заключить договор, потому что нам выплачивают квартирные деньги только в размере 10 рублей. За такую плату на квартиру никто не принимает. Зав. райфинотделом тов. Банников посоветовал председателю сельсовета заключить договор на ту сумму, которую запросил хозяин, а разницу предложил доплачивать учителям. Так и получилось. Раз квартиры частные, то приходится платить столько, сколько запросит хозяин. Я живу в комнате, где помещается только кровать. Плачу 50 рублей в месяц.

Также тяжело у нас с топливом. На дрова мне дали 200 рублей. Я заплатила 500 рублей и еще не уверена в том, что этих дров хватит на зиму»³⁶. Недостаточная социальная и материальная защищенность учителей не способствовала их закреплению в сельской местности.

Наибольшее число педагогов, чье образование не соответствовало занимаемой должности, сохранялось в V–VII классах. Например, на 1 января 1949 г. в Башкирской АССР процент учителей, преподающих на базе среднего или неполного среднего образования, среди работающих в этих классах составлял 67,8%³⁷. Значительную долю учительских кадров, без высшего педагогического образования, представляли преподаватели иностранного языка, физики, математики, русского языка и литературы.

Тем не менее, к концу четвертой пятилетки в рамках восстановления системы образования и подготовки учительских кадров в основном удалось минимизировать проблему нехватки учителей в регионе.

Скрытая безработица учителей в 1953–1957 гг.

К середине 1950-х гг. стали появляться новые сложности в комплектовании учительских кадров. На этот раз они заключались в превышении на местах необходимого числа учителей для начальных и семилетних школ. Причиной временного избытка учителей в РСФСР стало резкое сокращение детей школьного возраста вследствие уменьшения рождаемости в годы войны. В школах начинали обучение «дети войны» – 1942–1945 гг. рождения.

Злободневной социальной проблемой становится скрытая безработица учителей. Она проявлялась главным образом в снижении учебной нагрузки. По РСФСР к 1953 г. образуется избыток учителей только началь-

³⁶ Российский государственный архив новейшей истории Российской Федерации (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 18. Д. 42. Л. 168.

³⁷ Там же. Оп. 29. Д. 58. Л. 153.

ных классов в 157 тыс. человек³⁸. За два учебных года (с 1955 по 1957 г.) в школах по республике сокращается 93,3 тыс. учительских ставок³⁹.

Дополнительные трудности в системе образования неблагоприятно сказывались на школьной жизни. В большинстве случаев распределение ставок в семилетних школах происходило не по принципу соответствия полученной специальности и профессионализма учителя, а исходя из необходимости равномерного распределения учебной нагрузки. Стремление директоров школ любой ценой сохранить педагогические кадры негативно отражалось на учебном процессе. В свою очередь, тяжелое материальное положение педагогов оказывало влияние на падении престижа профессии учителя.

Насколько ожидаемыми для руководства страны и центральных органов просвещения оказались последствия «демографической ямы» 1950-х гг.?

В отличие от стран Запада в Советском Союзе еще в довоенные десятилетия складывается принцип двойного управления и подчинения местных органов образования: вертикальный (отраслевой) и горизонтальный (партийно-советский). Устанавливается вертикальная многоступенчатая структура управления на уровне министерства просвещения РСФСР, министерств просвещения автономных республик, краевых и областных отделов народного образования, городских (с районным делением) и районных отделов народного образования⁴⁰.

До 1966 г. министерство просвещения РСФСР исполняло функции общесоюзного министерства. Данная модель управления сочеталась с подчиненностью местных органов образования областным (республиканским) комитетам партии и Советам депутатов трудящихся. Во всех автономных республиках и областях при обкомах, горкомах и райкомах функционировали школьные отделы. Общее руководство системой образования осуществлялось через аппарат ЦК КПСС. Централизация государственной власти подкреплялась жестким идеологическим контролем со стороны партийных органов, которые не только определяли курс и политику в области образования, но решали также кадровые и финансовые вопросы.

³⁸ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1941–1961) / Под ред. Ф.Г. Паначина, М.К. Колмаковой, З.И. Равкина. М: Педагогика, 1988. С.101.

³⁹ *Иванова Г.М.* Социальные аспекты развития советской системы образования в 1950–1960-е гг. // *Вестник славянских культур*. 2013. № 3. С. 26.

⁴⁰ *Паначин Ф.Г.* Управление просвещением в СССР. М: Просвещение, 1977. С. 200.

Министерства просвещения автономных республик и областные отделы народного образования были высшим звеном управления на местах. Они осуществляли практическую реализацию партийно-государственного курса в области школьного образования.

На данном этапе развития страны централизация управления образованием имела большое позитивное значение. Особенности географического расположения, многонациональный состав населения в условиях послевоенного лихолетья создавали трудности даже в сборе статистической информации о количестве школ и учащихся, их распределения по стране.

Архивные документы 1950-х гг. позволяют выявить причины, которые привели к частичной или полной незанятости части учителей страны. В первую очередь, сказались статистические просчеты Министерства просвещения и Госплана РСФСР в планировании и распределении учительских кадров.

Особенно отчетливо прослеживается факт недостаточного внимания со стороны Совета Министров РСФСР к декабрьским 1951 г. расчетам Министерства просвещения РСФСР. В документе министерства прогнозировались размеры сокращения школьных контингентов по всем ступеням общеобразовательной школы, определялось предполагаемое превышение числа учителей.

В докладе Минпроса РСФСР указывалось, что сокращение контингента детей с I по IV классы началось в 1949 г. и продлится до 1954 г.; с V по VII классы затронет 1955–1957 гг. и с VIII по X классы будет приходиться на 1957–1961 гг. В результате этого образуется лишняя численность учителей по всем классам в размере 131218 человек.

Разработчики документа выражали озабоченность по поводу возможности использования на учительской работе только небольшой части учителей начальных классов (12987 чел.)⁴¹. В условиях отсутствия вакансий в школах учителей, попавших под сокращение, или выпускников педагогических учебных заведений предполагалось временно трудоустроить в культурно-массовых учреждениях и в народном хозяйстве.

Однако социальная ситуация, достигшая опасной черты, Министерством просвещения регулировалась слабо. Исследователь Г.М. Иванова правомерно отмечает факт, усугублявший ситуацию с безработицей, в отсутствии структур, обязанных заниматься трудоустройством граждан, вынужденно оставшихся без работы⁴².

⁴¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 66. Л. 80.

⁴² *Иванова Г.М.* Социальные аспекты развития советской системы образования в 1950–1960-е гг. // *Вестник славянских культур*. 2013. № 3. С. 26.

В этой связи заслуживает внимания докладная записка начальника Управления кадров Министерства просвещения РСФСР А. Ходырева секретарю ЦК КПСС М.А. Сулову. В ней содержится критический анализ работы руководящих чиновников Министерства просвещения РСФСР и Отдела школ ЦК КПСС. Несмотря на правильность основных расчетов Минпроса РСФСР в отношении сокращения школьных контингентов, работники государственного аппарата не довели до ЦК КПСС истинное положение дел с учительскими кадрами⁴³.

Следует выделить проявление негативных сторон централизованного управления, а именно – медлительность и неповоротливость бюрократического аппарата. В данном случае размежевание административно-организационных компетенций и полномочий партийно-государственного управленческого аппарата привело к перенасыщению школ учительскими кадрами. По утверждению современного политолога Б.Ю. Кагарлицкого, «нет ничего хуже плюрализма внутри управленческого аппарата»⁴⁴, именно по мере возрастания «бюрократического плюрализма» коммунистическая партия начала разрушаться⁴⁵.

Серьезная озабоченность в связи со сложившейся в учительской среде ситуацией содержалась в другом документе этого времени, также адресованном ЦК КПСС. Начальник управления Министерства просвещения РСФСР И. Кузнецов отмечал: «Часть выпускников педучилищ и пединститутов отпускаются уже не первый год на самоустройство – кто куда сможет. Много учителей на положении полубезработных и терпят большую нужду. Во многих регионах свыше половины учителей 5–10 классов не имеют заработка даже в размере ставки. Около пятой части учителей не зарабатывают половины ставки, т.е. меньше уборщицы школы. Средняя зарплата учителя 5–10 классов по РСФСР в 1955 году снизилась по селу на 10%, по сравнению с 1950 годом, по городу на 11%. В многочисленных письмах учителей это рассматривается как извращение ленинских указаний об учителе»⁴⁶.

⁴³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 556. Оп. 16. Д. 35. Л. 16–20.

⁴⁴ Кагарлицкий Б.Ю. Бюрократический плюрализм. Сборник статей и интервью 2006 г. URL: <http://https://librolife.ru/g4217496> (Дата обращения 30.01.2018).

⁴⁵ Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. URL: <https://gotanbook.ru/book/3559497/?page=48> (Дата обращения 30.01.2018).

⁴⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 66. Л. 90.

Вот что писал по этому поводу в Министерство просвещения РСФСР учитель истории средней школы рабочей молодежи Ленинградской области С.Д. Павлов: «Прошу помочь мне получить работу в школе. Директор школы, по профессии учитель истории, оставляет меня на предстоящий 1956/57 учебный год с неполной нагрузкой – одиннадцать часов истории в неделю, – забрав себе вместе с консультациями семь уроков в неделю истории. Свои действия директор оправдывает тем, что Всеволожский районный отдел народного образования, назначая его на должность директора школы, обещал ему часовую нагрузку за счет учителя. Прикрываясь согласием районного отдела, директор и отбирает у меня уроки.

Итак, я снова с семьей обречен на полуголодное существование. Тяжела доля учителя в наше время. В 1955 году я был шесть месяцев безработным, о чем я вам писал неоднократно, а в 1956 году меня снова ожидает безработица, так я не уверен в том, что и эти часы будут сохранены за мною к концу года»⁴⁷.

Анализ ранее засекреченных архивных документов приводит к выводу о том, что продвижение в индустриальную эпоху сопровождалось и открытой безработицей середины 1950-х гг. Здесь проявлялось острейшее противоречие социальной политики Н.С. Хрущева. С одной стороны, происходило повышение уровня жизни населения в целом, а с другой, ощущаемая социальная несправедливость. К январю 1956 г. только в одной Московской области насчитывалось свыше 10 тыс. человек, нуждающихся в трудоустройстве. Ежедневно со всех концов Советского Союза подростки, инвалиды, лица, уволенные по сокращению штатов и по другим основаниям, вернувшиеся из мест заключения, уволенные из советской армии солдаты и офицеры и другие категории населения обращались в Президиум Верховного Совета СССР с письмами об оказании содействия в трудоустройстве⁴⁸.

Приведенная ниже таблица иллюстрирует динамику снижения учебной нагрузки большинства учителей русского языка, литературы, физики, математики, истории, естествознания, химии и географии за период 1953–1956 гг. Только преподаватели иностранного языка имели среднюю недельную нагрузку по РСФСР в размере тарифной ставки (18 часов в неделю).

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 66. Л. 147.

⁴⁸ Там же. Оп. 30. Д. 185. Л. 29.

Таблица 1 / Table 1

**Фактическая недельная учебная нагрузка учителей РСФСР 5–7 классов /
Actual weekly training load of teachers of the RSFSR of grades 5–7**

Учителя-предметники	1953/1954 учебный год	1954/1955 учебный год	1955/1956 учебный год
Русского языка и литературы	17,4	16,3	15,1
Физики и математики	20,1	18,7	17,2
Истории и Конституции СССР	16,2	18,3	15,6
Естествознания, химии и географии	19,0	18,7	16,7
Иностранных языков	25,1	21,9	18,5

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д.185. Л. 54.

Во многих случаях низкая норма учебной нагрузки учителя стала следствием ликвидации параллельных классов, а следовательно, роста числа мелких школ, неспособных обеспечить ему полную нагрузку. При распределении часов происходили конфликтные ситуации между администрацией и учителями-предметниками. Низкая заработная плата приводила к тому, что учителям приходилось соглашаться на преподавание непрофильных для себя дисциплин.

Нерешенность вопроса обеспечения учителей школ нагрузкой в размере тарифной ставки наблюдалась также на Южном Урале в 1955 г. Например, в Сосновском районе Челябинской области из 216 учителей 5–10-х классов нагрузку до 10 часов имели 47 человек, до 15 часов – 54 чел., от 15 до 18 часов – 45 чел. Только 70 учителей (32%) вели занятия с недельной нагрузкой свыше 18 часов. Аналогичная ситуация наблюдалась и в городских школах. В городе Златоусте из 389 учителей минимальный объем часов (менее 9 в неделю) имел 81 человек, 10–12 часов – 53 чел., 13–17 часов – 43 чел. В общей сложности 45% учителей не имели зарплаты в размере ставки⁴⁹.

Сложная ситуация с перепроизводством учителей педагогическими учебными заведениями стояла в Башкирской АССР. Местные органы образования республики оказались вынуждены сократить в 1955/1956 учебном

⁴⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 185. Л. 74.

году 2073 учителя⁵⁰. Тем не менее, благодаря скоординированности усилий Министерства просвещения БАССР с райисполкомами и райкомами партии удалось обеспечить работой в системе народного образования половину учителей, подлежащих сокращению⁵¹. В качестве стабилизирующей меры сокращаются приемы в педагогические учебные заведения. Так, Башкирский педагогический институт им. К.А. Тимирязева снижает количество мест приема в 1956/1957 учебном году на 358 человек по сравнению с 1951/1952 учебным годом⁵².

Правительство РСФСР всю ответственность за перепроизводство учителей возлагает на заместителей министра просвещения РСФСР А. Арсеньева и П. Зимина, заместителя председателя Госплана РСФСР Гармонова, допустивших ошибки в кадровом планировании учителей.

По мнению заведующего отделом школ ЦК КПСС Н.Д. Казьмина, занимавшего эту должность в 1955–1956 гг., главная ошибка Минпроса РСФСР заключалась в отсутствии контроля за избыточными на рынке труда выпусками учителей для начальных классов. Только в 1955 г. снижается прием в педучилища. В результате чего за 1949–1955 гг. было подготовлено выше реальной потребности около 50 тыс. учителей начальной школы, которых пришлось использовать не по специальности (воспитательницами детских садов, библиотекарями и т.д.)⁵³.

Минпросом РСФСР не предпринимались реальные действия в вопросе определения порядка возвращения в начальную школу учителей V–VII классов, временно переведенных в семилетнюю школу и не имеющих соответствующего образования. Кроме того, статистические данные свидетельствовали о возрастании избытка учителей V–VII классов по РСФСР по причине сложившейся практики значительного ежегодного перераспределения молодых учителей из области в область и в силу невыполнения народнохозяйственного плана по всеобучу⁵⁴.

Ближайшие годы показали правомерность сокращения по стране педагогических училищ в небольших количествах. Волнообразная динамика рождаемости в военные и послевоенные годы уже к концу 1950-х гг. увеличивает потребность в открытии новых школ с начальными классами. Согласно данным известного историка и демографа Ю.А. Полякова, значи-

⁵⁰ НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1995. Л. 32.

⁵¹ Там же. Л. 32.

⁵² *Кульшарипов М.Н., Низамов А.Г.* История Башкирского государственного университета. Уфа: БГУ, 1997. С. 94.

⁵³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 66. Л. 52.

⁵⁴ Там же. Л. 84.

тельный рост рождаемости в городах РСФСР приходился на 1947 и 1949 гг., в сельской местности – на 1951 г.⁵⁵

Проблемы с трудоустройством учителей отражали ситуацию, связанную с демографическими колебаниями времени, изменениями в экономическом развитии страны. Серьезные просчеты в планировании сети школ и выпусков педагогических учебных заведений демонстрировали недостаточную эффективность государственной политики использования бюджетных средств в сфере образования.

Реструктуризация педагогических учебных заведений на Южном Урале

Расширяющиеся темпы индустриального развития и неоднозначные демографические процессы вынуждали высшие партийно-государственные органы страны пойти на определенные структурные изменения в системе подготовки учительских кадров. Принимаются меры по реорганизации и оптимизации педагогических учебных заведений. Министерство просвещения РСФСР пересматривает планы подготовки учителей в сторону сокращения приемов. В педагогических вузах внедряется многопрофильная подготовка, например, учителей русского языка, литературы и истории или математики, физики и черчения. Данная мера объяснялась необходимостью обеспечения учебной нагрузкой учителей сельских малокомплектных школ. В педагогических институтах вводится пятилетний срок обучения, осуществляется ряд мер по трудоустройству и улучшению использования учительских кадров⁵⁶.

В период с 1951 по 1955 гг. в РСФСР активизируется работа по регулированию структуры педагогического образования. С этой целью закрывается 136 учительских институтов с ежегодным приемом в 24 тыс. человек. Педагогические училища начиная с 1955 г. прекращают наборы на отделение физвоспитания и вдвое сокращают прием на отделение учителей – старших пионервожатых⁵⁷.

Исходя из новых задач высшей школы, учительские институты повышают свой статус до уровня педагогических институтов или переводятся до положения училища. С 1 сентября 1955 г. реорганизация в педагогические училища затронула тридцать семь учительских институтов страны⁵⁸.

⁵⁵ Поляков Ю.А. «Демографическое эхо» войны / Ю.А.Поляков, В.Б. Жиромская, Н.А. Араловец // *Война и общество, 1941–1945* / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 2004. С. 381.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 35. Л. 37.

⁵⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 66. Л. 53.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 81. Д. 3. Л. 25.

Прием абитуриентов в данные институты приостанавливался. Студенты-второкурсники переводились на вторые курсы соответствующих факультетов педагогических институтов в указанных областях и автономных республиках.

Насущная потребность в учительских кадрах наряду с проявлениями скрытой безработицы вынуждает руководство страны приступить к реструктуризации системы подготовки педагогических кадров, которая оказалась несколько запоздалой. Колебания в пропорциональном соотношении учащихся разных ступеней, экстренность принимаемых мер не позволяют региональным органам управления учитывать интересы учителей.

Процесс трансформации педагогических учебных заведений затронул систему педагогического образования Южного Урала. Так, в Башкирской АССР Бирский (в 1952 г.) и Стерлитамакский (в 1954 г.) учительские институты преобразуются в педагогические институты. В последующие годы научно-методическая работа этих вузов ориентировалась на помощь сельским школам, политехническую трудовую подготовку и профессиональную ориентацию школьников.

Месягутовский учительский институт, открытый в 1949 г., реорганизовывался в педагогическое училище. Закрытие единственного в РСФСР сельского учительского института стало вполне закономерным. В Месягутовском институте преподавал всего лишь один кандидат наук, и никто из заведующих кафедрами не имел ученой степени и звания. Институт располагался в селе, в 35 км от районного центра. Расстояние до ближайшей железнодорожной станции составляло 75 км. Производственная практика студентов проходила в школах, расположенных от института в радиусе 15–50 км. Эти обстоятельства серьезно затрудняли связь института с районным центром, железной дорогой и школами⁵⁹.

В 1953 г. закрываются учительские институты в Орске и Чкалове. Под влиянием демографических процессов понижаются до уровня среднего специального учебного заведения Бугурусланский учительский институт в Чкаловской области и Златоустовский в Челябинской области⁶⁰. Минпрос РСФСР не поддерживает ходатайство секретаря Чкаловского обкома КПСС П. Корчагина «О сохранении Бугурусланского учительского института» и реорганизации его в педагогический институт.

В ответе замминистра просвещения РСФСР А.М. Арсеньева в качестве главной причины реорганизации учебного заведения называется измене-

⁵⁹ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 81. Д. 3. Л. 26.

⁶⁰ Там же. Л. 27.

ние системы подготовки учителей для 5–10 классов, которую будут вести только педагогические институты. Выпуски студентов Чкаловского и Орского педагогических институтов считались достаточными для покрытия реальных потребностей в учителях 5–7 классов для Чкаловской области⁶¹.

Также Минпрос РСФСР не считал целесообразным открытие в городе Златоусте третьего педагогического института, полагаясь на два действовавших – Челябинский и Магнитогорский, которые должны были полностью обеспечить потребность области в учителях с высшим образованием⁶².

Учительские институты, деятельность которых приходится на 1934–1956 гг., внесли весомый вклад в подготовку учителей для 5–7 классов семилетней и средней школы. По мнению М.Ш. Шагеевой, именно «вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг. оказались наиболее плодотворными в истории некоторых учительских институтов. В послевоенное десятилетие укреплялась материальная база, наблюдался рост научной квалификации преподавателей»⁶³.

На наш взгляд, во многом благодаря преподавательской деятельности выпускников учительских институтов удается реализовать Закон о всеобщем бесплатном обучении на Южном Урале. В условиях индустриального общества получение семилетнего образования имело важные социальные последствия. Оно содействовало выравниванию шансов городских и сельских учащихся, создавая условия для дальнейшего получения юношами и девушками последующего образования и профессии.

Реорганизация учительских институтов в педагогические вузы давала возможность осуществлять более основательную и качественную подготовку учителей для среднего и старшего звена школы. Это позволяло учитывать такие факторы, как динамика изменений численности школьников в структуре ступеней образования, взаимозаменяемость учительских кадров.

Из-за избытка учителей начальных классов свертывается сеть школьных педагогических училищ. В течение 1955/1956 учебного года в Башкирской АССР закрывается 6 педагогических училищ – Бирское, Зилаирское, Давлекановское, Стерлитамакское, Николо-Березовское, Темясовское. Кушнаренковское татарское педучилище переводится в город Белебей, где после слияния с местным училищем наряду с русским и чувашским отделением создается и татарское. Здание Кушнаренковского педучилища в

⁶¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 61. Л. 103.

⁶² Там же. Л. 99.

⁶³ Шагеева М.Ш. Учительские институты Южного Урала в конце XIX – в первой половине XX века. Уфа, 2014. С. 25.

дальнейшем используется для нужд образования. Здесь располагается детский дом, а затем – школа-интернат для детей-сирот⁶⁴.

В других регионах Южного Урала, где насчитывалось меньшее количество педучилищ, оптимизация этих учебных заведений была минимальной. Так, в Чкаловской области закрывается Желтинское педагогическое училище, в Челябинской области – Катав-Ивановское, в Курганской области – Петровское, готовившее воспитателей детских домов. В Челябинской области также использовалась практика слияния учебных заведений: объединяются два педучилища города Златоуста⁶⁵. Студенты ликвидированных ссузов переводятся в другие педучилища. Материальная база, учебные корпуса, общежития передаются в распоряжение местных органов народного образования. Так, например, на базе Катав-Ивановского педагогического училища открывается школа-интернат.

Недостаточная оценка роли педагогических училищ сказалась на разбалансированности учительских кадров уже к началу 1960-х гг. Так, система образования Башкирской АССР, испытывавшая существенное сокращение педагогических ссузов, переживала кадровый голод в учителях начальных классов. В Башкирии к 1961 г. действовало всего лишь 6 педагогических училищ против 17 в 1941 г. Катастрофическая нехватка учителей со средним профессиональным образованием в I–VII классах вынудила привлечь к преподаванию в 1961 г. 578 выпускников средних школ. Студенты старших курсов педагогических институтов направлялись на «длительные практики», продолжавшиеся в течение всего учебного года⁶⁶.

Курс на введение всеобщего среднего образования и политехнического обучения в стране вызвал необходимость очередной корректировки системы подготовки учителей. В условиях реализации реформы 1958 г. в области образования перед коллективами педагогических учебных заведений выдвигаются две главные задачи: увеличение числа выпускаемых специалистов с учетом политехнического профиля школы и улучшение качества их подготовки.

Выводы

Исходя из специфики перехода советской экономики к мирной жизни, руководство страны реализовывало в послевоенные годы собственную модель подготовки учительских кадров, основы которой были заложены

⁶⁴ Маркелова Л.Н. Среднее профессиональное образование Башкортостана 1925–1985 гг.: Становление и развитие. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия, 2005. С. 100.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 81. Д. 3. Л. 1, 25, 27.

⁶⁶ НА РБ. Ф.122. Оп. 66. Д. 33. Л. 8.

еще в предвоенный период. Действовавшие в это время педагогические и учительские институты, педагогические училища представляли собой единую подсистему для обучения и переобучения преподавателей для общеобразовательных школ.

В результате комплексных мер, осуществленных в течение послевоенной пятилетки, благодаря выпускам педагогических учебных заведений удалось свести к минимуму проблему дефицита учителей на Южном Урале, улучшить уровень их подготовки.

На фоне незначительных успехов, достигнутых в этом вопросе, очевидными в середине 1950-х гг. становятся последствия демографических колебаний военных и послевоенных лет, напрямую влиявших на планирование количества школ и контингента учителей. Чрезвычайно важным становится поиск наиболее благоприятных возможностей сохранения педагогических институтов и училищ с учетом долгосрочной перспективы. Однако в условиях ожидаемого демографического спада руководящие органы государственной власти и образования оказались не в состоянии рационально использовать в сложившейся ситуации резерв учительских кадров.

Отсутствие скоординированных действий со стороны работников Министерства просвещения РСФСР и отдела школ ЦК КПСС не позволило верно спланировать и просчитать сбалансированный и пропорциональный рост численности учителей. В данном случае проявляется такое сложное социокультурное явление, сложившееся накануне хрущевской «оттепели», но имевшее место при Н.С. Хрущеве, как «регламентированный бюрократический плюрализм». Несмотря на принятые меры, органы управления на местах оказались не в состоянии ответить на новые вызовы, обращенные к системе образования, решить проблему скрытой безработицы учителей.

Неоднозначный характер и последствия имела структуризация педагогических учебных заведений. Стоит отметить, что реорганизация учительских институтов в педагогические вузы отвечала требованиям времени. В сфере высшего педагогического образования намечалось создание многоуровневой полнокомплектной системы, обеспечивавшей подготовку специалистов высшей квалификации для всех ступеней школы. Массовое же сокращение педагогических училищ не учитывало стратегических перемен в образовании, связанных с реализацией школьной реформы 1958 г. и введением всеобщего среднего образования.

© Алмаев Р.З., 2018

Рукопись поступила в редакцию: 28 августа 2018 г.

Submitted: 28 August 2018

References

- Abakumov, A.A., Kuzin, N.P., Puzyrev, F.I., and Litvinov, L.F. “O zaocnom obuchenii uchitelei.” [On correspondence education of teachers] In *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola. 1917–1973* [Public education in the USSR. Comprehensive school. 1917–1973]. Moscow: Pedagogika Publ., 1974: 437–438 (in Russian).
- Alibaev, S.R. *Shkoly Bashkirskoi ASSR (proshloe, nastoyashchee i puti dal'neishego razvitiya)* [Schools of the Bashkir ASSR (past, present and ways of further development)]. Ufa: Bashkniigoizdat Publ., 1966 (in Russian).
- Almaev, Rustam Z. “Provintsial'nyy uchitel' Yuzhnogo Urala poslestantsinskoy epokhi: sotsiokul'turnyy portret.” [Provincial teacher of the Southern Urals after the Stalin era: socio-cultural portrait] In *Kul'tura i vlast' v SSSR. 1920–1950-ye gody: Materialy IX mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 24–26 oktyabrya 2016 g.*, 412–422. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Prezidentskiy tsentr B.N. Yel'tsina Publ., 2017 (in Russian).
- Anaikina, L.I. *Stanovlenie sistemy narodnogo obrazovaniya v RSFSR (1922–1991 gg.)* [Formation of the public education system in the RSFSR (1922–1991)]. Moscow, Nizhnii Novgorod: Begemot Publ., 2000 (in Russian).
- Asadullina, G.A. “Nekotorye aspekty stanovleniya srednego pedagogicheskogo obrazovaniya v BASSR (na primere Mesyagutovskogo bashkirskogo pedagogicheskogo tekhnikuma v 1929–1945 gg.)” [Some aspects of the formation and development of secondary pedagogical education in the BASSR (on the example of the Mesagutovo Bashkir Pedagogical Technical School in 1929–1945)] *Vestnik VEGU*, no. 2 (2013): 163–167 (in Russian).
- Belova, M.G. *Povsednevnyaya zhizn' uchitelei* [Everyday Life of Teachers]. Moscow: IEA RAN Publ., 2015 (in Russian).
- Chelyabinskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet* [Chelyabinsk State Pedagogical University]. Chelyabinsk: ChGPU Publ., 2004 (in Russian).
- Danev, A.M. “Ob uluchshenii dela podgotovki uchitelei: Postanovlenie SNK SSSR № 2088 ot 20 avgusta 1945 g.” [On improving the case of teacher training: Decree no. 2088 of the Council of People's Commissars of the USSR of August 20, 1945] In *Narodnoe obrazovanie. Osnovnye postanovleniya, prikazy i instruktsii* [Public education. basic orders, orders and instructions]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1948: 375–376 (in Russian).
- Ivanova, G.M. “Social aspects of development of Soviet educational system in 1950s – 1960s.” *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, no. 3 (2013): 25–31 (in Russian).
- Kabanov, P.I. *Istoriya kul'turnoi revolyutsii v SSSR* [History of the Cultural Revolution in the USSR]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1972 (in Russian).
- Kagarlitskii, B.Yu. *Byurokraticheskii plyuralizm. Sbornik statei i interv'yuu 2006 g* [Bureaucratic pluralism. Collection of articles and interviews 2006]. [http:// librolife.ru/g4217496](http://librolife.ru/g4217496) (Accessed at: 30.01.2018) (in Russian).

- Kagarlitskii, B.Yu. *Marksizm: ne rekomendovano dlya obucheniya* [Marxism: not recommended for training]. <https://romanbook.ru/book/3559497/?page=48> (Accessed at: 30.01.2018) (in Russian).
- Kalashnikov, A.G. “Zadachi organov narodnogo obrazovaniya v 1946 godu.” [The tasks of the bodies of public education in 1946] *Narodnoe obrazovanie*, no. 1 (1946): 37–42 (in Russian).
- Khodyrev, A.M. “Istoricheskie aspekty otechestvennogo obrazovaniya v provintsii.” [Historical aspects of domestic education in the province] In Zlotnikovoi, T.S., Letinnoi, T.I., and Novikova, M.V., eds. *Model' kul'tury russkoi provintsii v autentichnom, istoriko-tipologicheskom i globalizatsionnom diskursakh: kollektivnaya monografiya* [Model of Russian provincial culture in authentic, historical-typological and globalization discourses: a collective monograph]. Yaroslavl': YaGPU Publ., 2013 (in Russian).
- Krivtsova, L.A. “Sel'skoe uchitel'stvo Orenburgskoi oblasti vtoroi poloviny XX veka: kolichestvennye i kachestvennye izmeneniya.” [Rural teaching of the Orenburg region in the second half of the 20th century: quantitative and qualitative changes] *Izvestiya Orenburgskogo agrarnogo universiteta*, no. 11 (2006): 99–101 (in Russian).
- Kul'sharipov, M.M., and Nizamov, A.I. *Istoriya Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [History of the Bashkir State University]. Ufa: BGU Publ., 1997 (in Russian).
- Markelova, L.N. *Srednee professional'noe obrazovanie Bashkortostana 1925–1985 gg.: Stanovlenie i razvitie* [Secondary professional education of Bashkortostan 1925–1985: formation and development]. Sterlitamak: Sterlitamakskaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya Akademiya Publ., 2005 (in Russian).
- Mustafina, F.Kh. *Razvitie vseobshchego srednego obrazovaniya v SSSR (1917–1978 gg.)* [The development of universal secondary education in the USSR (1917–1978)]. Ufa: Bashkniigoizdat Publ., 1979 (in Russian).
- “Nachalo zanyatii v vuzakh.” [Beginning of studies in universities] In *Krasnaya Bashkiriya*: September 4, 1945 (in Russian).
- Panachin, F.G. *Upravlenie prosveshcheniem v SSSR* [Management of Education in the USSR]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1977 (in Russian).
- Panachin, F.G. *Ocherki istoriiskoly i pedagogicheskoi mysli narodov SSSR (1941–1961 gg.)* [Essays on the historical and pedagogical thought of the peoples of the USSR (1941–1961)]. Moscow: Pedagogika Publ., 1988 (in Russian).
- Pavlishchev, K.S. *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Sbornik normativnykh aktov* [Public education in the USSR. Collection of normative acts]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1987 (in Russian).
- Polyakov, Yu.A. “Demograficheskoe ekho' voyny.” [Demographic echo of the war] In Polyakov, Yu.A., Zhiromskaya, V.B., Aralovets, N.A., and Sevost'yanov, G.N. eds. *Voyna i obshchestvo, 1941–1945* [War and society, 1941–1945], book 2. Moscow: Nauka Publ., 2004 (in Russian).
- Shageeva, M.Sh. “Uchitel'skie instituty Bashkirskoi ASSR i ikh rol' v podgotovke pedagogicheskikh kadrov 1930–1950-kh gg.” [Teaching institutes of the Bashkir ASSR

and their role in the training of pedagogical personnel 1930–1950s] In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i ipraktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice], no. 12 (2013): 200–203 (in Russian).

Sovetskaya intelligentsiya. Kratkii ocherk istorii (1917–1977) [The Soviet intelligentsia. A brief history outline (1917–1977)]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1977 (in Russian).

Timirgazieva, A.I. “Preparation of national scientific personnel in the Bashkir ASSR in 1950–1970-ies.” *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (2014): 41–45 (in Russian).

Veselov, V.R. *Formirovanie uchitel'skikh kadrov v SSSR: Ucheb. Posobie po spetskursu* [Formation of teachers in the USSR: Proc. Special course allowance]. Moscow: MGPI Publ., 1983 (in Russian).

Yamalov, M.B., and Almaev, R.Z. *R.G.Kuzeev (1923–1998)*. Ufa: Vagant Publ., 2008 (in Russian).

Yuing, E.T. *Uchitelya epokhi stalinizma: vlast', politika I zhizn' shkoly 1930-kh gg* [Teachers of the era of Stalinism: power, politics and the life of the school of the 1930s]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).

Archives

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii], f. A-2306, op. 70, d. 9763, 9771.

GARF, f. A-2306, op. 75, d. 4642.

GARF, f. A-2306, op. 81, d. 3.

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Orenburgskoi oblasti (TsDNIOO) [Center for Documentation of the Newest History of the Orenburg Region], f. 371, op. 18, d. 1642.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii (RGANI) [Russian State Archive of Recent History], f. 5, op. 18, d. 42, 61, 66.

RGANI, f. 5, op. 29, d. 58.

RGANI, f. 5, op. 30, d. 185.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History], f. 556, op. 16, d. 35.

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB) [National Archives of the Republic of Bashkortostan], f. 122, op. 28, d. 582.

NA RB, f. 122, op. 29, d. 590.

NA RB, f. 122, op. 32, d. 1976, 1995.

NA RB, f. 122, op. 66, d. 33.

NA RB, f. 798, op. 9, d. 14 a, 16, 69, 839.

Finding teachers for schools in the Southern Urals: training and cadre assignment policies after the Great Patriotic War (1945–1956)

Rustam Z. Almaev

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

3a Oktyabrskoy Revolyutsii St., Ufa, 450000, Russia

almaev_history@mail.ru

Abstract: The article deals with the state’s educational strategy after the Great Patriotic War. These are actual problems for both domestic and foreign historiography. The author draws on archival and historiographic sources that shed light on how schools were provided with staff in the RSFSR, and particularly in the Southern Urals, during late Stalinism and Khrushchev’s “Thaw”. The paper analyzes the main measures taken by the administrative apparatus of the region to restore the network of higher and specialized secondary educational institutions, and to solve the problem of the lack of teachers. As a result of the comprehensive measures during the first decade after the Great Patriotic War, and with the help of graduates from pedagogical educational institutions, the quality of teachers changed for the better. Many teachers who lacked appropriate education and did not wish to improve their qualification were replaced. The article furthermore studies the reasons for the large turnover rate among teachers. Pedagogical institutes and secondary educational institutions in the Bashkir ASSR as well as in the Kurgan, Orenburg and Chelyabinsk Regions were transformed in accordance with the ongoing social, political and economic changes. The author identifies the factors that influenced the reorganization of the teacher training institutes and the optimization of pedagogical schools in the broader region. The article reconstructs how the Party and State administrative apparatus in charge of Russia’s educational system functioned, and determines the degree of its efficiency. Special attention is paid to the ambiguous demographic processes leading to partial or complete “hidden” unemployment among teachers in 1953–1957. The author concludes that under “regulated bureaucratic pluralism”, the supreme bodies of state and educational administration were unable to rationally use the reserve of teachers in the face of an expected demographic decline.

Keywords: general education school, teaching, pedagogical education, hidden unemployment, Southern Urals, Ministry of Education of the RSFSR

For citation: Almaev, Rustam Z. “Finding teachers for schools in the Southern Urals: training and cadre assignment policies after the Great Patriotic War.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 4 (2018): 914–941. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-914-941>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-942-945>

Рецензия / Book review

**Michel Vergé-Franceschi,
Pozzo di Borgo. L'ennemi juré de Napoléon.
Paris: Editions Payot et Rivages, 2016, 412 p.**

Е.В. Линькова (рецензент)

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
e.v.linkova@yandex.ru

Мировоззрение и деятельность российского дипломата корсиканского происхождения Шарля Андре Поццо ди Борго привлекают неослабевающее внимание российских и зарубежных ученых, о чем свидетельствуют как научные труды, так и ежегодные конференции¹, центральной темой которых становится фигура этого талантливого государственного деятеля. Подобный интерес вызван целым рядом факторов. Поццо ди Борго стал своеобразным символом эпохи, непосредственно связанной с одним из переломных моментов российской истории – периодом наполеоновских войн. Весьма примечательным является и тот факт, что в первой половине XIX в. в России фамилия корсиканца стала практически нарицательной и ассоциировалась с профессией дипломата. «...У нашего провинциала все русские послы и посланники Поццо ди Борги...»², – писал П.А. Вяземский.

Кроме того, корсиканский дипломат – это яркий представитель французской эмиграции в России конца XVIII – начала XIX в. – этого уникального феномена, оказавшего существенное влияние на эволюцию российской общественно-политической мысли и на развитие внешнеполитического курса страны. Необходимо отметить и весьма важную роль, которую сыграл Поццо ди Борго в урегулировании послевоенного положения, в определении роли и миссии России на международной арене после 1813–1815 гг. Участие русской армии в антинаполеоновских коалициях,

¹ В качестве примера можно привести следующие конференции: Pozzo di Borgo (1764–1842), Colloque international. Alata, 2017; (Autour de Charles-André Pozzo di Borgo (1764–1842). Cousin de Napoléon et ambassadeur de Russie en France. Actes du colloquetenu à Alata, son village natal, sur les hauteurs d' Ajaccio les 26 et 27 mai 2017 (Ajaccio, 2018); Premières journées d' Histoire diplomatique d' Alata. Autour de l' ambassadeur Charles-André Pozzo di Borgo. Colloque international (Alata, 2018).

² Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813–1877. М.: Захаров, 2003. С. 652.

Тильзит, Отечественная война 1812 г., становление Венской системы, Европа эпохи конгрессов, – все эти события и явления становятся знаковыми и красной нитью проходят через жизнь французского дипломата, определяя его мировоззрение, способствуя новым виткам карьеры.

Именно поэтому изучение взглядов и деятельности Поццо ди Борго – это, в первую очередь, попытка осмысления целой эпохи, ее особенностей, а также тех великих личностей, которые оказывали влияние на ход развития государств и народов. Вот почему, приступая к исследованию личности Шарля Андре Поццо ди Борго, французский историк, профессор Университета Тура, Мишель Верже-Франчески, в первую очередь обращается к историческому контексту, к тем условиям, в которых сложились идейные установки французского дипломата. История становления мировоззрения Поццо ди Борго – это история Европы, Франции, России, Корсики. Та идейная эволюция, которая была свойственна для поколения, оказавшегося в самом центре революционных событий конца XVIII – начала XIX в., те политические потрясения, войны, которые наполняли особым содержанием жизнь и помыслы целой генерации людей, – все это нашло отражение в работе французского историка. Данный период являл собой сложный этап в процессе становления и трансформации самосознания европейских народов, он отмечен духовным и «национальным брожением»³. И в этом смысле монография М. Верже-Франчески – это первая в своем роде попытка на основе исследования мировоззрения и деятельности отдельно взятого государственного деятеля – Шарля Андре Поццо ди Борго – реконструировать сложный и многомерный образ эпохи, которая остается притягательной для современных исследователей, находящих все новые грани и лакуны в ее изучении.

Как во Франции, так и в России, история наполеоновских войн является актуальной научной проблемой в рамках изучения истории международных отношений, а также внутривосточного, культурного, духовного развития отдельных государств Европы. Обращение в монографии к личности дипломата, описание его жизненного пути, карьеры, взглядов тесно связано с попыткой осмысления сущности идейной борьбы между двумя корсиканцами – Поццо ди Борго и Наполеоном. Автор показывает, что в основе данного противостояния лежали не только политические разногласия, но и личностные факторы, духовное размежевание.

Книга М. Верже-Франчески – это фундаментальный труд, основанный на документах, хранящихся в архивах Российской Федерации и Франции, а также в личных коллекциях (например, семьи Поццо ди Борго). Более того, в мо-

³ *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. М.: Граница, 2002. С. 3.

нографии дается обширный историографический обзор, посвященный не только деятельности Поццо ди Борго, но и в целом наполеоновской эпохе.

Репрезентативная источниковая база, критическое отношение к историографической традиции – все это позволило французскому историку представить свой взгляд на личность и мировоззрение Поццо ди Борго, показать влияние эпохи на судьбу французских эмигрантов, во всей полноте продемонстрировать их убеждения и ценности.

М. Верже-Франчески строит свое повествование на детальном и последовательном изложении ключевых событий, произошедших в жизни Поццо ди Борго, раскрывает взаимосвязь его мировоззрения и деятельности с событиями эпохи. Ключевым аспектом монографии является изучение истории отдельного региона Франции – Корсики, откуда родом был и Шарль Поццо ди Борго, и его политический оппонент – император Наполеон Бонапарт. Корсиканская тема не утратила свою важность и остроту и для современной Франции, а в конце XVIII – начале XIX в. представляла особую актуальность. Безусловно, эмиграция из данного региона едва ли может быть выделена в особое направление, так как корсиканцы в России были весьма малочисленны и не обособлены от основной массы французов. Однако в силу того, что национальная идентичность корсиканцев вызвала массу дискуссий и споров как во Франции рубежа XVIII–XIX в., так и в современном французском обществе, а многие корсиканцы до сих пор продолжают позиционировать себя весьма независимо, сама постановка проблемы о роли истории, культуры и традиций Корсики в формировании мировоззрения Поццо ди Борго не вызывает сомнений. Известно, что сам дипломат, отвечая на вопрос о том, какое «...корсиканцы имеют сердце – французское или итальянское?», отвечал: «корсиканское»⁴.

И Поццо ди Борго, и Наполеон происходили из корсиканского дворянства и были яркими представителями этой «мятежной» части Франции. Деятельность идейных и политических лидеров Корсики, таких как, например, генерал Паскаль Паоли, также весьма детально представлена в монографии французского историка. Таким образом, перед читателем открывается многомерная картина французской действительности и внутрисполитической жизни конца XVIII – начала XIX столетия, в которой тесным образом переплетались революционная борьба, национальный вопрос, амбиции европейских держав, а также личные качества и устремления отдельных исторических личностей.

⁴ Michel Vergé-Franceschi, *Pozzo di Borgo, L'ennemi juré de Napoléon* (Paris: Editions Payot et Rivages, 2016), 11.

Монография французского ученого представляет собой оригинальное произведение, которое призвано обогатить представления читателей об истории России и Европы первой четверти XIX столетия. Более того, благодаря исследованию деятельности Поццо ди Борго автор показывает и весь масштаб личности его идейного противника – Наполеона Бонапарта. Примечательно, что М. Верже-Франчески начинает свое повествование о судьбе корсиканского дипломата словами французского императора о том, что «Поццо ди Борго посоветовал Александру I идти на Париж, что... решило судьбы Франции...»⁵.

Можно отметить, что исследование мировоззрения, жизненных перипетий, карьеры Поццо ди Борго дает французскому историку возможность с новой стороны взглянуть на сущность наполеоновской эпохи, проследить, насколько важной может быть роль отдельно взятой личности в истории. Пример идейной борьбы Шарля Андре Поццо ди Борго и Наполеона Бонапарта – это пример той масштабной дискуссии по вопросам будущего народов Европы, которая развернулась вследствие революционных потрясений и войн конца XVIII – начала XIX в.

В заключение необходимо отметить особую значимость данной монографии для российского научного сообщества. Работа М. Верже-Франчески расширяет рамки исследований в сфере анализа и реконструкции российско-французских отношений XIX в., знакомит с обширной базой опубликованных и архивных материалов, приглашает к дальнейшему научному поиску в области изучения наполеоновской эпохи, сыгравшей ключевую роль не только в судьбах Франции и Европы в целом, но и России.

**Michel Vergé-Franceschi,
Pozzo di Borgo. L'ennemi juré de Napoléon.
Paris: Editions Payot et Rivages, 2016, 412 p.**

Elena V. Linkova (reviewer)

RUDN University

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

e.v.linkova@yandex.ru

⁵ Michel Vergé-Franceschi, *Pozzo di Borgo, L'ennemi juré de Napoléon* (Paris: Editions Payot et Rivages, 2016), 9.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-946-953>

Информационная статья / Informational Article

Р.А. Арсланову, ученому и педагогу, 70 лет!

В.В. Зверев

Институт российской истории
Российская академия наук
117036, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
v.v.zverev@bk.ru

Researcher and professor Rafael A. Arslanov is 70 years old!

Vasily V. Zverev

Institute of Russian History
Russian Academy of Sciences
19 Dmitrya Ulyanova St., Moscow, 117036, Russia
v.v.zverev@bk.ru

30 ноября 2018 г. Рафаелю Амировичу Арсланову исполняется 70 лет. Для тех, кто знаком с юбиляром не один год, эта дата представляется неким недоразумением. И дело не только в психологически объяснимом неприятии все возрастающих цифр. Просто подтянутая фигура Арсланова, его природный оптимизм, заряженность на творчество не позволяют числить его по категории маститых ветеранов, почивающих на лаврах былых заслуг. Напротив, он подает пример в неустанном научном поиске, на него хочется равняться и в учебном, и в научном процессе, и в плодотворном общении с коллегами и учениками.

Жанру юбилейной статьи присущи собственные каноны и нормы, которые требуют рассказать об основных и значимых этапах жизни и творчестве юбиляра. Не будем и мы нарушать сложившейся традиции.

Родился Рафаэль Амирович в обычной московской семье. Мама работала на Первом Московском часовом заводе. Отец служил в милиции.

В жизни каждого человека очень многое закладывается в детстве и зависит от родных и близких. Родители Арсланова прошли суровую школу военных испытаний. Амир Айниатович в 18 лет ушел на фронт, защищал осажденный Ленинград, штурмовал Кенигсберг, где был тяжело ранен. Среди его боевых наград – два ордена «Отечественной войны», медали, среди которых особо ценимая солдатами – «За отвагу». Раиса Галеевна, как и тысячи москвичей, участвовала в создании оборонительных укреплений на подступах к столице, была награждена медалью «За оборону Москвы». Думается, что Рафаель Амирович унаследовал лучшие качества родителей – уважение к людям, трудолюбие, патриотизм. А на формирование мужских черт характера – товарищества, дружбы, воли – оказал и район знаменитой Таганки, где проживала семья.

Уже в школьные годы проявился интерес Арсланова к гуманитарным предметам – литературе и истории. Рано обнаружившаяся тяга к знаниям воплотилась в страсть к чтению. Еще в детстве Рафаель Амирович стал настоящим «библиофагом», а любовь к беллетристике способствовала выработке блестящего литературного стиля, который свойственен его научным сочинениям.

Профессиональное становление Арсланова не было связано с обычным переходом на учебу из школы в вуз. С 1967 по 1969 гг. он служил в Советской Армии. В рядах зенитно-ракетных войск охранял небо столицы Украины – Киева. Наверное, не в последнюю очередь и в связи с этим драматические события, происходящие сейчас в соседнем государстве, вызывают у него болезненно-обостренную реакцию.

Закончив армейскую службу сержантом, Арсланов еще год трудился слесарем-механиком 4-го разряда на Первом Московском часовом заводе. И только затем в 1970 г. поступил на историко-филологический факультет Университета дружбы народов имени П. Лумумбы. Здесь произошло его во многом судьбоносное знакомство с доктором исторических наук, профессором В.Ф. Антоновым. Возглавляемая им кафедра истории СССР представляла собой научный центр по изучению русского народничества. Василий Федорович, обладавший редким даром ученого и педагога, сразу отметил несомненные способности Арсланова, привлек его к работе в исследовательском семинаре. Предметом изучения стало идейное наследие П.Л. Лаврова. Интерес к этой выдающейся личности побуждал к исследованию не только опубликованных работ, но и к архивным поискам, введению в научный оборот ранее неизвестных сочинений. Труд историка манил и завораживал.

Однако студенты УДН имени П. Лумумбы существовали не только в тесных рамках двухсеместрового учебного процесса. Третий (летний) семестр, как правило, был связан с работой интернациональных студенческих строительных отрядов. Хотелось бы сказать несколько слов об этой малоизвестной странице биографии Арсланова. Он является одним из ветеранов-стройотрядовцев, девять раз выезжавшим на стройки Казахстана и Сибири. Среди наиболее известных объектов народного хозяйства, в строительстве которых ему довелось принимать участие – железные дороги Усть-Илим – Хребтовая, Вяхиревка – Братск, западный участок легендарной Байкало-Амурской магистрали. Работа в строительных отрядах – это не только напряженный труд, но и присущее студенчеству неистребимое чувство озорства и юмора, которое проявлялось в регулярно устраиваемых на День строителя «переворотах». В результате тщательно продуманного сценария командный состав «свергался», «заклучался под стражу» и наступало вожделенное время безвластия. Действо приобретало карнавальную форму, наполненную шутками и весельем, но вместе с тем в нем проявлялось свойственное человеку экзистенциональное чувство свободы. Одним из «закоперщиков» таких переворотов как раз и выступал Рафаэль Амирович, разрабатывавший планы «военных операций», программы, манифесты, тексты листовок с призывами к действию.

В 1975 г. с отличием окончив родной университет и получив квалификацию историка и переводчика с французского языка, Арсланов поступил в аспирантуру. В 1978 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Критика П.Л. Лавровым русского либерализма» и был принят на должность ассистента кафедры истории СССР.

Превращение бывшего аспиранта в преподавателя – длительный и непростой процесс, требующий выработки индивидуальных методов чтения лекционных курсов, проведения семинарских занятий. Не менее сложным является и формирование умений научного руководства курсовыми, дипломными работами студентов. Собственными педагогическими наработками с Арслановым щедро делились старшие товарищи по кафедре истории СССР – Т.В. Батаева, Т.Д. Крупина, Н.Г. Георгиева, В.Г. Джангирян и др. Неоценимый опыт приобрел Рафаэль Амирович во время заграничной командировки в Мали (1984–1987 гг.). Здесь он работал преподавателем истории в Высшей школе (Ensup) г. Бамако, где читал на французском языке курс лекций по истории средних веков и истории Восточной Европы.

К концу 1980-х гг. доцент Арсланов стал одним из ведущих преподавателей историко-филологического факультета Университета дружбы народов. Одновременно с этим он не прекращал научную деятельность,

расширяя предметную область исследования – историю российской общественной мысли – и обращаясь к творчеству А. И. Герцена, А.Д. Градовского, К.К. Арсеньева, В. А. Гольцева и других, в основном мало известных писателей и публицистов.

В результате в начале 1990-х гг. Арсланов оказался в рядах ученых, кардинальным образом пересмотревших историю российского либерализма.

Если в советской историографии русские либералы XIX – начала XX в. рассматривались сквозь призму господствующей методологии и представляли идеологами буржуазии, склонными к сделке с самодержавием, то в изменившихся в современной России условиях они из обвиняемых превратились в объект научного анализа. Исследователи обратились к проблеме генезиса, типологии и особенностей либерализма в России, стали воспринимать его как самоценное явление, пытаясь, с одной стороны, показать теоретическую глубину и актуальность исканий его ведущих теоретиков, а с другой, – понять причины отторжения его основных идей российским социумом.

Особое место среди русских либералов занимал Константин Дмитриевич Кавелин, заслуженно считающийся одним из основоположников и ведущих теоретиков либерального течения в стране. К исследованию его жизненного пути и творчества и обратился Арсланов, создавший биографию, посвященную одному из ярчайших представителей русской творческой элиты России XIX в.¹ В его монографии впервые в отечественной историографии рассматривалось становление и развитие мировоззрения мыслителя, протекавшее в контексте исторического времени. Значительное место в работе было уделено деятельности Кавелина, способствовавшей консолидации общественных сил страны, его заметному участию в подготовке Великой реформы – отмене крепостного права. Особое внимание в книге Арсланов уделил роли Кавелина в осмыслении значения роли личности в общественном прогрессе и распространении идеи ее самоценности.

Изданная работа стала основой докторской диссертации «К.Д. Кавелин и становление национальной либеральной традиции в России», которая была успешно защищена в 2000 г. Согласно экспертному мнению Арсланов «первым в отечественной исторической науке исследовал становление национальной формы либерализма в России второй половины XIX в., выявил основные компоненты национально-либеральной модели развития»².

¹ Арсланов Р.А. К.Д. Кавелин: человек и мыслитель. М.: РУДН, 2000.

² История русской социально-политической мысли в XXI веке: исследователи и исследования: энциклопедия. М.: Издательство Московского университета. 2015. С. 51.

При этом, изучая наследие Кавелина, он отметил стремление русского мыслителя адаптировать либеральные ценности к социокультурным условиям России эпохи пореформенной модернизации. Тем самым Арсланову удалось обосновать актуальность теоретических исканий отечественного либерала для наших дней.

В 2003 г. Арсланову было присвоено звание профессора. Его достижения в исследовании общественной мысли России были оценены и научным сообществом. В 2001 г. он был избран действительным членом Российской академии естественных наук по отделению «Словесные и национальные традиции».

В настоящее время Арсланов возглавляет созданную еще его научным руководителем В.Ф. Антоновым научную школу «История общественно-политической мысли и общественных движений России XIX – начала XX в.». Под его руководством были защищены 14 кандидатских и одна докторская диссертации. Возглавляемый им коллектив ученых получил грант РГНФ по теме «Эволюция реформаторской демократической мысли в России второй половины XIX – начала XX в.: модели развития, историография, методы исследования». Цель проекта заключалась в том, чтобы, опираясь на анализ особенностей отечественного либерализма (антибуржуазность, признание необходимости сохранения крестьянской общины, отстаивание идеи сильного социального государства и др.), обосновать его идеологическую совместимость с демократизмом, а также выявить круг общественных деятелей, занимавшихся теоретической и практической разработкой общей программы действий.

Арсланову удалось показать основное содержание либерально-демократического синтеза, предполагающего осуществление «демократизации без революции» или «реформаторской демократии». По его справедливому замечанию, к началу 1880-х гг. определенная часть народников разочаровывается не только в идее насилия как движущей силы прогресса, но и в народе как носителе начал демократии и социализма, и осознает, что главным субъектом модернизации страны является либерально-демократическая интеллигенция, действующая на легальной почве. Кроме того, часть либералов после воцарения Александра III, как утверждает Арсланов, «утрачивает веру в реформаторский потенциал самодержавия, делает ставку на местное самоуправление, начинает объединяться вокруг идеи политического освобождения, ...и идет на сближение с демократией в целях обретения более прочной социальной базы»³.

³ Арсланов Р.А. Становление и эволюция реформаторского демократизма в России конца XIX – начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 2. С. 10, 16.

Вместе с тем, раскрывая взаимоотношения народников и либералов, Арсланов не затушевывает существующие между ними непримиримые разногласия, прежде всего по вопросу об особом пути развития России. Именно на этой основе он выделяют две модели реформаторского демократизма: либерально-демократическую – западный путь к *свободе* через создание «социального государства» и реформаторско-народническую – самостоятельный путь к *социальной справедливости* в союзе с народом⁴. Принципиально новым в концепции Арсланова стало выявление точек соприкосновения, вокруг которых кристаллизовались основные компоненты идеологии реформаторского демократизма. Это особое отношение к народу (признание ответственности интеллигенции за его «бедственное» положение), совместная деятельность в земстве как базовом институте национальной демократической системы и лучшей школы подготовки населения страны к политической свободе и демократии и, наконец, убеждение в необходимости мирной эволюции страны, путем постепенного преодоления социальных издержек Великой реформы⁵.

Оригинальный взгляд Арсланова на внешнеполитическую доктрину русских либералов привлек к себе внимание редакции широко известного мировой научной общественности журнала «The International History Review» (RINH). Написанная им в соавторстве с К.П. Курьлевым статья, посвященная восприятию либералами пореформенной эпохи внешнеполитических отношений России и западноевропейских стран во второй половине XIX столетия, получила положительные рецензии и была опубликована в июле 2017 г.⁶

В своей статье Арсланов выявил основные факторы, влиявшие на становление и эволюцию внешнеполитических воззрений либералов, отметив роль поражения России в Крымской войне как события, вызвавшего не только преодоление у части либералов идеализации Запада, но и формирование прагматического подхода к внешней политике страны.

Арсланов проследил за тем, как динамика международных отношений, процесс модернизации страны по европейскому образцу с его противоречивыми последствиями, а также трансформация самой либеральной доктрины вели к складыванию в либерализме течений с различным воспри-

⁴ Арсланов Р.А. Реформаторский демократизм в концепции В.А. Гольцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 1. С. 55.

⁵ См.: Арсланов Р.А. Становление и эволюция реформаторского демократизма в России конца XIX – начала XX в. ... С. 9, 10.

⁶ Rafael A. Arslanov, Konstantin P. Kurylev, “West European countries and their foreign policy in the views of the Russian liberals of mid-to-late 19 century,” *The International History Review* 39 (2017): 73–101.

ятием ведущих стран Европы и их внешней политики. В результате ученый выявил группу национально ориентированных российских либералов того времени, которые в качестве приоритетных выдвигали задачи модернизации, проведения либеральных реформ, а не великодержавную политику и укрепление внешнеполитического могущества страны, препятствующих, по их мнению, росту благосостояния народа и обеспечению социальной стабильности. С другой стороны, Р.А. Арсланов обнаружил стремление ряда либеральных публицистов активно противостоять влиянию западных стран на международной арене и укреплять позиции России в решении, например, восточного вопроса, что положило начало формированию концепции «либеральной империи». В итоге Арсланову удалось установить присущее либерализму того времени сочетание патриотических настроений, защиты национальных интересов и поддержки внешней политики государства с зачастую противоречащей им приверженностью идеям пацифизма, свободы, национального суверенитета и критики некоторых действий правительства на международной арене.

В целом, Р.А. Арсланов представил внешнеполитическую концепцию либералов как развивающуюся в контексте времени систему, в которой защита национальных интересов во внешней политике сочеталась с верой в возможность утвердить либеральные идеалы внутри страны.

В настоящее время профессор Р.А. Арсланов является заместителем заведующего кафедрой истории России факультета гуманитарных и социальных наук, заместителем главного редактора журнала «Вестник РУДН. Серия: История России», он возглавляет направление аспирантуры «Исторические науки и археология». В 2018 г. Р.А. Арсланов стал заместителем председателя Экспертного совета по истории ВАК России. Свои силы и знания он отдает подготовке квалифицированных специалистов-историков.

Особо хотелось бы отметить участие Р.А. Арсланова в международной деятельности РУДН, которая является одной из первостепенных сфер в рамках образовательной политики университета. Он осуществляет научное руководство дипломными работами студентов, обучающихся по программам совместной магистратуры с университетами Франции и Китая, читает лекции за рубежом. Р.А. Арсланов часто представляет Университет, факультет и кафедру истории России на самых разных международных площадках: на конференциях, коллоквиумах, в посольствах и т.д. Исследовательская и преподавательская работа Рафаеля Амировича способствует «узнаваемости» и популяризации в мировом научном пространстве достижений школы изучения истории общественно-политической мысли. Свидетельством тому – многочисленные ученики Арсланова не

только в России, но и за рубежом, которые чаще всего продолжают заниматься научной деятельностью по избранной еще в студенческие годы проблематике.

Вся сознательная жизнь Рафаеля Амировича связана с РУДН. С полным основанием можно сказать, что он не только достойный воспитанник родного Университета, но и продолжатель его лучших научных и духовных традиций. В день 70-летия хотелось бы пожелать профессору Арсланову счастья, творческого долголетия и успехов на благородной ниве служения образованию и науке.

© Зверев В.В., 2018

НАШИ АВТОРЫ

CONTRIBUTORS TO THIS ISSUE

Алмаев Рустам Закирович (г. Уфа, РФ) – кандидат исторических наук (Башкирский государственный университет, 1999), доцент кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы, профессор Академии военных наук Российской Федерации. Специализируется в области новейшей истории России и Южного Урала, истории школьного и высшего педагогического образования на Южном Урале в XX веке. В сферу научных интересов входят также вопросы военно-патриотического и религиозного воспитания. Автор более 150 научных публикаций, в том числе монографий: *Становление советской системы школьного образования в Республике Башкортостан* (Уфа: Вост. ун-т, 2002), *Школьное образование в Башкирской АССР: история, достижения, традиции* (Уфа: Изд-во БГПУ, 2008), *Р.Г. Кузеев (1923–1998)* (Уфа: Вагант, 2008), *Научный учитель Башкортостана Л.К. Агадулина* (Уфа: Изд-во БГПУ, 2012), *Россия – Башкортостан: общность исторических судеб. История России через историю регионов* (М.: ООО «Интеграция: Образование и наука», 2017). E-mail: almaev_history@mail.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович (г. Москва, РФ) – доктор исторических наук (Московский государственный областной университет, 2000), профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени МГОУ. По совместительству – профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. В сферу научных интересов входят вопросы социокультурной исторической динамики, политического процесса, теории цивилизационного генезиса, истории общественно-политической мысли России. Автор и соавтор более 600 научных трудов, включая более 40 монографий по исторической и политологической проблематике, в том числе: *Традиционализм и цивилизационная идентичность России* (М.: Собрание, 2006); *Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества* (М.: Научный эксперт, 2008), *Властная идейная трансформация: Исторический опыт и типология* (М.: Научный эксперт, 2011); *Антироссийские исторические мифы* (СПб.: «Питер», 2016); *Современный фашизм: новые облики и проявления* (М.: Наука и политика, 2017); *Вызов культурной дерусификации (россиефобии) и государственный ответ* (М.: Наука и политика, 2017). E-mail: vardanb@mail.ru

Гатагова Людмила Султановна (г. Москва, РФ) – кандидат исторических наук (Институт истории АН СССР, 1985), ведущий научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН. Специализируется в области истории России XIX–XX вв., в сфере проблематики взаимоотношений центра и окраин империи, а также советской национальной политики. Автор более 150 научных публикаций, в том числе монографий: *Правительственная политика и народное*

образование на Кавказе в XIX в. (М.: Россия молодая, 1993), *Советская этнополитика. 1930–1940-е гг.* (М.: Издательство Института российской истории, 2012), *Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860–1917 гг.* (М.: Новый хронограф, 2016). В соавторстве: *Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия* (М.: Наука, 2003), *Российская империя от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории* (М.: Русская панорама, 2011). E-mail: narodyirigi@mail.ru

Ерохина Ольга Викторовна (г. Москва, РФ) – доктор исторических наук (Воронежский государственный университет, 2011), профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета. Специализируется в области социально-экономической истории Российской империи и СССР в 20-е гг. XX в. Сфера научных интересов: история немецких колоний в дореволюционной России, история немецкого предпринимательства в России до 1917 г., российско-германские экономические отношения в конце XIX – начале XX в., концессионная политика и практика советского государства. Автор более 100 научных публикаций, в том числе монографий: *Немецкие колонии Области Войска Донского (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.)* (Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2009), *Немецкие предприниматели в хозяйственном комплексе юга России. 1860-е – 1930-е гг.* (Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011), В соавторстве: *Немцы России: эволюция исторического пути (1762 г. – XX в.)* (М.: Международный Союз общественных объединений немцев, 2012). E-mail: erohina1@mail.ru

Зверев Василий Васильевич (г. Москва, РФ) – доктор исторических наук (Московский педагогический государственный университет, 1998), профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Сфера научных интересов – история общественной мысли России, русское народничество, социально-антропологические аспекты отечественной истории, художественная литература как исторический источник. Основные научные взгляды автора изложены в монографиях: *Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX века* (М.: Уникум-Центр, 1997), *Капитализм и будущее России в идейном наследии Н.Ф. Даниельсона* (М.: РУДН, 2018). В соавторстве: *Модели общественного переустройства России. XX век* (М.: РОССПЭН, 2004), *Народ, патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.)* (М.: Политическая энциклопедия, 2015), *Реформы России с древнейших времен до конца XX в. В 4 тт. Том 3. Вторая половина XIX – начало XX в.* (М.: РОССПЭН, 2016). E-mail: v.v.zverev@bk.ru

Кемпер Михаэль (г. Амстердам, Нидерланды) – Ph.D. (Бохумский университет, 1997 г.; габиляция – 2003 г.) профессор, заведующий кафедрой европейских исследований и религиоведения факультета гуманитарных наук Амстердамского университета (UvA). Сферой научных интересов является история ислама в России, Центральной Азии и на Кавказе. Основные публикации: *Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan. Von den Khanaten und Gemeindebunden zum gihad-Staat* [Доминирование, право и ислам в Дагестане. Из ханств и общинных знамен в состояние иджитхад] (Wiesbaden, 2005), *Суфизм и учение в Татарстане и Башкортостане, 1789–1889: Исламский дискурс под русским господством* (Казань: Российский исламский ун-т, 2008); соредатор публикаций: *Islamic Education*

in the Soviet Union and Its Successor States (London and New York, 2009), *The Heritage of Soviet Oriental Studies* (London and New York, 2011), *Reassessing Orientalism: Interlocking Orientologies during the Cold War* (London, 2015). E-mail: M.Kemper@uva.nl

Кузнецов Андрей Александрович (г. Нижний Новгород, РФ) – доктор исторических наук (Удмуртский государственный университет, 2009), профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, профессор НИУ ВШЭ. Круг научных интересов: источниковедение, история, историография Древней Руси и средневековой России, история Смутного времени, история исторической науки России и Нижнего Новгорода XIX–XX вв., история высшего образования в Нижнем Новгороде (г. Горьком), имагология, историческая политика и юбилеи. Автор монографий: *Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Особенности преломления источников в историографии* (Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2006), *Князь великий Георгий – основатель Нижнего Новгорода* (Нижний Новгород: Деком, 2017). В соавторстве: *Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии* (М.: Фонд «Русские Витязи», 2017), подготовка к изданию и публикации: *Эрик Густав Эрстрём. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород* (Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2013), *Картины русской жизни. Столица и провинция первой половины XIX века глазами иностранцев. Дневники. Исследования* (СПб: Книга, 2016). E-mail: nalbuz@mail.ru

Линькова Елена Валентиновна (г. Москва, РФ) – кандидат исторических наук (РУДН, 2008), доцент кафедры истории России РУДН, приглашенный преподаватель Университета Гренобль-Альпы (Франция). Является членом международных ассоциаций: Ассоциации преподавателей французского языка (Россия); Университетской лаборатории Университета Гренобль-Альпы «История, культура, Италия, Европа» (г. Гренобль, Франция). Сфера научных интересов: история общественно-политической мысли России XIX в. и российско-французских отношений конца XVIII – первой половины XIX в., имагология. Основные публикации: *Ф.И. Тютчев: становление национального консерватизма* (М.: Российский университет дружбы народов, 2010), “Образ России во французской литературе путешествий XIX в.” *Vylye Gody* 43, no. 1 (2017): 59–67 (в соавторстве с Ж.М. Арутюновой и Р.А. Арслановым), “История российско-французских отношений в первой четверти XIX в. в документах фонда Жозефа де Местра в Архиве Савойи.” *Вестник архивиста*, no. 2 (2018): 604–619 (в соавторстве с Р.А. Арслановым). E-mail: linkova-ev@rudn.ru

Осмаев Мовла Камилович (г. Грозный, Чеченская Республика, РФ) – кандидат экономических наук (РАГС при Президенте РФ, 2003), доцент кафедры журналистики Чеченского государственного университета, Почетный профессор Московского современного гуманитарного университета, академик Международной академии духовного единства народов мира, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Почетный гражданин Чеченской Республики. Специализируется в области отечественной истории XX в. и истории межнациональных отношений, а также в сфере проблем языка, образования и культуры. Автор более 37 научных публикаций, в том числе монографий: *Чеченцы: обы-*

чаи, традиции, обряды (Грозный: ЧГУ, М.: Парнас, 2015), *Инвестиционные проблемы в сфере культуры* (М.: Academia, 2003). В соавторстве: *История и культура вайнахов* (М.: Academia, 2003). E-mail: osmaev.movla@yandex.ru

Реснянский Сергей Иванович (г. Москва, РФ) – доктор исторических наук (Российский государственный университет туризма и сервиса, 2001 г.), профессор, профессор кафедры истории России РУДН. Научные интересы: церковно-государственные отношения в России, аксиология, историческая антропология, геополитика. Основные взгляды автора нашли отражение в ряде коллективных монографий: *Социальная миссия Русской Православной Церкви в контексте церковно-государственных отношений* (М.: МГОУ, 2015); *Церковно-государственная политика Петра I в отечественной историографии* (Орехово-Зуево: РГТУ, 2016), *Русское духовенство при царе-реформаторе: историографическое осмысление* (Орехово-Зуево: РГТУ, 2017), а также в статье “Версия о ритуальном убийстве царской семьи в исторической литературе и общественном дискурсе.” *Вопросы истории*, no. 3 (2018): 35–40 (в соавторстве с В.Э. Багдасаряном). E-mail: s-r44@yandex.ru

Сухомлинова Ксения Юрьевна (г. Краснодар, РФ) – аспирантка кафедры технологий сервиса и деловых коммуникаций НАН ЧОУ ВО «Академии маркетинга и социально-информационных технологий». Сферой научных интересов является изучение процессов становления и развития предпринимательства на Кубани в дореволюционный период. E-mail: sukhomlinova0206@gmail.com

Федина Ирина Михайловна (г. Краснодар, РФ) – кандидат исторических наук (Ставропольский государственный университет, 2008 г.), доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета. Сфера научных интересов – аграрная история, история Кубани, история и культура казачества. Автор и соавтор более 80 научных трудов, в том числе монографий *Становление женского образования в Кубано-Черноморье (досоветский период)*. (Краснодар: [б.и.], 2013), *Кубанский хутор: фазы топохромной эволюции (конец XVIII – первая треть XIX в.)* (Новочеркасск: Лик, 2016) и статьи “Организация хуторских поселений линейных казаков в ходе освоения кубанских земель в конце XVIII – XIX вв.” *История: факты и символы*, no. 15 (2018). E-mail: ir_Lap@mail.ru

Фурман Екатерина Львовна (г. Волгоград, РФ) – кандидат исторических наук (Волгоградский государственный университет, 2008), доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Волгоградского государственного университета. Сферой научных интересов является социально-экономическая история Российской империи и СССР первой половины XX в., в частности, проблемы кооперативного движения, трудовой иммиграции в СССР, концессионная политика и практика в Российской империи и СССР. Автор более 50 научных публикаций, в том числе монографий: *Кооперативное движение в немецких колониях Поволжья (1906 – начало 1930-х годов)* (Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011), *Труд на концессионных предприятиях Российской империи и СССР: Сборник документов (1900–1940-е годы)* (Волгоград: ВолГУ, 2015), *Рабочие на концессионных предприятиях российской империи и СССР (1900–1940-е гг.)* (Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2015). E-mail: ekaterina.furman@volsu.ru

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОРТФЕЛЬ ЖУРНАЛА НА 2019 Г.
●
CALL FOR PAPERS FOR THE 2019 ANNUAL PROGRAM

К 100-летию Версальского мира. Эхо Великой войны в России To the 100th anniversary of the Treaty of Versailles. Echo of the Great War in Russia
<i>Прием статей до 15 ноября 2018 г. • Deadline for submissions: 15 November 2018</i>
Предлагается обсудить проблему разработки проекта, реальный опыт реализации идеи безопасного мирового порядка в рамках Версальской системы, места и роли в нем России; социально-политические практики в межвоенный период, формирование исторической памяти о Великой войне в советском и русском эмигрантском обществе, способы репрезентации прошлого, коммеморативные практики. В рамках тематики предлагается также обсудить проблемы Гражданской войны в России в контексте «меняющегося мира» и формирования Версальской-Вашингтонской системы международных отношений.
История народов России в гендерном измерении The Russian peoples' history in gender dimension
<i>Прием статей до 15 февраля 2019 г. • Deadline for submissions: 15 February, 2019</i>
В рамках данной проблематики предлагается обсудить социальные институты и организации, которые структурируются гендером в дореволюционной России и СССР; субъективную гендерную идентичность; показать особенности частной жизни женщины в России, значение семьи и гендерного иерархического устройства, социальную историю женщины; деятельность женщины в публичной сфере; изменения в истории повседневности советской женщины.
Транснациональный обмен Transnational exchange
<i>Прием статей до 15 мая 2019 г. • Deadline for submissions: 15 May 2019</i>
В рамках данной проблематики важно осветить вопросы, связанные с международным культурным диалогом России, осознающей свои национальные интересы и прилагавшей в разные исторические периоды необходимые усилия для продвижения своей культурной дипломатии; дать оценку внешней культурной политики России/СССР, в том числе в отношении народов, включенных в состав Российской империи; показать отражение вопросов русской миграции на территорию Средней Азии в общественной мысли России.
Россия и Китай Russia and China
<i>Прием статей до: 15 августа 2019 г. • Deadline for submissions: 15 August 2019</i>
В рамках данной проблематики предлагается обсудить различные аспекты истории российско/советско-китайского политического, экономического и культурного сотрудничества с учетом влияния конфуцианских ценностей и концепции «гармоничной культуры» на гуманитарное сотрудничество двух стран; показать новые формы взаимодействия РФ и КНР в рамках сложившихся геополитических реалий конца XX – начала XXI в.

Редколлегия журнала

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

SUBMISSION GUIDELINES

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10–12 тыс. знаков, статьи и историографические обзоры объемом от 40 до 60 тыс. знаков, включая подстраничные сноски и межсловные интервалы (пробелы) и без учета аннотаций и References, в формате MS Word с типом файла DOC. В редакцию должны быть направлены два файла.

Первый файл должен содержать в себе статью без указания автора. Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы (с обязательным анализом новейших зарубежных публикаций), «Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы).

Ссылки на источники и литературу даются постранично с помощью продолжающихся номерных сносок на оригинальном языке опубликования. В сносках обязательно необходимо указывать название издательства. В случае его отсутствия ставить пометку [Б.и.], если цитируемая публикация на русском языке или [S.n.], если цитируемая публикация на иностранном языке.

Вторым файлом по электронному адресу корпоративной почты журнала направляются *текст англоязычной аннотации* объемом не менее 250 и не более 300 слов и ее русскоязычный исходный текст; название статьи, ФИО автора, название организации и ее адрес на русском и английском языках.

Здесь же автор размещает развернутую *информацию о себе* на русском языке с указанием города проживания, страны, ученой степени (в скобках необходимо дать информацию о месте и годе защиты), ученого звания, места работы, должности, основных научных достижений, контактного e-mail.

Также в файле размещается библиографический список в латинизированной форме – “*References*”, который выстраивается в английском алфавите. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Библиографическое оформление публикаций в этом списке отличается от оформления в подстраничных сносках и производится в соответствии с правилами “*Чикагского стиля цитирования*” (“Chicago Manual of Style”) в 17-й редакции в варианте “*Note and Bibliography System*”. При оформлении публикации необходимо указывать название издательства в транслитерированном варианте с обязательным добавлением слова Publ. (Press., если указывается типография).

Файлы направляются по электронному адресу корпоративной почты журнала: rushistj@rudn.university. Анонимный файл с рукописью должен быть дополнительно загружен на сайт журнала для проведения внешнего «слепого» рецензирования.

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

Адрес электронной почты: rushistj@rudn.university

ДЛЯ ЗАМЕТОК
